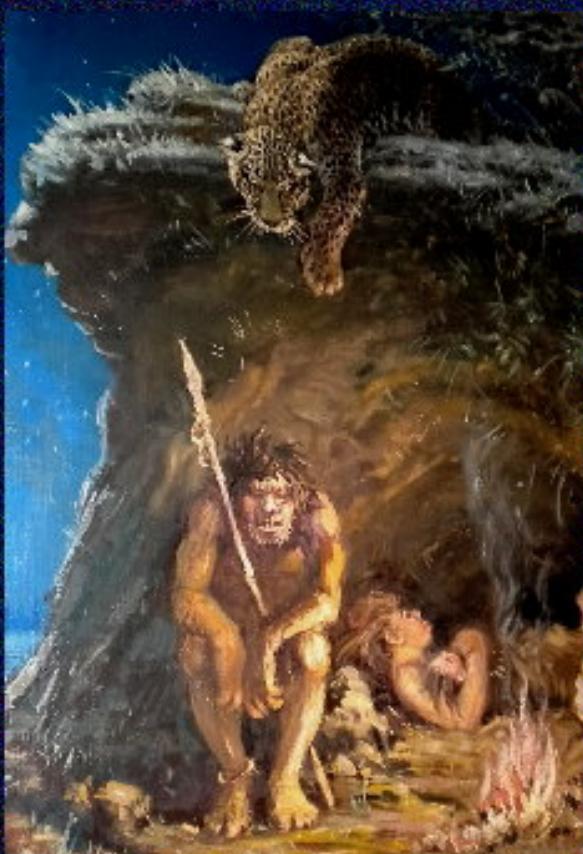

[Polaris]

ВЕК

ДРАКОНОВ

В дали времен

Том IX

POLARIS

ПУТЕШЕСТВИЯ · ПРИКЛЮЧЕНИЯ · ФАНТАСТИКА

CCCXLII

Salamandra P.V.V.

ВЕК ДРАКОНОВ

Вдали времен
Том IX

Salamandra P.V.V.

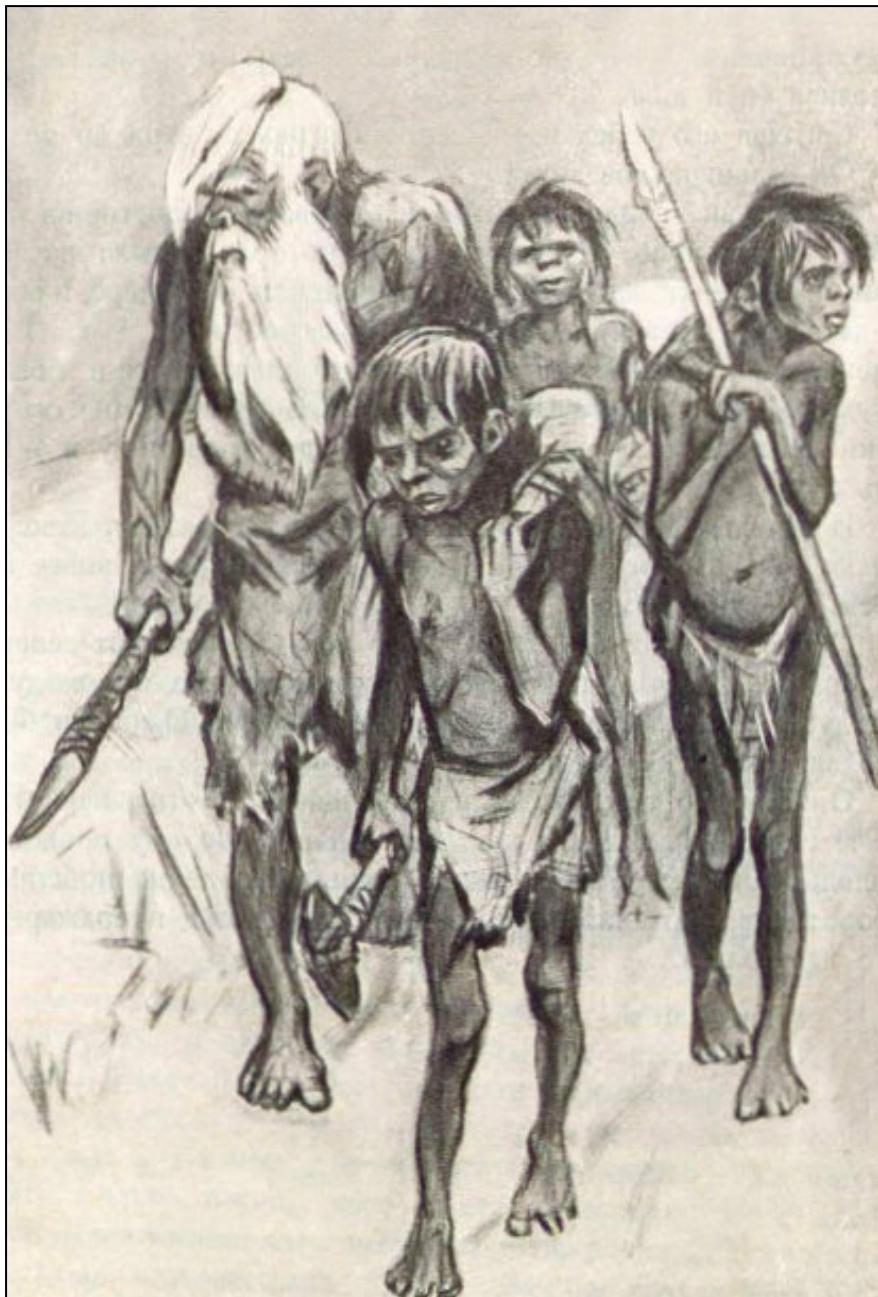
Век драконов. Сост., подг. текста и прим. М. Фоменко (В дали времен. Т. IX). — Б. м.: Salamandra P.V.V., 2019. — 290 с., илл. — (Polaris: Путешествия, приключения, фантастика. Вып. CCCXLII).

В сборник включены рассказы и повести, объединенные темой детства в первобытном мире. В «Удивительных приключениях Ига и Тига» А. Линкольна, как и в познавательных рассказах И. Любича-Копчурова «Век драконов» и Л. Редфилд-Питти «Дина и динозавры», детям-героям предстоит столкнуться не только с мамонтами или саблезубыми тиграми, но и с... динозаврами. Классические «Приключения доисторического мальчика» Э. д'Эрвильи, знакомые современным читателям лишь по «обработкам» или в сокращении, представлены в наиболее полном и ранее не переиздававшемся переводе. В книгу также вошла повесть Л. Фич-Перкинс «Смельчаки: Дети каменного века».

© Authors, estate, 2019

© М. Фоменко, состав, подг. текста, прим., 2019

© Salamandra P.V.V., оформление, 2019

ВЕК
ДРАКОНОВ

Иоасаф Любич-Кошурев

ВЕК ДРАКОНОВ

Мое знакомство с допотопными животными

Илл. В. Спасского

■ ■ ■ БИБЛИОТЕЧКА СТУПИНА. ■ ■ ■

ВЪКЪ ДРАКОНОВЪ.

Цѣна 10 коп.

МОСКВА.

І. Любичъ-Кошуроў.

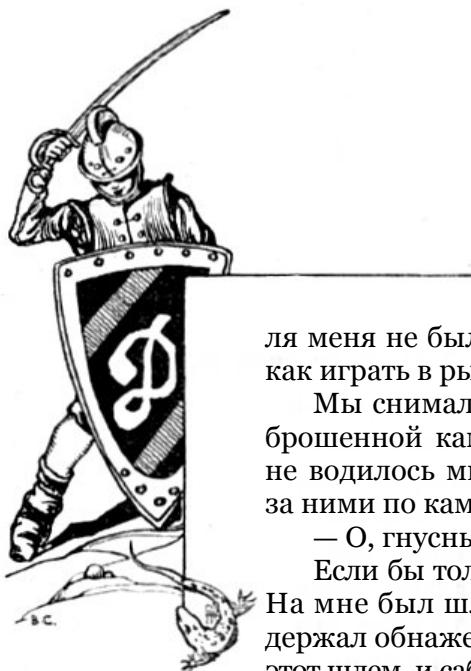
ВЪКЪ ДРАКОНОВЪ

Моє знако́мство съ
допотопными же-
вотными.

Рисунки

В. Спасскаго.

ля меня не было большего удовольствия, как играть в рыцаря Альберта.

Мы снимали дачу недалеко от старой брошенной каменоломни. В каменоломне водилось множество ящериц. Я бегал за ними по каменоломне и кричал:

— О, гнусные чудовища!

Если бы только вы могли меня видеть! На мне был шлем и панцирь, и в руке я держал обнаженную саблю... Правда, мне этот шлем, и саблю, и панцирь купили в игрушечном магазине, и они были сделаны из жести — но я все-таки кричал:

— О, гнусные чудовища!

Я воображал, что ящерицы — страшные сказочные драконы, а я — рыцарь Альберт... Советую вам прочитать эту книжку: *«Приключения рыцаря Альберта»*. Там есть и рыцари в шлемах и панцирях, и драконы... Я ее в свое время знал почти наизусть.

Раз, облекшись во все свои рыцарские доспехи, я отправился в каменоломню.

Спускаться в каменоломню нужно было по неровным гранитным ступеням, вырубленным прямо в скале.

Ведь и под землей есть скалы... Они только засыпаны песком. Я тогда уже знал, что у нас под ногами в глубине

земли целые горные скалистые страны, погребенные в грудах песка... Что от времени песок вокруг скал слежался и тоже превратился в камень... Да, я все это знал очень хорошо и, скажу вам правду, мне всегда было немного жутко в каменоломне. Она занимала площадь почти в квадратную версту. Во всех направлениях тянулись широкие траншеи, прорытые в каменистом грунте.

Каменная земля... Целый окаменевший мир! Разве это тоже не похоже было на сказку? Я бродил по траншеям, как по улицам заколдованного, обратившегося в камень города и думал иногда, что тут именно и есть самое подходящее место для сказочных страшилищ, с которыми всю свою жизнь сражались древние рыцари.

Итак, я спустился в каменоломню и пошел хорошо мне знакомой дорогой. Сегодня я решил во что бы то ни стало обойти всю каменоломню.

Не стану описывать моих встреч с ящерицами, а перейду прямо к самому интересному, что случилось со мной в тот очень мне памятный день.

В одном из коридоров, на его твердом, как гранит, полу, я увидел глубоко вдавленные следы такой странной формы, что невольно попятился назад.

Попробуйте пройтись на голове по мокрому песку. Конечно, ходить на голове нельзя, но можно ходить вверх ногами на одних руках. У меня был товарищ, который умел делать это...

Мне именно показалось, что я вижу следы, оставленные человеком, ходящим не на ногах, а на руках!

Но что это был за человек!

Не говоря уже о том, что ладони его продавливали слежавшийся в камень песок, отпечатки этих ладоней по величине превосходили всякое воображение...

Даже мое воображение.

Такие руки могли принадлежать только великанию. Помоему, если бы сшить на них перчатки, например, кожаные, то на каждую перчатку пошло бы по целой воловьей шкуре...

Прошу взглянуть на рисунок.

Следы лап хиротерия (Гокчитеттер)

Ни я, ни вы и никто в мире не поверил бы, что это следы живого существа... А между тем, чем же иным они могли быть?

Я хотел бежать и не мог...

Мои ноги словно приросли к земле.

И вдруг я увидел подходившего ко мне невысокого ста-ричка в большой черной шляпе и широкой, очень длинной черной же разлетайке.

Я побледнел. Я смотрел на него с ужасом. Полы его разлетайки волочились по земле, Я не могу сейчас сказать, чего я больше испугался: его ли самого, или этой его волочившейся по земле черной хламиды...

Закрыв лицо руками, я закричал:

— Не подходите ко мне!

Он сказал:

— Гм... Кажется, во мне нет ничего страшного.

— Кто вы? — спросил я...

Уверяю вас, мне хотелось оглохнуть, чтобы не слышать, что он скажет. Я решил уже, что ничего доброго от него не услышу.

Он заговорил сллащавым голосом:

— К сожалению, я не умею разговаривать с детьми и не знаю, поймешь ли ты меня. Я, видишь ли ты, — ученый, занимающийся палеонтологией. Тьфу! ведь тебе неизвестно, что такое палеонтология... Палеонтология — это наука об ископаемых животных, то есть таких животных, которых теперь уже нет на земле, но которые когда-то на ней существовали. В земле сохранились их скелеты. Ого! ведь тут, где сейчас мы с тобой находимся, десятки тысяч лет назад росли леса и были озера, болота, горы и скалы... Потом горы размыло реками, ручьями, дождями и всю страну занесло илом, песком и всякой дрянью... Да. Потом ил и песок отвердел и на нем отвердели следы тех прежних животных. Вот что! Ты погляди: у тебя под ногами как раз след одного такого животного...

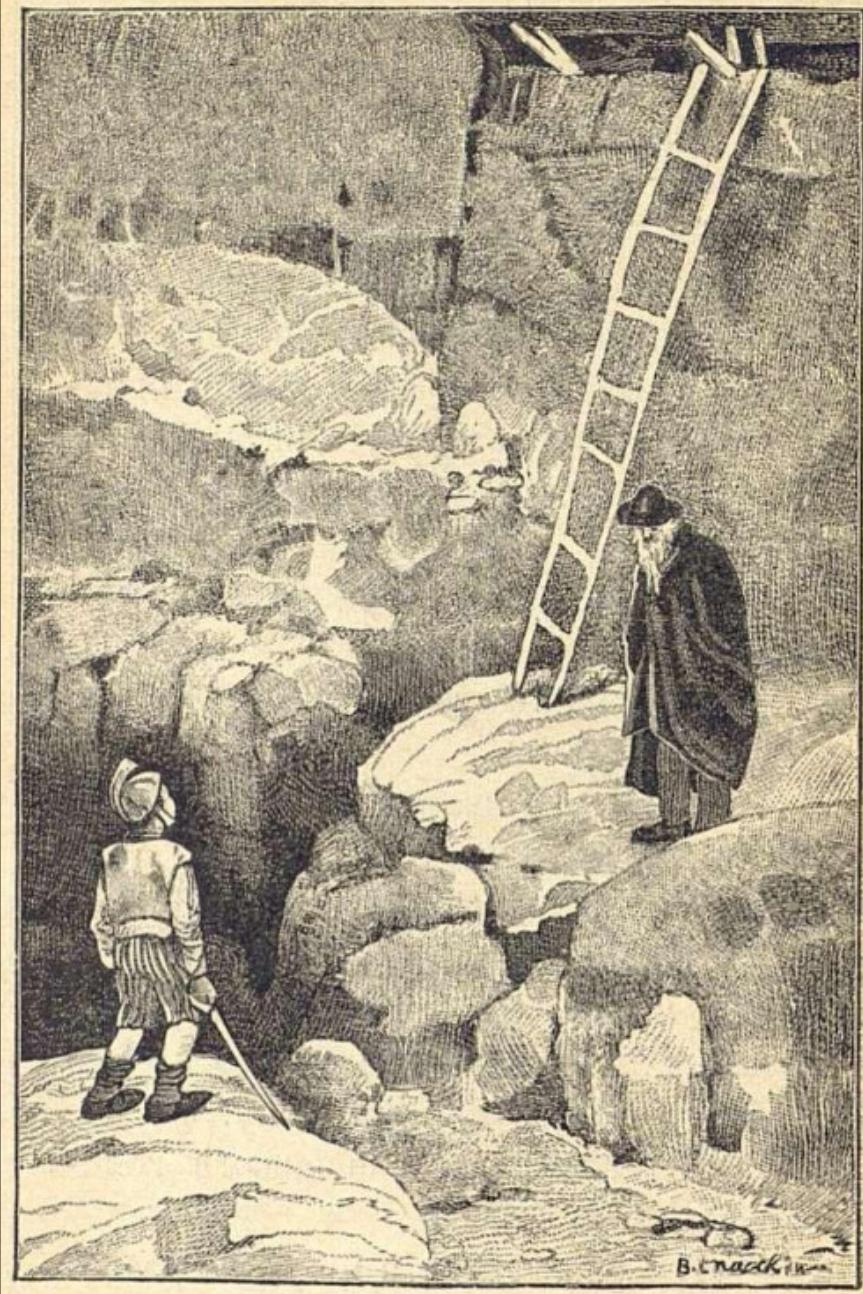
Я отнял от лица руки. Я понял его очень хорошо, хотя он и сказал, что не умеет говорить с детьми.

«Конечно, это — ученый, — подумал я, глядя на него теперь без всякого страха. — Он ученый и потому, вероятно, носит такую разлетайку...»

Я не желал быть в его глазах совсем дураком и потому сказал:

— Я тоже кое-что знаю... Я читал о великанах и думаю, что это вовсе тут не древнее животное ходило, а скорее все-го, ходил на голове какой-нибудь великан... Может быть, он хотел похвастаться перед другими великими тем, что умеет становиться вверх ногами?

— Видишь ли, — ответил он на это, стараясь казаться серьезным, хотя я видел, что его разбирает смех. — Сколько ни копаемся мы, ученые, в толще земли на этой глуби-

не, до сих пор еще никому из нас не попался человеческий скелет. Мы находим только скелеты огромных драконов...

— Драконов! — воскликнул я.

— Да, — сказал он, — драконов... Настоящих сказочных драконов. Ты, небось, любишь сказки? Ого! Их было тогда тут столько, сколько теперь ящериц... Только они были ростом — во!

И он поднял над головой руку, вытянув ее во всю длину.

— С дом? — спросил я.

Он мотнул головой.

— Эге. А иные и больше дома... И некоторые из них могли подниматься на задние ноги... Знаешь, что они ели?.. Они обкусывали верхушки деревьев... Поднимется на задние ноги и обьест на дереве все верхние ветки. Там ведь ветки всегда нежней... Вот какие были высокие... Да ты вот что, пойдем ко мне? Я тут ведь и живу, потому что, если ездить сюда каждый день из города, то сообрази, сколько зря потратишь времени?

Он взял меня за руку.

— Как, — спросил он, — тебя зовет папа?

— Ваней.

— Пойдем, Ваня, ко мне.

Положительно, в нем не было ничего страшного. Он даже показался мне немного смешным... Голос у него опять стал сллащавый. Должно быть, он думал, что когда разговариваешь с детьми, то нужно непременно менять голос.

— Знаете что, — сказал я, — давайте с вами играть. Вы будете колдун, а я странствующий рыцарь... И вы водите меня по вашим владениям и показываете разные штучки.

По-моему, он очень подходил к роли колдуна в этом своем балахоне.

— А! — воскликнул он и хлопнул себя по лбу ладонью.
— Ведь у меня и то есть кое-что... Хочешь, я тебе покажу, понимаешь, то далекое время, когда здесь гуляли допотопные животные.

Я его не понял.

Я оглядывал его со всех сторон и мало его слушал. Я находил его все более и более похожим на колдуна, как их

рисуют в книжках для детей.

— Идем, — сказал он.

Я вынул из ножен саблю, и мы пошли рядом.

Я был почти в восхищении от него и думал, что нигде в целом мире не найдешь другого такого человека, в такой разлетайке, в такой шляпе и с такими бровями. Брови у него были густые-густые, совсем белые.

II

улко во всех углах каменоломни раздавались наши шаги. Мы прошли прямо, потом свернули налево, потом направо. Все время под ногами я чувствовал твердый каменистый грунт. По ту и другую сторону тянулись почти отвесные каменные стены в несколько сажен высоты...

— Понимаешь ли ты, — сказал он, — что мы идем по древнему окаменевшему болоту, по которому тысячелетия назад бродили ящерицы величиной со слона!

Я это понимал не хуже его... Ведь вы подумайте только: мы находились с ним на глубине чуть ли не десятков сажен от поверхности земли...

Я живо представлял себе этих ящериц-слонов и крепко сжимал в руке рукоять моей сабли.

Сделав еще несколько поворотов вправо и влево, мы остановились перед невысокой, сколоченной из нетесаных досок дверью.

Он отворил дверь, и мы вошли в очень просторное помещение вроде подвала или погреба. Оно было выкопано или, вернее, вырублено в толще серого песчаника. Окон не было. Подвал освещался несколькими электрическими лампочками, укрепленными на сводчатых стенах.

Я с любопытством оглянулся.

Посредине стоял большой дубовый стол, заваленный осколками камней, какими-то костями, большими и малень-

кими молотками и еще какими-то неведомыми мне инструментами.

— Здесь я живу, — сказал он, — вон моя кровать и эта-жерка с книгами.

Потирая руки ладонь о ладонь, он прошелся несколько раз от стола к кровати, помещавшейся у задней стены в глубине подвала, и остановился передо мной.

— Итак, благородный рыцарь, — проговорил он, — я тебе покажу сейчас то, что происходило здесь тысячи лет на-зад.

И добавил, поспешил протянув перед собой руку:

— Только ты ничего не бойся.

«Как он хорошо играет, — подумал я, — разве его мож-но сравнить с моей нянькой?»

И я вскричал, как рыцарь Альберт:

— О, нет!

Тогда он указал мне на небольшое, вправленное в стену около двери круглое стекло. Я его не заметил сначала. Оно было несколько выпукло и блестело при свете электриче-ства, подобно огромному глазу.

Такие глаза, вероятно, были у допотопных чудовищ...

Положив руку мне на плечо, он сказал:

— Посмотри вон в то оконце, благородный рыцарь, сквозь него видно все прошлое нашей земли. Там бродят страшные драконы, которых ты ищешь.

Снова он взял меня за руку.

— Идем!

Вместе мы подошли к стене.

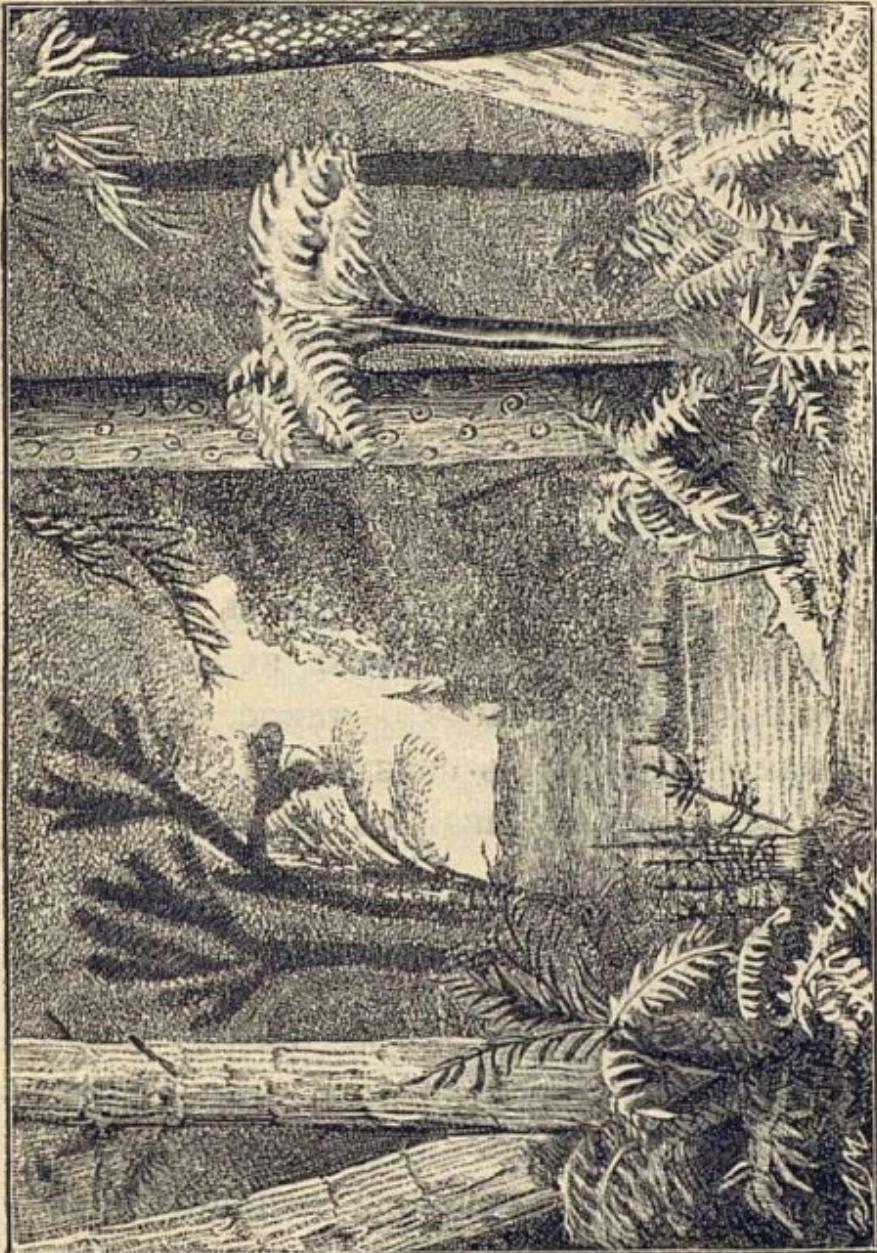
— Смотри!

Я прильнул к стеклу и, уверяю вас, я ни на минуту не усомнился, что он намеревается показать мне панораму или что-либо в этом роде.

И между тем...

И между тем, я увидел в это «окно в прошлое», как он его называл, настоящий живой папоротниковый лес!..

Но что это были за папоротники! Папоротник такая же трава, как лопух, и никогда не бывает больше лопуха.

Но я уже сказал, что передо мной был лес. Зеленые от корня до верхушки, неподвижно стояли гигантские, как стотиные дубы, папоротники. Небольшие озерца блестели между ними. Из воды поднималась там и сям похожая на деревья осока. Она была как раз под стать папоротникам — такая же высокая и толстая.

Я не верил своим глазам...

Не скрываю: я испугался. Во мне еще теплилась надежда, что нет здесь никакого колдовства, а просто я рассматриваю прекрасно сделанную панораму.

Но эта надежда угасла, когда на один из папоротников вполз огромный, величиной чуть не в человеческую голову, лесной клоп.

— Вот что было тысячи лет назад на месте теперешней каменоломни, — услышал я сзади себя тихий голос, — но ты не пугайся...

Это говорил мой колдун...

Я задрожал. Я понимал, что со мной произошло нечто не совсем обычновенное, нечто такое, что бывает только в сказках...

Но мне оставалось только покориться судьбе.

Колдун опять шепнул за спиной:

— Смотри, смотри!

Видели ли вы когда-нибудь молодого лягушонка, когда у него еще не отвалился хвост? Представьте же себе этого лягушонка величиной с хороше бревно. Именно такое чудовище выползло из одного озерца на берег и уставилось на меня огромными выпученными зеленоватыми глазами.

Оно скрылось сейчас же опять под водой, но на прибрежном иле остались следы его лап, удивительно похожих на отпечаток человеческих рук.

И снова зашептал колдун:

— В то время водились огромные животные, похожие на головастиков и на еще не сформировавшихся молодых лягушек. Отпечаток лапы одного из этих животных ты видел как раз сегодня в каменоломне.

Закачались и задрожали вершинами зеленые деревья-папоротники, и между ними выставилась голова дракона.

Эта голова, если бы ей пришла охота, могла бы проглотить быка.

Так мне тогда показалось, по крайней мере. Возможно, что на самом деле она и не была так велика.

Потом вылез и сам дракон.

Вероятно, он обладал огромной силой. Стволы папоротника толщиной в несколько обхватов гнулись, как тростинки, под напором его исполинского тела, раздвигаясь в обе стороны.

Он подошел к озеру и стал пить воду. И из воды сейчас же выставилась отвратительная морда первого чудовища, похожего на головастика.

Я взглянул на то место, где за минуту перед тем видел клопа... Он продолжал ползти вверх по стволу папоротника, цепляясь за него изогнутыми короткими ногами толщиной в грифель.

С отвращением и ужасом я отшатнулся от волшебного окошка, сквозь которое можно было видеть прошлое.

Я не знаю, сколько времениостоял я перед этим оконшком. Должно быть, очень долго. И, вероятно, оттого, что все там было зеленое: зеленые папоротники, зеленая осока, зеленые глаза чудовищ — несколько секунд и стены самого подвала казались мне тоже зелеными.

И старичок в разлетайке тоже будто позеленел.

Я закричал ему:

— Уведите меня отсюда! Зачем вы меня обманули? Значит, вы действительно колдун!

Впрочем, хотя теперь я почти и был убежден, что он колдун, я не боялся его все-таки... Я видел, как он растерялся, когда я заплакал.

Ах, я заплакал... Но это были непрошеные слезы. Я сам на них сердился.

— Вы колдун? — спросил я. — Говорите прямо...

Утирая мне слезы своим платком, он ответил:

— Да нет же! Ведь мы с тобой играли. И я тебе решил показать эту штучку. Успокойся, прошу тебя.

— А почему вы зеленый? — сказал я.

Он взглянул на меня почти с испугом, потом хлопнул

себя по лбу кулаком, как будто что-то вспомнил.

— Так, так, — заговорил он поспешно, — мне тоже кажется все зеленым, когда я долго смотрю туда. Ведь там тоже преобладает зеленый цвет.

— Где там?

— А там.

Он мотнул головой в сторону своего волшебного окошка.

— А это что такое?

Мне хотелось вывести его на чистую воду. В самом деле, с какой стати он вздумал напугать меня?

И я переспросил сейчас же:

— А скажите, если вы играли со мной, то ведь не игрушки же у вас там, в этом окошке?

Он повернулся к стене и, взявшись рукой за металлический ободок, которым было оправлено вделанное в стенку чудесное стекло, принялся крутить его, как винт, справа налево.

Я стоял и ждал, что будет дальше.

Я думал:

«Если он колдун, то, во всяком случае, не злой».

Вывинтив стекло, он сказал мне:

— Ну, а теперь иди и смотри.

И посторонился.

Но я не шелохнулся... Нет, ни за что на свете я не согласился бы еще раз заглянуть в эту дыру!

Тогда он сунул руку в образовавшееся на месте стекла отверстие, пошарил там немного и вытащил...

Вы знаете, что он вытащил?

Ящерицу...

— Вот он, страшный дракон, которого ты видел в папоротниковом лесу, — сказал он и посадил ящерицу к себе за пазуху...

Должно быть, она была ручная.

Потом он опять повернулся к стене и опять сунул руку по самое плечо в отверстие.

— А лягушонок... Лягушонок, — заговорил он. — Нет, его не поймаешь...

Он вынул руку из отверстия. Пальцы его были в грязи, и с них капала вода...

— Нет, его не поймаешь, — повторил он.

Ему стоило большого труда уговорить меня подойти поближе к отверстию.

В конце концов, я все-таки решился... Он растолковал мне, что отверстие вело в стеклянный ящик вроде аквариума, нагреваемый и освещаемый электричеством. Одна сторона ящика была снабжена особым, им самим изобретенным оптическим прибором, состоявшим из системы увеличительных стекол.

В ящике он посадил самый обыкновенный папоротник и самую обыкновенную осоку и напустил туда лягушат, ящериц и лесных клопов.

Попробуйте посмотреть в увеличительное стекло на спичку.

Спичка покажется вам бревном.

Так же увеличивались до невероятных размеров и находившиеся в изобретенном им аквариуме все растения и животные.

Отчетливо была видна каждая, самая незначительная неровность или шероховатость на стволах папоротников и их листьях...

Ничтожная морщинка на теле ящерицы превращалась в безобразную складку, похожую на отвислую кожу бегемота...

И ящерица уже переставала быть ящерицей. Она преображалась в фантастическое страшилище, в настоящего сказочного дракона...

Когда он объяснил мне все это, только тогда и рискнул я приблизиться к отверстию.

Он не врал.

Сквозь отверстие, не закрытое теперь стеклом, я действительно увидел самый обыкновенный аквариум, в котором были посажены осока и папоротники.

На одном из папоротников все еще сидел лесной клоп.

от тебе и окно в прошлое!

Но я был доволен... Я знал теперь уже наверняка, что стари-чок, живший в каменоломне, не колдун.

И я ему сказал:

— Давайте играть дальше! Пусть эта дырка будет окном в прошлое. Завинчивайте скорей ваше стекло — теперь я ничего не боюсь.

Он прищурил один глаз и усмехнулся.

На него было весело и смешно смотреть... Я был почти уверен, что он сейчас покажет мне еще что-нибудь вроде окошка в прошлое.

Я смотрел на него, затаив дыхание...

Я смотрел ему прямо в рот: я ждал, что он скажет.

Он сказал:

— Ты именно и видел сейчас прошлое...

Я стал тереть лоб двумя пальцами, что я всегда делал, когда чего-либо не понимал...

— То есть, как же это? — спросил я.

— А так! Было время, когда на земле росли только одни папоротники, и водились только одни ящерицы... Папоротники были величиной с нынешние деревья, а ящерицы ростом со слона... Потом папоротники стали делаться все меньше и меньше и превратились, наконец, вон, погляди, во что... Они очень легко помещаются в аквариуме... Ты видел, небось, кактусы... У нас они могут расти только в комнатах... И оттого они такие маленькие... А ты поглядел бы, какие они в Африке... Ого! Рукой не достанешь... А все почему? Потому что в Африке теплей, чем у нас... Там всегда лето... Когда на земле жили ящерицы, было тоже очень жарко. Еще жарче, чем теперь на экваторе. И папоротники разрослись по всей земле, как настоящие леса. Да... Было времечко, нечего сказать... От жары даже вода в морях и озерах была теплая, и от нее постоянно шел пар. Целые тысячелетия стояла на земле такая жара... Понимаешь: целые тысячелетия...

— А потом? — спросил я.

Он вздохнул...

— Потом... Что же потом?... С каждым тысячелетием солнце грело все меньше... Эх-ма... От дремучих папоротниковых лесов остались одни кустарники, а от огромных драконов — ящерицы да лягушки...

И еще раз он вздохнул. Должно быть, ему было жалко тех, прежних, древних лягушек...

— И поэтому, — сказал я, — вы и сделали себе аквариум?

— Да, поэтому... Конечно, ящерицы не только с тех пор измельчали, но и вообще изменились. Но это все пустяки... Когда я сижу перед своим аквариумом, мне всегда кажется, что я смотрю в прошлое...

Ом умолк... Сев на кровать, он подпер щеки ладонями и смотрел не то на дверь, не то на это свое окошко в прошлое.

— О чем вы думаете? — спросил я.

— Сейчас о чем думаю?

— Да.

— Об игуанодоне...

— А это что такое?

— Это, видишь ли, тоже допотопное животное... Оно не имело на теле ни волос, ни чешуи. Его кожа была совершенно гладкая, как кожа лягушки... Возможно, что это именно его след ты видел у нас в каменоломне. Тогда было много таких голотелых животных, похожих и на лягушек и вместе на ящериц... Многие из них могли передвигаться в лесной чаще на задних лапах, хватаясь передними за стволы деревьев. Ты представь себе только эту полуящерицу, полулягушку чуть не из три сажени ростом, идущую по лесу.

— Погодите, — перебил я его, — вот вы все говорите: леса, леса... А разве тогда не было морей?

— Были и моря, — ответил он.

— И в них тоже жили ящерицы?

— Да... эналиозавры, ихтиозавры, плезиозавры и разные другие.

— Как? — переспросил я его.

Он махнул рукой.

— Э, все равно не выговоришь. Так их называют в палеонтологии... Да это не важно, как они ни назывались бы. Одни из них, как, например, ихтиозавры, были похожи на рыб, величиной куда побольше кита. Но у этих рыб были лапы, как у ящериц, и такая же, как у ящерицы, голова. Другие, именно плезиозавры, походили на огромных, в несколько раз крупней самого крупного удава, змей и тоже обладали лапами.

Тогда уж такой век был: змея ли, рыба ли, лягушка ли — непременно она наполовину была ящерица.

— А птиц тогда не было? — спросил я и даже глаза закрыл. Мне представилось, что в тот волшебный век и птицы, вероятно, тоже хоть немного да походили на ящериц.

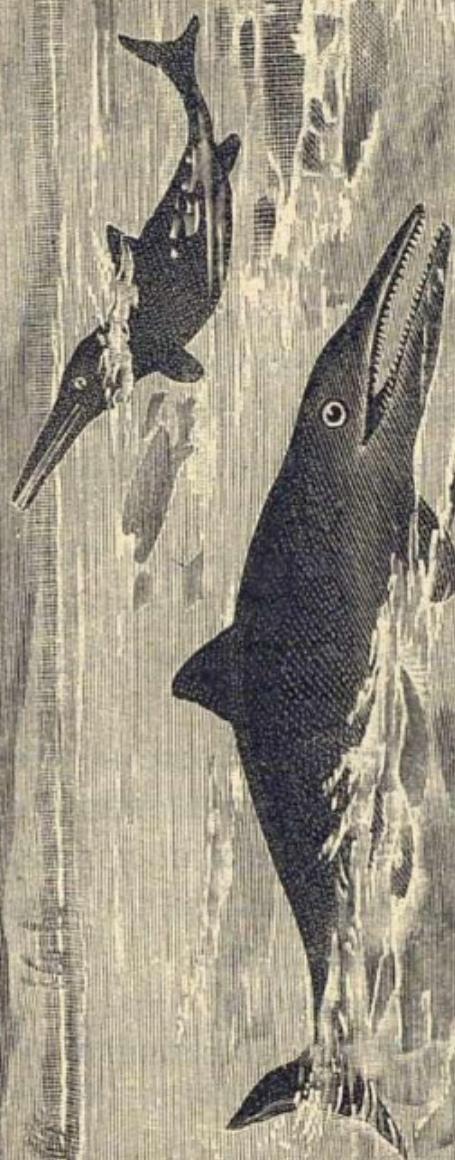
— Были и птицы... Только опять-таки, повторяю, все животные в то время наполовину были ящерицы.

— И птицы?

— И птицы. Тоже и у них голова была как у ящерицы; правда, она отчасти напоминала и голову птицы, только, видишь ли, у них вместо клюва была пасть.

— Как пасть?

— А так. Настоящая пасть с зубами.

— А крылья?

— Крылья они имели, как у летучей мыши — перепончатые...

— Значит, они были совсем как драконы, о которых говорится в сказках?

— Да. Только нужно тебе сказать, что самые крупные из них были не больше индюка. Хочешь, я покажу тебе рисунок одной из этих птиц?

— Покажите.

У меня и сейчас хранится этот рисунок. Он мне подарили его на память. Помешаю его здесь.

Под рисунком было подписано: «Археоптерикс».

Все было хорошо у этого археоптерикса: и голова, и крылья, и зубатая пасть.

Жаль только, что он был очень невелик ростом.

— Он совсем маленький, — сказал я, — вы мне лучше расскажите еще что-нибудь о тех, как их...

— Об ихтиозаврах и плезиозаврах?

— Да.

— Что же про них рассказывать? В земле сохранились только их скелеты и о них ровно ничего не известно, кроме того, что жили они в морях и были, судя по всему, хищ-

ными животными, то есть нападали на более мелких животных, а иногда вступали в бои и между собой.

— Ну, а те, что жили в лесах? Вы их как называли?

— Пока я рассказал тебе только об одном, об игуанодоне. Кроме игуанодона, в тогдашних лесах водилось и множество других исполинских ящериц или, как их называют в палеонтологии, ящеров. Большинство из них были покрыты крепкой роговой чешуей с головы до хвоста. Плохо, должно быть, от них приходилось игуанодону.

— Значит, и между ними тоже были хищные?

— И очень многие. Да, плохо от них приходилось бедному игуанодону, хотя он, кажется, и был самый крупный из них.

Чуть ли уже не в десятый раз он вспоминал про этого игуанодона.

— Должно быть, — сказал я ему, — вам игуанодон нравится больше всех?

Он поглядел мне пристально в глаза и произнес с улыбкой:

— А ты опять не испугаешься?

— Чего?

— Я хочу показать тебе его скелет.

— Игуанодона?

— Да.

— Да разве он у вас есть?

— Есть, я нашел его здесь. Очень хороший скелет. Хочешь, покажу?

— Конечно, покажите.

— Пойдем.

Мы вышли из подвала и направились опять по каменоломне из траншеи в траншею прежней дорогой.

Мы шли назад.

Вот и отпечаток ступни игуанодона.

Мы сделали еще несколько шагов и свернули налево в боковую траншею.

Вдали выселились какие-то леса из новых, очевидно, совсем недавно очутившихся здесь бревен. Над лесами был сделан дощатый навес.

Я невольно вскрикнул, когда мы подошли к этим лесам
Я увидел скелет игуанодона.

Я сейчас затрудняюсь, с чем сравнить его позвоночник.
Во всяком случае, он был толще тех бревен, из которых во-
круг него были устроены леса.

Я обратил также внимание на ребра и кости задних и
передних ног.

Они одни только, должно быть, весили десятки пудов.

В вышину скелет достигал десятков аршин. Все в нем
приходилось считать десятками.

Это был не скелет — это была какая-то постройка из ко-
стей!

И он наверное упал бы, если бы вокруг него не стояли
леса.

Леса его поддерживали.

Установлен он был вертикально на задних ногах.

Долго смотрел я на него.

Я думал:

«Вот так ящерица».

Теперь я отлично понимал, почему владелец этого скелета так часто вспоминал об игуанодоне.

Еще бы! Я сам потом не мог забыть о нем долгое время.
Даже во сне он мне снился обыкновенно в виде идущего по
лесу лягушонка величиной с мельницу.

— И это страшилище, — воскликнул я, — вы говорите,
было слабей других тогдашних ящеров!

Старичок покачал головой.

— Нет, он не был слабей их, — сказал он, — но тело его
ничем не было защищено и потом, по природе своей игуа-
нодон ведь не кровожадный. Он питался почти исключи-
тельно тогдашними растениями.

— А те, другие ящеры?

— Те, вероятно, охотились за ним, как за вкусной дичью.

— А скажите, — спросил я, — почему тогда все животные
были хоть немного да похожи на ящериц?

— Не немного, а очень, — поправил он меня. — Ведь в то
время суши почти не было. Материки только что показа-
лись из-под воды и представляли необозримые болота, за-

росшие лесами. Первые животные зародились на земном шаре в воде и иле. А ты знаешь, какие животные и теперь водятся в болотистых местах и в воде? Вспомни хоть крокодила. Крокодил, собственно, ближе всех подходит к древним ящерам. Какие же тогда и могли быть животные, как не ящероподобные? Правда, в век игуанодона болота уже начинали просыхать. Но ведь предки-то игуанодона и других ящеров родились и взрослели среди болот и озер. А потомки, как тебе известно, имеют всегда какие-либо отличительные особенности своих предков.

— Стало быть, это правда, что мы сейчас с вами находимся на месте древнего болота?

— Да. Однако, не пора ли тебе домой?

Он вынул часы и сказал, взглянув на меня вопросительно:

— Сейчас уже третий час.

А мы обедали в три ровно. Нужно было торопиться. Я расстыдился с ним и побежал к выходу из каменоломни.

Он закричал мне вслед:

— Завтра приходи опять!

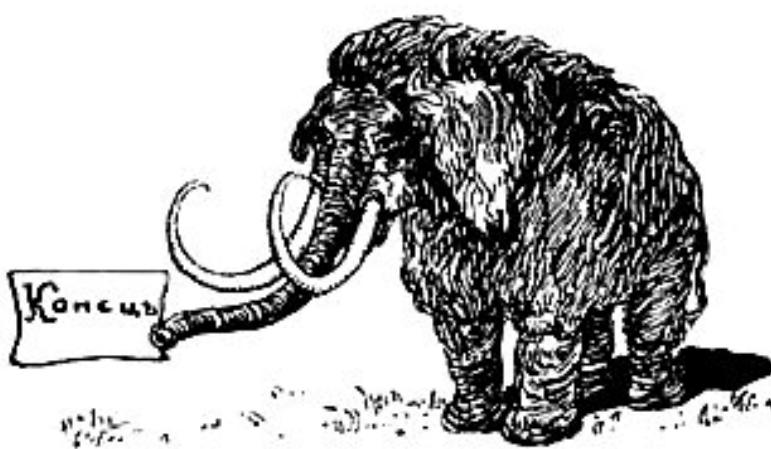
Конечно, я воспользовался этим приглашением.

Потом я бывал у него чуть ни ежедневно. Мы стали с ним большими друзьями.

На прощанье, когда мы уезжали с дачи, он подарил мне свой удивительный аквариум.

Я просиживал, бывало, перед ним целыми часами. Как и он, я тоже пристрастился смотреть «в прошлое».

И казалось мне все правдой в моем волшебном стекле. Я вижу землю, какой она была тысячелетия назад. Вижу ее болотистые равнины и этих ящеров, которые только и могли водиться на этих равнинах.

Луиза Редфилд-Питти

ДИНА И ДИНОЗАВРЫ

Илл. А. Бажанова

10 коп.

ЛУИЗА РЭДФИЛЬД ПИТТИ

ДИНА *и*
ДИНОЗАВРЫ

АБАЖАНОВ

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО

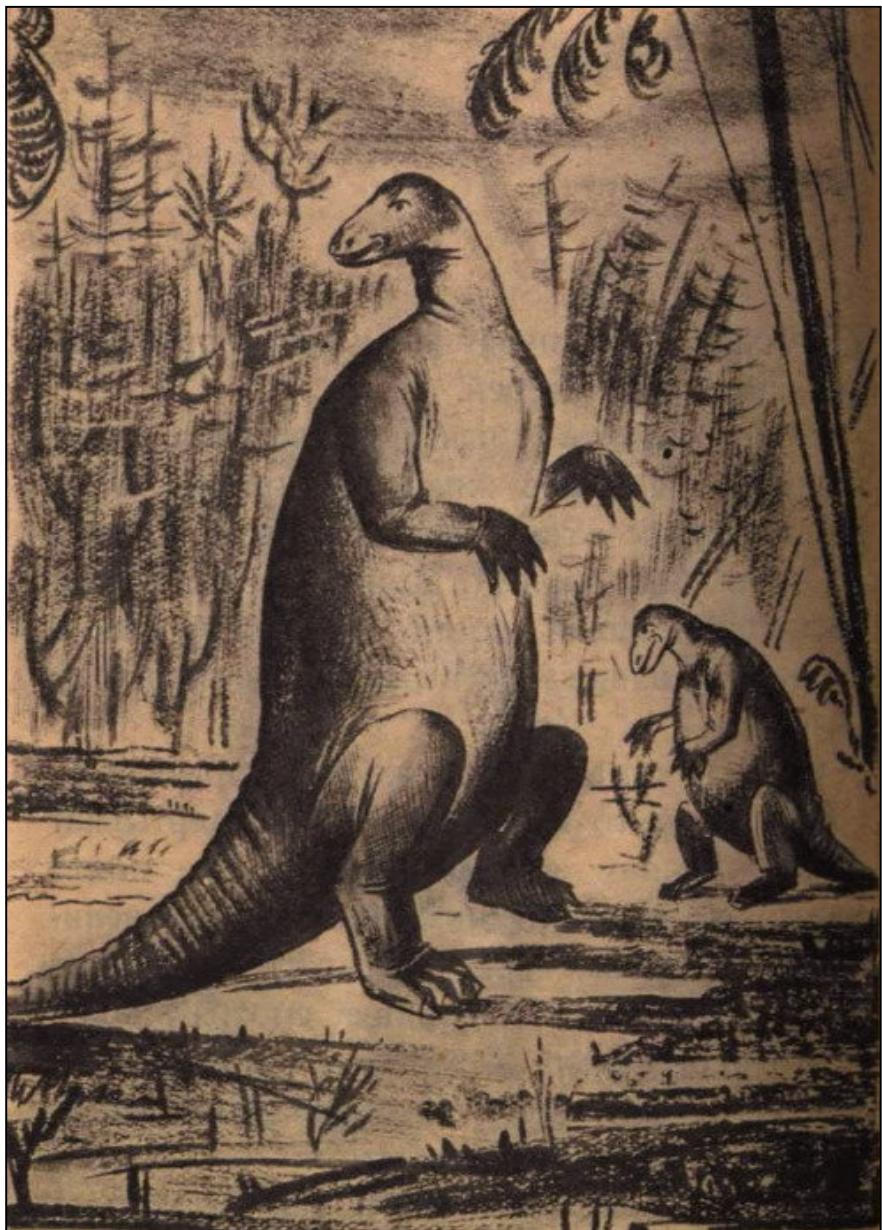
1930

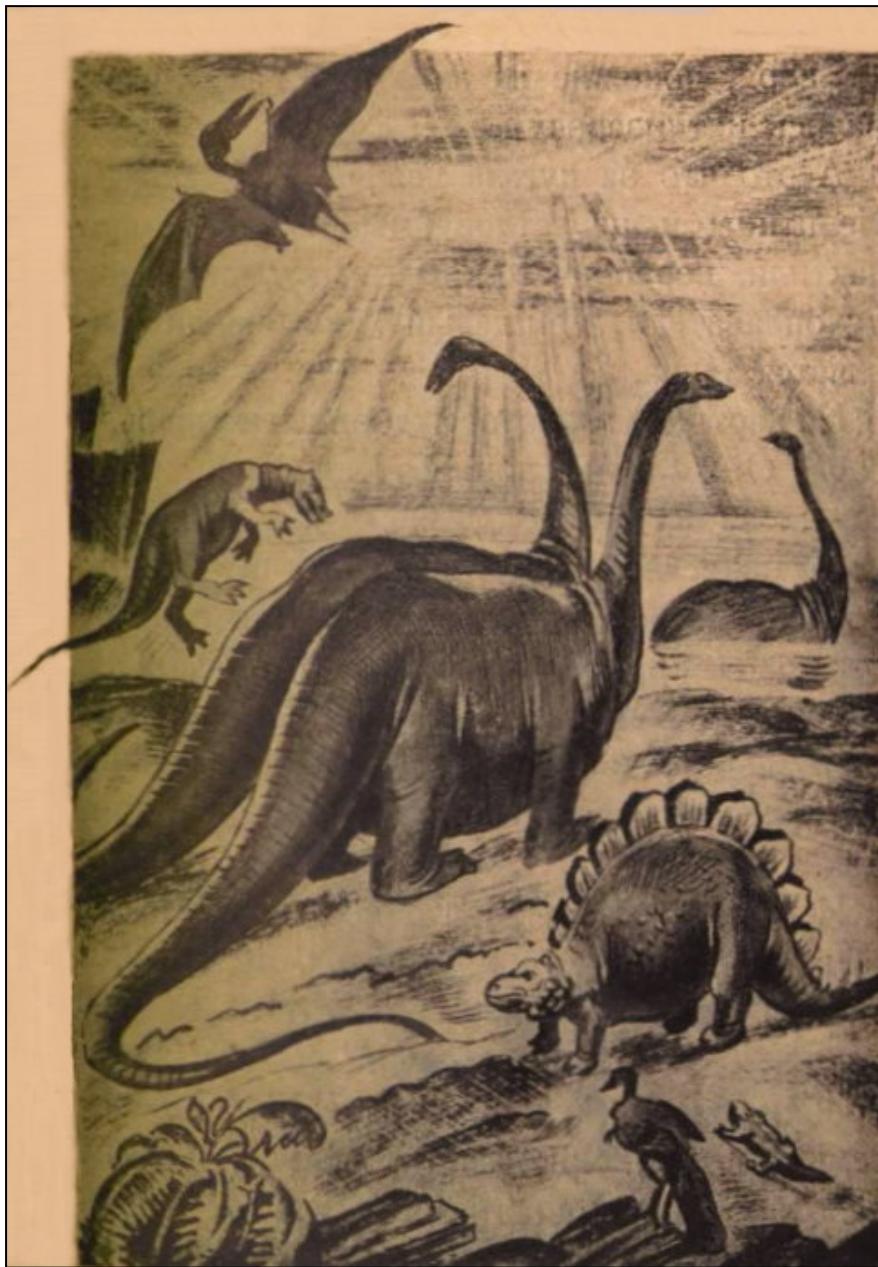
Сегодня Дине подарили книжку про удивительных зверей.

«Много лет тому назад, — говорится в этой книжке, — на земле жили гигантские чудовища. Сейчас даже представить себе трудно, до чего они были огромны. Недавно при раскопках нашли кости одного из таких зверей. Одна нога его выше самого высокого человека».

Ой, как страшно! Неужели и правда, на земле когда-то жили такие? Перевертыш Дина страницу за страницей. Полна книга картинок. На картинках громадные, невиданные деревья, густая, высокая трава, а из зарослей разные чудовища смотрят, одно другого страшнее. У этого шея как фабричная труба, у другого на спине целый частокол, третий с каланчуком ростом.

Бронтозавры, стегозавры, игуанодонты.

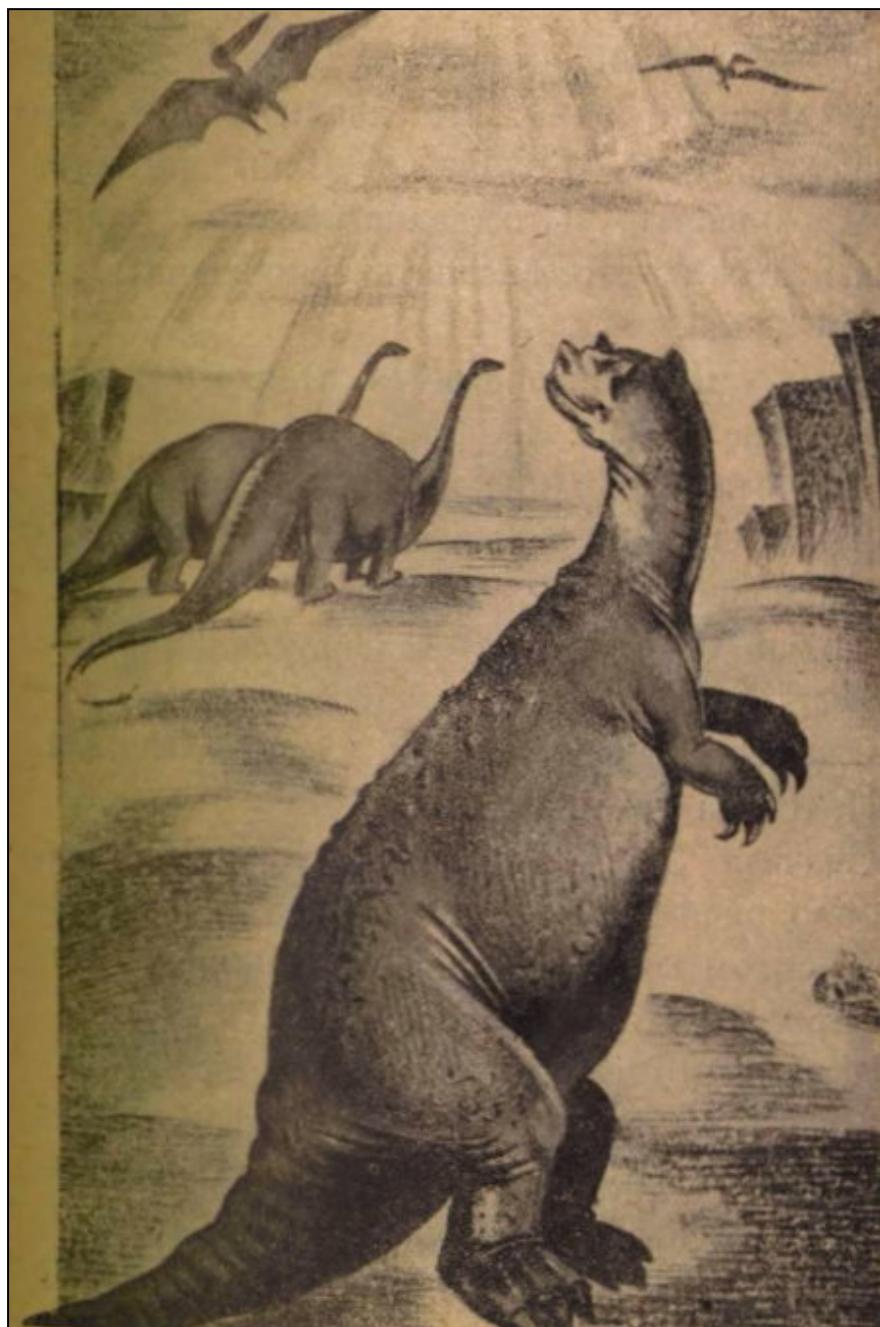
Звери, похожие на гигантских акул, назывались ихтиозаврами.

А это что за пугала цепляются по скалам? Не птицы и не летучие мыши! Это птеродактили, перепончатокрылые, зубастые воздухоплаватели. Чем дальше, тем больше удивляется Дина.

На картинке горбатое чудовище: не зверь, — гора. Ой, какой страшный! «Должно быть, самый злой», — думает Дина. А ну-ка, что про него написано? «Стегозавр, — стоит в книжке, — был безобидным существом и питался, как наша корова, травой». Вот тебе и на! Здесь все выходит наоборот. Страшилище стегозавр — безобидное существо, а маленький горбоносый церотозавр — кровожадный хищник.

И подумать только, что все это было десять миллионов лет тому назад. Десять миллионов лет — как много! Досчитать до миллиона, и то сколько времени надо. Ну, попробую: раз, два, три, четыре, пять, шесть, семь, восемь... Ярко светит солнце, у Дины невольно щурятся глаза... Девять, десять, одиннадцать, двенадцать...

Шумят березы, по небу бегут облака.

...Сто один, сто два, сто три... До миллиона еще так далеко, но ничего, Дина досчитает! Сто двадцать один, сто двадцать два, сто двадцать три... Голова у Дины легонько покруживается.

— Сто двадцать девять, сто двадцать десять, сто двадцать одиннадцать...— считает она.

Язык у Дины заплетается, сладко потянувшись, она зевает: «А-а-а-а!»

Досчитала ли Дина до десяти миллионов или нет, только вдруг перед ней выросла стена и заслонила солнце.

Ай, ай, стена двигается! Она упадет и придавит Дину!

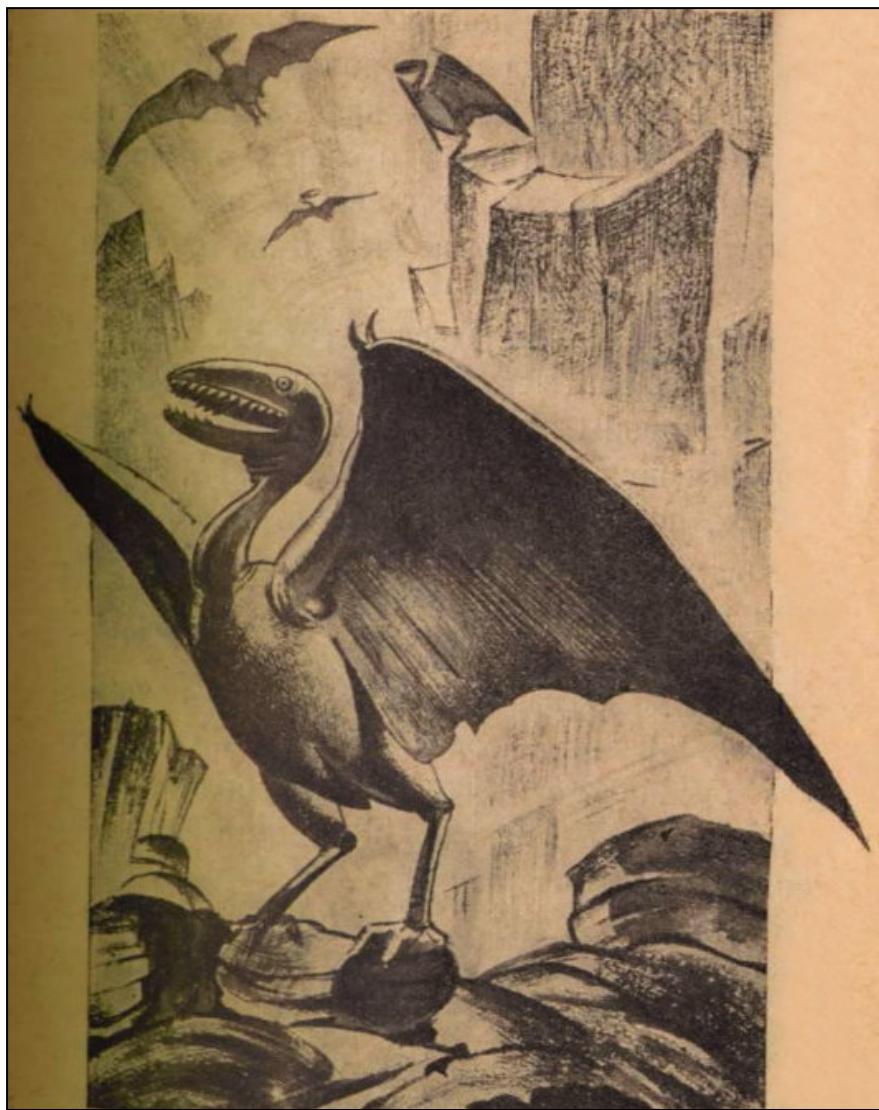
Сжалась Дина в комочек, глаза зажмурила.

Но стена так и не упала.

Сначала Дина услышала глухие удары, словно рядом кто-то бил по земле трамбовкой, потом мимо волоком протащилось что-то тяжелое, потом все стихло.

Надоело Дине зажмуренной лежать.

Будь, что будет! Открыла глаза: вокруг все странно изменилось. Гудит над ней высокий лес, качаются великаны-папоротники, по горе невиданные голубые елки разбежались. Солнце красное, жгучее, так и палит.

Куда же это я попала?

Не успела Дина по сторонам осмотреться. Задрожала опять земля — прет на Дину стена. У стены ноги, голова и хвост огромный. И видит Дина, что не стена это вовсе, а... бронтозавр. Никогда не была Дина трусишой, а тут перетрусила.

Невдалеке колыхались огромные лопухи. Прыгнула она в самую чащу их и притаилась.

Со стороны папоротниковых зарослей доносился шум ломающихся ветвей.

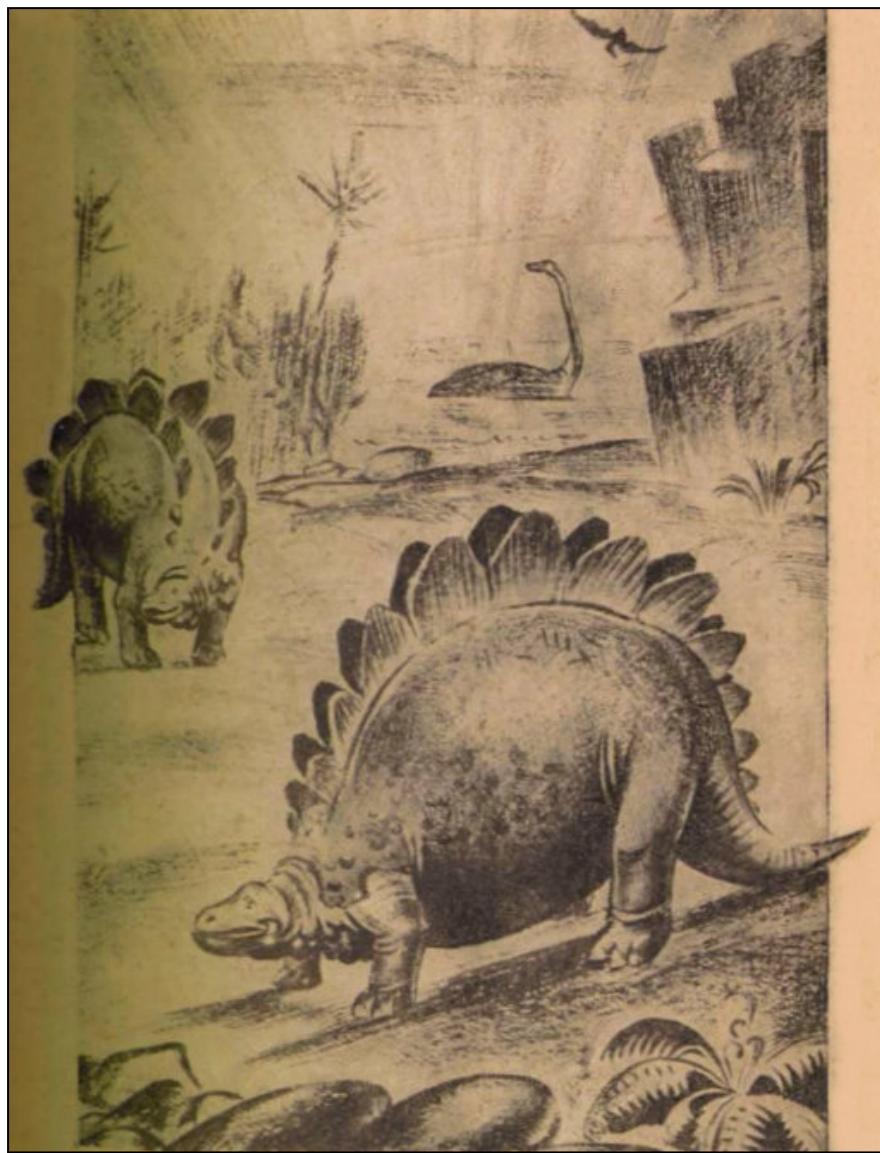
«Эх, не успела я его рассмотреть как следует, — досадует Дина. — Хоть одним бы глазком взглянуть!»

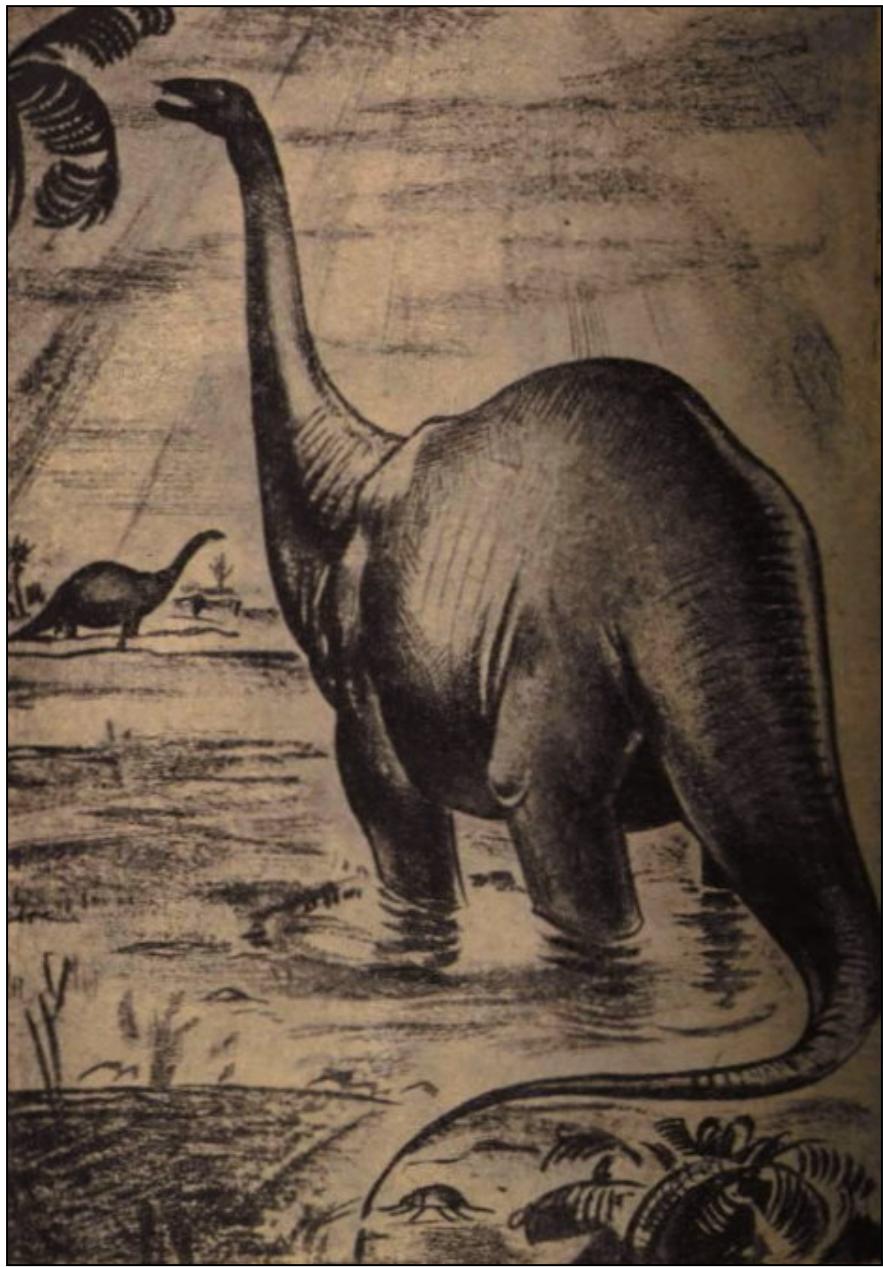
Отогнула она лопух, высунулась.

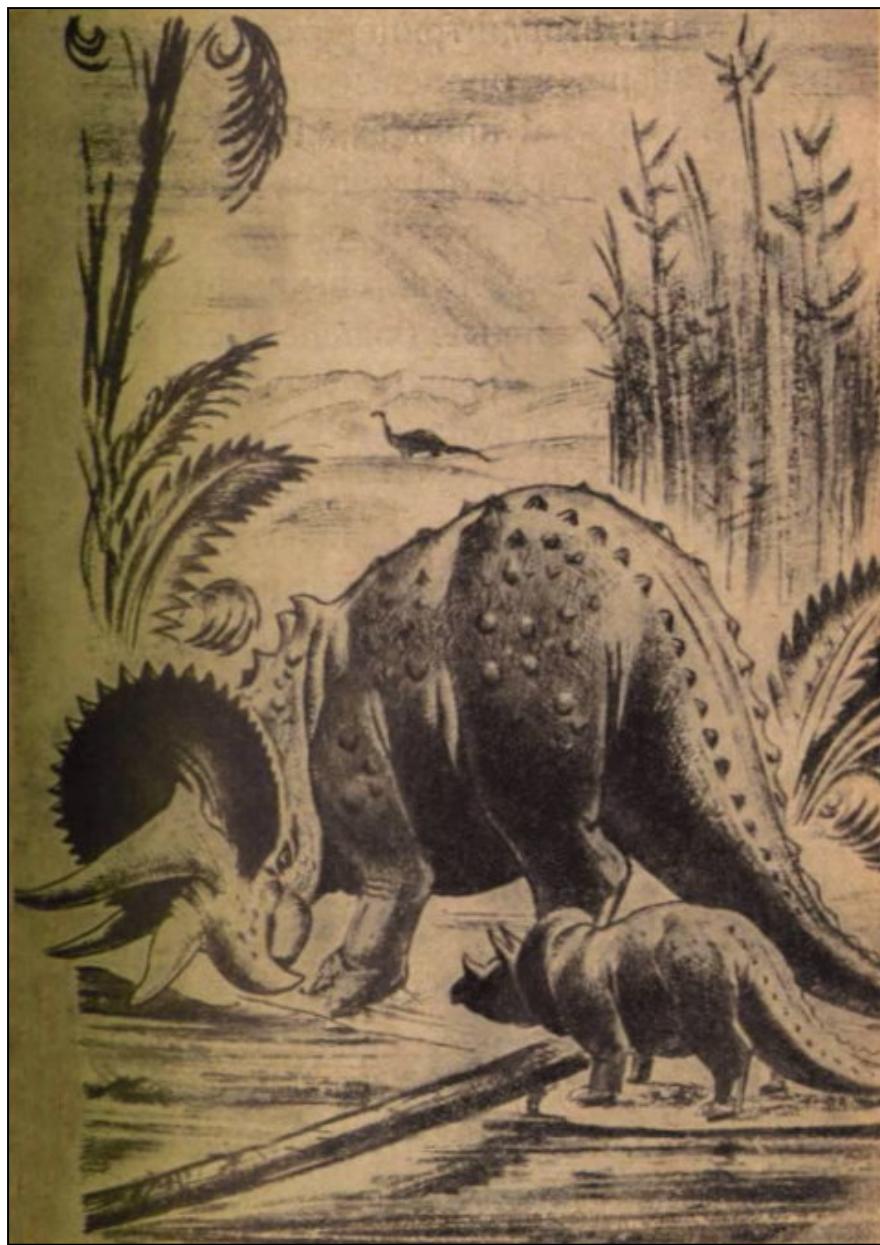
Бронтозавр завтракает. Целыми пучками глотает он ветви, сопит и чавкает. Толстые, как бревна, ноги его вязнут в болоте. Болото трясеется и хлюпает под ним. Какой же он, должно быть, тяжелый!

Но вот бронтозавр чего-то испугался. Вытянув шею, прислушался, дернул головой и бросился бежать.

Ходуном под ним заходила трясина, от тяжелого его хвоста широкая дорога легла через болото.

С треском, ломая деревья, он скрылся в лесу.
На берег вышли трицеротопсы. Ну и звери! Не звери, а броневые танки! Вся кожа у них в буграх и шишках, на голове по три большущих рога, колючим веером щиты топорщатся.

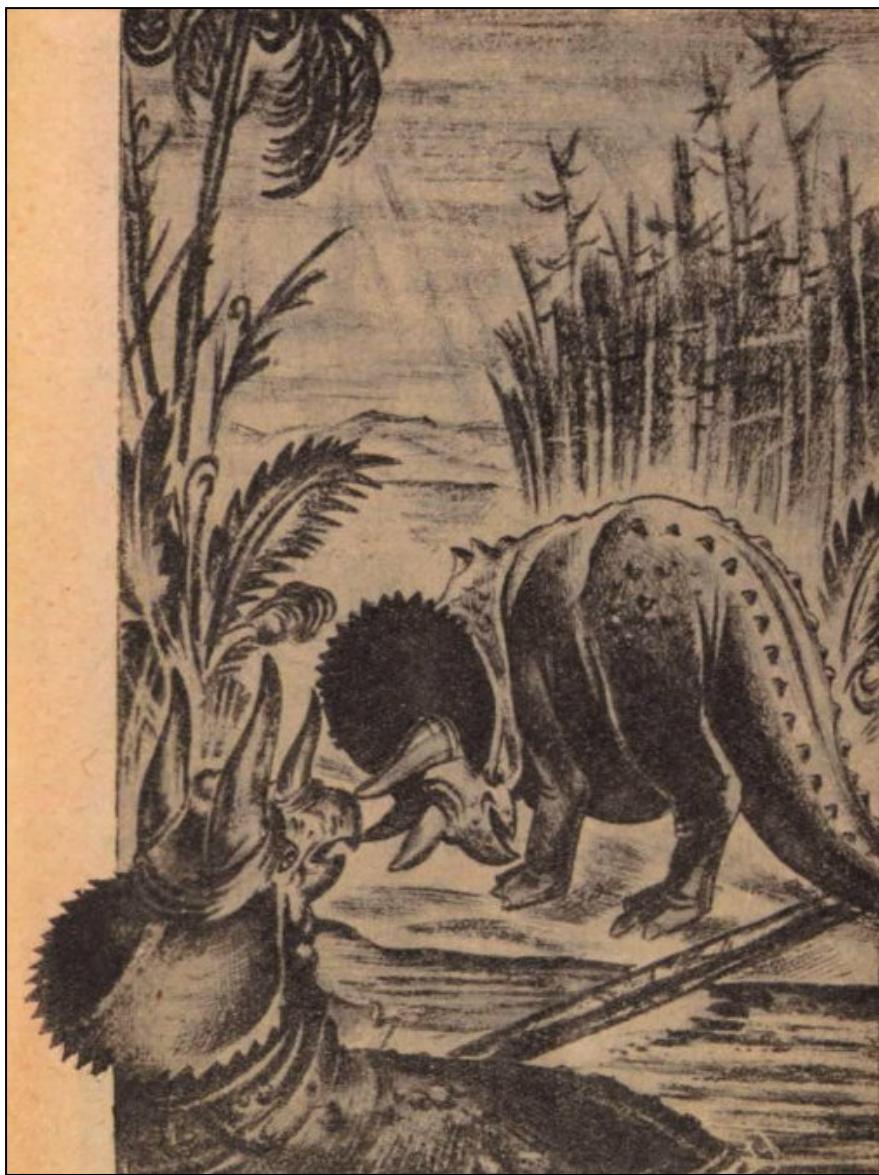
Их двое: мать и детеныш. Мать ростом выше слона, детеныш больше носорога. Опустили они свои крючковатые морды в воду, сопят, хрюкают, чмокают.

Тут же из кустов с треском вывалился еще один трицеротопс. Низко пригнув голову, он, точно штыки, выставил свои рога и яростно ринулся на пьющих зверей.

Мать не ожидала нападения. Она не успела увернуться, и рога гулко ударили ей в бок. Грозно захрюкав, она загородила собой детеныша. Противник наступал. И вдруг мать сама бросилась на врага. Громко хрюснули щиты, щелкнули пасти, завязался бой. В кустах жалобно ревел покинутый детеныш.

— Ну зачем, зачем они дерутся? — сердилась Дина.

Шаг за шагом мать гнала врага в воду; он барахтался в болоте, все глубже и глубже погружаясь в ил.

Дина вздохнула свободнее. Она была так рада, что рогатому драчуни не удалось обидеть детеныша.

Скорее, скорее, только бы подальше отсюда!

Раздвинула Дина лопухи и побежала.

Из камышей со злобным ворчанием поднимались чьи-то плоские головы, по скалам проползали чудовищные тени.

Дина выбежала к огромному водному простору.

Никогда еще она не видела столько воды.

Куда ни глянешь, все волны и волны.

Смотрит Дина, а в море кувыркается кто-то.

Вот опять, вот опять.

— Кто бы это такой?

Над водой вскинулась огромная туша, щелкнула зубастая пасть и исчезла в волнах.

Море забурлило от тяжелых всплесков гигантских водяных чудовищ.

— Ихтиозавры, — узнала Дина.

Все ближе и ближе к берегу их острые хищные морды, скользкие спины, длинные хвосты.

Не по себе стало Дине. Побежала она к лесу. В лесу легче спрятаться.

Но не успела она войти в лес, слышит, — кто-то кричит над ней.

Зарылась Дина поглубже в густой папоротник, по сторонам смотрит, — кто же это кричит?

На дереве сидит какое-то смешное, облезлое чучело, величиной с ворону. Оно то открывает, то закрывает свою зубастую пасть. Из его пасти и вырываются эти странные звуки.

Дина сразу посмелела.

— А я-то испугалась! — засмеялась она. — Тьфу, урод какой! А еще первобытная птица!

И правда, археоптерикса нельзя было назвать красивым. Голова голая, вместо клюва пасть, полная зубов, вместо хвоста — точно пальмовая ветка воткнута, на каждом крыле по три цепких пальца. Склонив голову набок, археоптерикс щурился на Дину.

Смотрела на него Дина, смотрела и прыснула.

Археоптерикс будто даже обиделся. Смешно растопырив свои лапы и крылья, он, как белка, перемахнул на другое дерево, зацепился там за ветку и повис.

— Эх, ты, птица! И летать-то как следует не умеешь! — крикнула ему вдогонку Дина.

Но тут из чащи послышался страшный рев. Затрещали кусты, загудела земля, и на опушку выкатилась целая гора.

У нового зверя была очень маленькая голова, вдоль горбатой спины шли два зубчатых гребня, а из хвоста торчали огромные острые иглы.

Дина сразу узнала стегозавра.

Стегозавр ужасно испуган. Он улепетывает что есть силы. Следом за ним из лесу выскочил хищник.

Длинноногий, хвостатый, — совсем кенгуру.

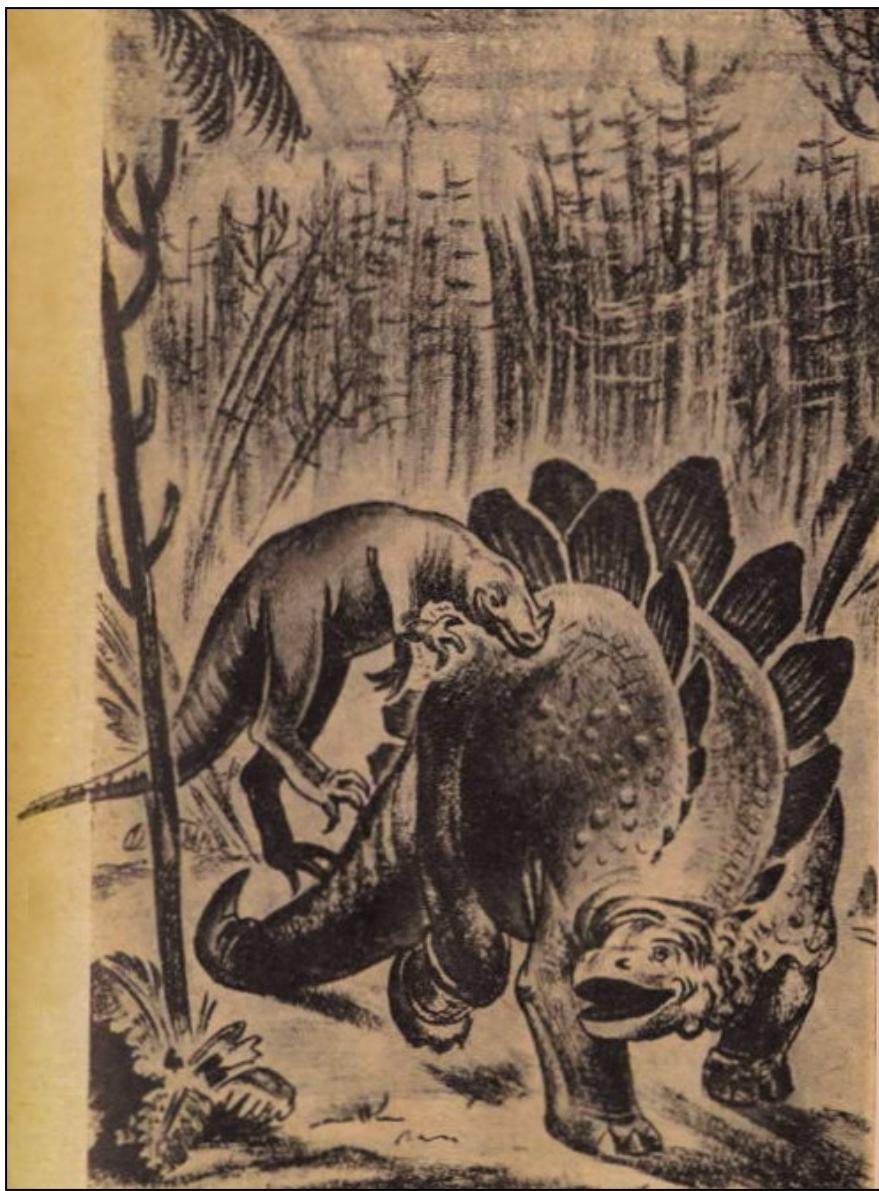
Огромными прыжками хищник поскакал за горбуном.

Вот он настиг его, вот вцепился в бок.

Горбун жалобно замычал, забил по кустам хвостом.

— Пусти, пусти его! — закричала Дина.

И тут случилось самое страшное: хищник оставил стегозавра, повернулся, ощерил зубы так, что складки легли вокруг его горбоносой морды, и бросился на Дину. Жаркое дыхание пахнуло на нее, зверь зачавкал, засопел. Мокрый нос уткнулся Дине в лицо.

— Ай! — взвизгнула Дина и открыла глаза.

Тихо шелестят березы, по дорожкам скачут солнечные зайчики, ветер перелистывает раскрытую книжку, а перед Диной стоит соседская корова Буренка, тычется в нее доб-
рой мокрой мордой и мычит...

А. Линкольн

УДИВИТЕЛЬНЫЕ ПРИКЛЮЧЕНИЯ
ИГА И ТИГА

Илл. Л. Сарджента

Глава I

Как Иг нашел Тига и как они охотились на мамонта

Иг был сын Унга и жил много, много тысяч лет тому назад; сколько именно тысяч лет, этого я вам сказать не могу, но, во всяком случае, задолго до того времени, о котором говорит история. Иг жил даже до ледникового периода, то есть того времени, когда вся северная Европа была покрыта толстым слоем льда. Этот холодный ледяной покров лежал много тысяч лет и убил на всем своем протяжении все живое. Но понемногу климат становился теплее, солнце грело все сильнее и сильнее, ледяной покров все таял и таял, пока, наконец, схороненная под ним земля не оттаяла. Появились растения, перекочевали с юга люди и животные.

В то время, когда жил Иг, громадные слоны, так называемые мамонты, гигантские носороги, крылатые ящерицы необыкновенных размеров, страшные чудовища, представлявшие собой нечто среднее между пресмыкающимся и птицей, кишили в девственных лесах и по берегам широких рек. Львы, медведи, буйволы, лоси и многие другие животные стадами бродили среди холмов и лугов и кочевали по всему матерiku Европы в зависимости от того, куда их гнали голод и холод. В то время материк Европы был больше, так как многие острова составляли только его часть. Так, не было ни Балтийского, ни Немецкого морей, не было и Ламаншского пролива и нынешние Англия, Швеция и Норвегия составляли с европейским материком одно целое.

Жилище Ига находилось на юге нынешней Англии. Племя, к которому Иг принадлежал, было кочующее, никогда не оставалось подолгу на одном месте и путешествовало целым табором, постоянно разыскивая все более удобные стоянки.

Наконец, племя отыскало очень удобную для себя местность. Окрестные леса изобиловали дичью, реки кишили ры-

бой, а потому на общем совете решено было остаться здесь подольше.

Игу еще не было восьми лет, когда он понял, что жизнь состоит не только из игр и удовольствий. В этом возрасте, подобно всем своим сверстникам, он должен был уже работать с утра до вечера по первому приказанию любого из старших. Когда ему минуло двенадцать лет, ему позволили попробовать свои силы над изготовлением рыболовных крючков из кости и посвятили его в искусство вытесывать из кремня наконечники для стрел и грубые ножи и топоры.

В тот осенний день, когда он пережил свое первое серьезное приключение, он сидел около своего жилища перед грудой костей, из которых он, по приказу отца, мастерил рыболовные крючки. В нескольких шагах от него сидел Унг, его отец, и с жадностью ел только что убитую птицу, которую сняла с ближнего дерева его меткая стрела. Унг был плотный, коренастый мужчина с замечательно длинными руками, с сильно волосатой грудью. Грубо выделанная волчья шкура служила ему одеждой. Он ходил вперевалку, как будто слегка хромая, но, когда он лазил по деревьям, то он делал это с такой же легкостью, как самая ловкая обезьяна,

— Подай мне самый большой крючок, — грубо крикнул он Игу, бросая ему в то же самое время остатки птицы, — мы успеем сегодня еще до охоты поймать рыбу.

Иг выбрал самый лучший из вновь изготовленных им крючков и подал его отцу, который, подняв с земли длинное деревянное копье, зашагал в том направлении, в котором перед тем ушли его соплеменники. Иг съел брошенные ему отцом обедки, пополнив свой завтрак плодами, *<и>* продолжал свою работу.

Но вскоре, однако, ему надоела его работа; он встал, прошел в жалкий шалаш из древесных ветвей, служивший жилищем его отцу и матери; здесь он выбрал пару легких дротиков, из которых один был с костяным наконечником, а другой с каменным; оба дротика имели по ремню из лосиной кожи, так что их можно было закинуть за плечо. Затем

Иг с оружием в руках скорым шагом пошел по направлению, как раз противоположном тому, по которому ушел его отец.

Несколько минут спустя он уже достиг берега небольшой речки, куда селение ходило за водой. Место, выбранное Игом для рыбной ловли, было не из лучших: более богатая рыбой заводь находилась несколько далее, выше по течению, и там-то теперь занимались рыбной ловлей старшие вместе с Унгом. Как бы то ни было, но и это место вполне удовлетворяло Ига, тем более что река здесь была неглубока и дно ее было видно.

С дротиком в руке, утвердившись на одном из заросших высокой травой береговых мысоков, Иг зорко следил, не покажется ли в прозрачной речной воде серебристая чешуя рыбы. Как только неосторожная рыба слишком близко подплывала к берегу, Иг с быстротой молнии бросал свой дротик и через минуту у ног его трепетала, беспомощно разевая рот, пронзенная метким ударом жирная добыча. Таким образом охотился Иг довольно продолжительное время, пока около него не скопилась порядочная груда рыбы. Иг связал всю пойманную рыбу в одну связку, а затем начал спускаться по обрывистому берегу к самой реке, чтобы вытащить один из завязших на дне реки дротиков. Но не успел он сделать и нескольких шагов, как какая-то темная фигура выскочила из ближних кустов и схватила его добычу. Иг, услыхав шорох, обернулся и закричал, но прежде, чем он успел что-нибудь сделать, животное, — это была гиена — исчезло со связкой рыбы в зубах.

Иг не был трусом и знал, что его дротик очень страшное оружие для гиены, которая слишком труслива для того, чтобы вступать в открытую борьбу с человеком. Поэтому он бросился вслед за гиеной и упорно преследовал ее среди кустов и скал, пытаясь криками испугать животное и заставить выронить украденную рыбу. Но гиена была, по-видимому, очень голодна, так как, несмотря на его отчаянные крики и град камней, которыми онсыпал ее, не выпустила изо рта добычи.

Так охота продолжалась в течение нескольких минут, пока гиена вдруг <не> нырнула в кусты и исчезла из виду. Неустранимый Иг продолжал свое преследование, твердо решив отомстить наглому хищнику. Пробежал несколько десятков шагов и увидал вход в пещеру, где как он догадался сразу, укрылась гиена. Недолго думая, он вошел туда. В первую минуту он ничего не мог разобрать в царившей там темноте, но вскоре злое ворчание животного и слабый луч света, проникавший в небольшое отверстие сверху, указали ему его противника и он храбро двинулся в атаку. В глубине пещеры мелькнула какая-то тень, но Иг, внимание которого было слишком поглощено, не заметил ее. Гиена, бросившая наконец рыбу, стояла перед ним с оскаленными зубами и глядела на него, изредка издавая злобное, хриплое ворчание и глаза ее горели, как уголь.

С дротиком в руке Иг осторожно и медленно наступал на гиену, не сводя с нее глаз. Потом вдруг быстрым движением, которому могла бы позавидовать кошка, он бросился вперед и ударил дротиком в промежуток между огоньками глаз животного. В то же самое мгновение гиена подпрыгнула и дротик вонзился ей в плечо. Остервенев от боли, она бросилась на Ига, который, не выдержав внезапного толчка, упал на землю и очутился под разъяренным животным, крепко сжимая в руке запасной дротик.

Быстро сообразив, в чем дело, он начал работать дротиком, как кинжалом, и глубоко вонзил его гиене в бок. С яростным ворчанием гиена, в свою очередь, впилась своими острыми зубами в руку молодого охотника. Иг с трудом сдерживал крик боли, который готов был вырваться у него; в глазах его потемнело, и он только успел заметить, как какая-то фигура вынырнула из глубины пещеры, бросилась на гиену и вцепилась ей в горло руками; вслед за тем он потерял сознание.

Когда Иг опять открыл глаза, вокруг него было светло и он лежал на траве у самого входа в пещеру. Мертвая гиена лежала в нескольких шагах от него, а около него самого сидел мальчик приблизительно его же лет и роста и внимательно смотрел ему в лицо. Руки мальчика были в крови и

Иг сразу обратил внимание на их толщину, изобличавшую большую физическую силу.

— Она убита, — сказал ему незнакомый мальчик, указывая на мертвую гиену, — посмотри!

Выговор, с которым мальчик произнес эти слова, показался ему незнакомым и, кроме того, он говорил медленно, как будто с трудом. Он поднялся и подошел к гиене. Нижняя челюсть животного была сломана и оторвана и разодраный язык ее торчал безобразно из широкой глотки.

Помочив правую руку в луже крови, скопившейся около трупа животного, он сначала сделал черту на своем лбу, а потом на лбу своего спасителя.

— Теперь мы кровные братья, — сказал он просто. — Таков обычай нашего племени. С этого времени мы будем охотиться вместе и вместе делить добычу.

Мальчик кивнул головой в знак согласия; затем, на распросы Ига, он рассказал ему о своем отце и братьях, с которыми он жил в другой пещере по ту сторону ближних холмов; все они, по его словам, были растерзаны пещерным медведем и с тех пор он, Тиг, ведет одинокое существование в лесах. Несколько дней тому назад он заметил каких-то людей из племени Ига, проследил их до самого селения, но побоялся зайти к чужим людям и все время скрывался в окрестностях. Счастливый случай привел его в пещеру, куда попал Иг, преследуя гиену, и здесь оказал Игу услугу.

В свою очередь, Иг рассказал ему о своей жизни, об Унге, своем отце, об Оте, начальнике их племени, которому все племя оказывало полное повиновение. Затем он убедился, что Тиг хорошо знаком с копьями, с кремневыми и костяными наконечниками и владеет дротиком почти так же хорошо, как и он сам. Так он болтал довольно долго, пока Иг не нашел, что пора вернуться домой. Товарищи поднялись, но не успел Иг закинуть за плечо отвоеванную у гиены связку рыб, как страшный рев раздался из глубины леса, с правой стороны того места, где они стояли; оба мальчика замерли на месте: они сразу узнали голос мамонта.

Через несколько секунд одно из этих громадных животных выбежало на опушку леса и помчалось прямо вниз

по долине. За ним появилось второе, затем третье, потом еще несколько, а за ними вслед бежала целая толпа охотников, издавая дикие крики и пуская тучи стрел вдогонку убегавшим животным. Их длинные волосы и концы одежды разевались по ветру. Свист стрел, рев ошалевших мамонтов, разъяренные крики охотников наполнили всю окрестность неописуемым гамом.

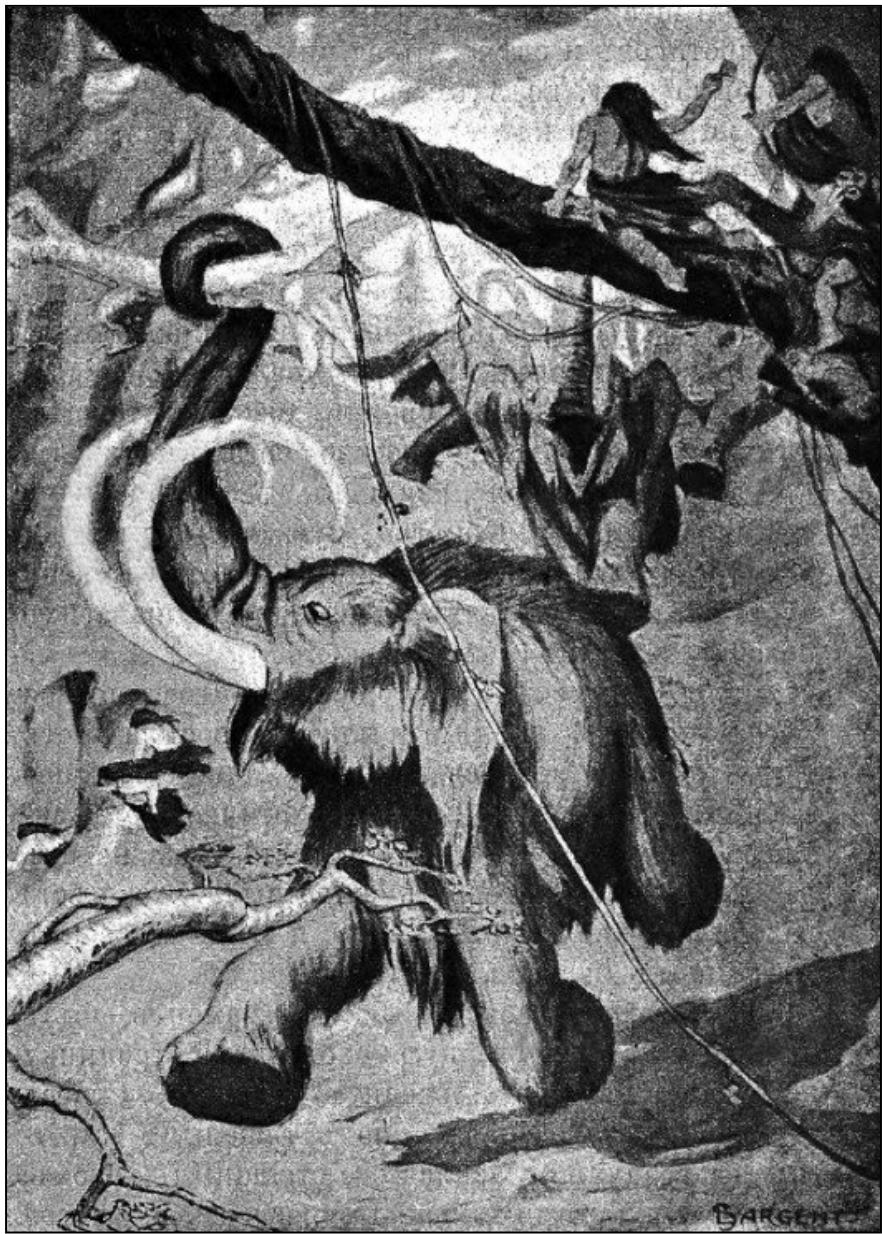
Пригласив Тига знаком взять один из его дротиков и следовать за ним, Иг бросился что было духу вслед за охотниками.

Охотники, между тем, старались загнать животных к реке, на берегу которой были выкопаны громадные ямы, слегка прикрытые ветвями и листьями, так что заметить их было очень трудно. Два мамонта отделились от других и скрылись в лесу, но большая часть стада продолжала бежать по направлению к подготовленной западне, захватывая по дороге своими хоботами толстые ветви, отламывая их и яростно бросая в стороны. Когда мамонты приблизились к намеченному охотниками месту и быстро спускались по склону холма, другая партия охотников, засевших в кустах и на ветвях деревьев,сыпала их новой тучей стрел и дротиков.

Иг и Тиг успели в это время присоединиться к охотникам, которые были в восторге от того, что им удалось захватить такое большое стадо. На вершине холма часть охотников отделилась и направилась в другое место, куда, по их расчетам, могли свернуть животные. Это место находилось около самых ям и Иг с своим товарищем направились также туда.

Несколько мгновений <спустя> один мамонт был отогнан на проложенную охотниками тропинку и попал в подготовленную западню. Слабая настилка сразу распалась под тяжелым животным и воздух огласился его страшным ревом. Следовавшие за ним поняли опасность и, быстро свернув в сторону, побежали по берегу реки. Вернуть животных не было возможности и охотники, прекратив преследование, обратили теперь свое внимание на животное, попавшее в западню.

Иг теперь только заметил отсутствие своего товарища,

BARGEMAN

который почти до самой последней минуты был все время около него. Тиг исчез и Иг тщательно искал его среди охотников. Он не понимал, куда девался Тиг. Неужели он испугался и убежал в свою пещеру? А может быть, один из мамонтов подхватил его хоботом, бросил на землю и растоптал ногами? Все это мелькало в голове Ига, но ответа он найти не мог и он, не придя ни к какому решению, озабоченный и опечаленный, последовал за охотниками в становище.

В становище горели костры, так как уже наступил вечер; у костров лежали и грелись семьи племени. Рев мамонта, попавшего в яму, все еще был слышен, но раздавался все реже и реже, пока не затих совсем. Было ясно, что завтра можно будет поделить добычу.

У костра своего отца Унга и его товарищей, которые весело пели, празднуя свою удачную охоту, сидел Иг, молчаливый и грустный, всматриваясь в ночную темь. Страшные звуки из лесу доносились до его ушей, звуки, которые заставляли его дрожать, так как ночь смущала его суеверную душу тайными ужасами, страшными духами и другими таинственными вещами. А между тем, думал он, где-то там, в страшном лесу бродит его товарищ и кровный брат Тиг. Однажды он даже, отойдя на некоторое расстояние от костра, трижды прокричал его имя; но на его крики ответил только свист какой-то ночной птицы или животного и он с тяжелым чувством понесенной утраты, чувством новым для него, вернулся и тихо улегся около костра.

Глава II

Как они познакомились с гигантским тигром и нашли пещеру

Тиг, как оказалось, не погиб на охоте. К величайшей радости Ига, с первыми лучами солнца он увидел Тига, осторожно приближавшегося к становищу. Он бросился к нему навстречу, приветствовал его как умел и втащил его в хижину, где предложил ему ложе из звериных шкур. Исчезновение Тига объяснилось очень просто. Следуя за охотниками, он набежал на одну из ловчих ям и провалился в нее. При падении он слегка повредил ногу. В одной из ближайших ям сидел пойманный мамонт и Тиг очень хорошо слышал его стон и рев; не будучи, однако, уверен, что животное не на свободе, он предпочел провести ночь в своем невольном убежище.

— Это очень большое животное, — сказал Тиг, — мой отец вместе со своими товарищами водил его смотреть. Он скоро издохнет и не успеет солнце подняться высоко, как мы его изрежем на куски.

Он говорил правду; спустя какой-нибудь час мамонт, напоровшийся на кол, вбитый на дне ямы, с громким стоном испустил последнее дыхание и рухнул неподвижной массой на дно ямы. По приказанию Ота, начальника племени, охотники, взяя свои кремневые топоры и ножи, отправились свежевать мамонта. Спрыгнув прямо на труп животного, они начали с изумительной быстротой отделять мясо от костей. Скоро по краям ямы выросли целые груды мяса. Затем последовал дележ мяса, под руководством того же Ота, и начался праздник. Слух об удачной охоте разнесся по окрестности и вскоре вокруг ямы собралось почти все племя, за исключением только тех, которые ушли на охоту еще накануне.

Праздник длился несколько дней, а затем жизнь становища потекла своим чередом. Начались опять обычные охоты и рыбные ловли в окрестных лесах и реках, случайные

стычки с бродячими отрядами охотников соседних племен, желавшими получить звериные шкуры и оружие, не утруждая себя ни охотой, ни работой, да постоянные работы по изготовлению рыболовных крючков, стрел, топоров, дротиков и другого оружия.

Тиг в короткое время выучился искусству приготовлять луки и стрелы и вскоре заслужил расположение самого Ота и других старшин племени. Кроме того, он проявил даже артистическое дарование и при помощи острого кремня вырезывал на других луках и на топорищах затейливые рисунки, состоявшие из всевозможных завитков. Это искусство Тига облегчило работу обоим товарищам. Иг, отлично шлифовавший кремни, изготавлял вещи в грубом виде, тогда как Тиг занимался их окончательной отделкой.

Лучшим произведением Тига был шлифованный кусок кости, на котором он довольно удачно выцарапал охотника, бросающего дротик вдикую лошадь. Это произведение искусства вызвало в становище всеобщее одобрение: грубый рисунок казался всем чудом искусства.

Так как Иг и Тиг были кровные братья, то они никогда не разлучались и охотились всегда вместе. Когда наступило более холодное время года, они изготавлили друг для друга нечто в роде обуви из древесной коры, плотно оплетенной тонкими полосками, нарезанными из звериных шкур. Одеждой им по-прежнему служили грубо сшитые шкуры волков и других зверей. За поясом они носили небольшие кремневые топоры и ножи, а за плечами луки и стрелы. Так как они не могли носить с собой постоянно весь свой запас стрел и дротиков, то они захотели устроить себе склад оружия в укромном месте. Такое место совершенно случайно они нашли очень скоро.

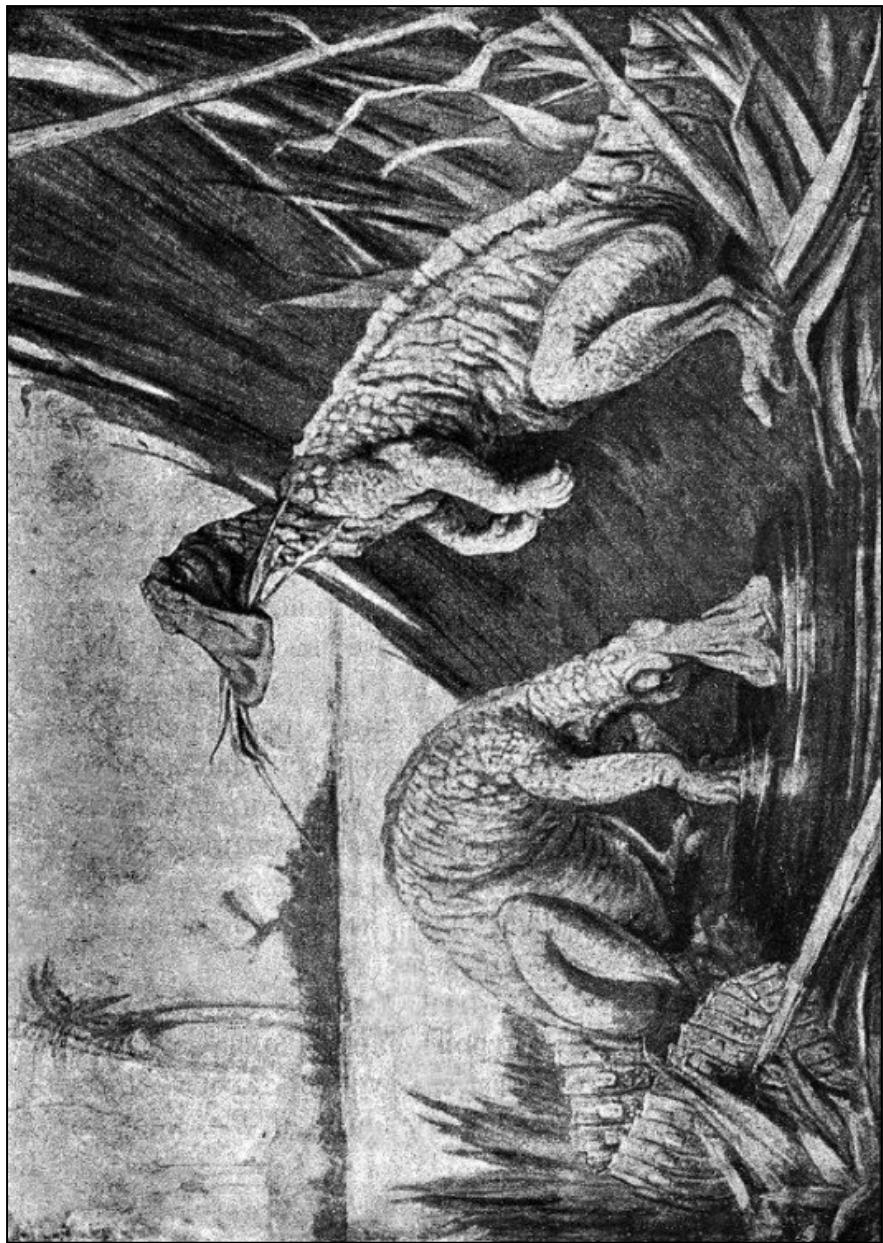
Однажды они отправились вниз по течению реки, которая текла на запад и изобиловала прихотливыми изгибами и заворотами. Они встретили несколько водопадов и, приготовив себе из убитой дичи вкусный обед, были в прекрасном настроении и пропустили много птиц и животных, которых они не пропустили бы в другое время. Тем не менее, они ни на минуту не забыли об окружающих их опас-

ностях. Иг был слишком опытен для того, чтобы позволить себе какую-нибудь оплошность. В охотничьем искусстве он был много опытнее Тига, который учился у него распознавать следы животных, выслеживать их, выискивать их любимые водопои, подстерегать их, устраивать им всевозможные ловушки и выслушивать, приникнув ухом к земле, их бег и его направление.

Миновав один из бесчисленных изгибов реки, Иг и Тиг наткнулись на такое зрелище, которое заставило их быстро отбежать назад. На самом берегу реки паслась пара гигантских динозавров; с громким чавканьем они пожирали росший здесь в изобилии ситник и время от времени жадно пили воду. Животные имели очень странный вид: огромное, покрытое костяной чешуей тело, короткие передние лапы, сильно развитые задние и сильно сплющенная морда. Динозавры, чрезвычайно пугливые животные, бежали бы моментально, если бы только заметили мальчиков, но последние ловко скрылись в густых зарослях ситника.

Несмотря на свою боязнь перед человеком, эти животные, как вскоре убедились Иг и Тиг, между собой дрались с большой яростью. Один из динозавров, покрупнее, схватил пучок травы, сорванный его товарищем, и драка завязалась. Через несколько мгновений динозавры с бешеныстым кусали друг друга своими острыми зубами и хлестали сильными хвостами. Вся трава на месте драки была быстро смята и вода буквально кипела вокруг животных. Удары их хвостов раздавались в тихом воздухе и спугивали с соседних деревьев дремавших птиц, которые с громкими криками разлетались в стороны. Борьба длилась долго, так как динозавры были почти равной силы; но наконец одному из них удалось нанести своему сопернику страшный удар хвостом и всадить свои зубы глубоко в шею, как раз в место, не защищенное чешуей; вторым ударом хвоста он повалил смертельно раненого врага на землю. Победоносно рявкнув, он бросился в воду и быстро поплыл вниз по реке.

Тиг решил спуститься к реке, чтобы посмотреть на издыхавшее животное, но в то время, когда он начал пробираться через плотную заросль трав, грозное урчание заста-

вило его насторожиться. Он бросился обратно и вместе с Игом ожидал появления таинственного животного.

— Это тигр-оленник, — прошептал Иг. — Он следил за борьбой и не рисковал напасть на двоих. Ложись скорее в траву, с ним нам не приходится бороться.

Едва он успел произнести эти слова, как громадное животное с желтой шкурой, испещренной правильными черными полосами, появилось из заросли и начало приближаться к беспомощному динозавру. Это был тигр-гигант с саблевидными клыками, одно из самых страшных животных прежних времен. Когда, положив передние лапы на несчастного динозавра, он начал разрывать и уничтожать добычу, отрывая громадные куски мяса, время от времени издавая громкое урчанье, он представлял собою страшную картину. Его огромные клыки, напоминавшие клыки моржа, легко пробивали твердую чешую динозавра, который после двух ударов перестал шевелиться.

Насытившись, страшный хищник двинулся медленным шагом по берегу в направлении к холмам, а за ним, на очень почтительном расстоянии, следовали Иг и Тиг. Тигры в этой местности встречались очень редко, так как они преимущественно держались в глубине лесов, где пища была обильнее. Иг, участвуя в охотах своего племени, не раз видел гигантского тигра, но Тиг видел его впервые. Пока он следил за животным, тихо пробиравшимся вдоль реки, ему страстно захотелось добыть эти сверкающие своей белизной громадные клыки. Какие чудные рисунки он мог бы вырезать на поверхности этой блестящей кости!

Иг от души рассмеялся, когда его товарищ сообщил ему о своем желании.

— Нужно быть очень большим охотником, чтобы сразиться с тигром-оленником, — сказал он. — Даже Оту не удавалось убить такого тигра. Он страшно ловок и силен, и ты видел сам, какие у него зубы.

— Я однажды убил животное почти такой же величины, — отвечал Тиг. — Это было там, в лесу, где я нашел тебя. Большой черный медведь однажды забрел ко мне в пещеру. Я ударил его копьем, но древко сломалось. Он бросился

на меня, но я разорвал ему пасть так же, как я это сделал с твоей гиеной.

— Может быть, тебе и посчастливится встретиться еще раз с тигром, — сказал Иг, — но лучше было бы поохотиться за ним целой компанией. Пока же проследим его до его логовища и скажем старшим, где он живет. Смотри, он пробирается вон к тому кустарнику.

В это время они достигли подошвы небольшого холма, который был окружен грудами камней и густым кустарником. Это было приблизительно в расстоянии одной мили от правого берега реки. Тигр, за которым наблюдали мальчики, вошел в кусты и исчез из виду.

— Там должна быть пещера, — сказал Иг, — я пойду и посмотрю. Будь только осторожен и не делай ни малейшего шума, потому что тигр, хотя он и сыт, наверно бросится на нас, если мы его обеспокоим.

Они осторожно проползли вперед и, обогнув кусты, увидели, как предполагал Иг, вход в пещеру. Левее видны были несколько пещер разной величины. Мальчики решили их осмотреть и одна из них так понравилась им, что они решили устроить в ней свой склад оружия. Пещера была просторная и сухая, а это-то им и было нужно.

— Мы закроем вход в нее большим камнем, чтобы в ней не поселилось какое-нибудь животное, — сказал Иг, — и будем за этим камнем в такой же безопасности, как и в становище.

Они скоро окончили осмотр пещеры и, отыскав камень такой величины, что он вполне закрывал вход в пещеру, отправились обратно в становище. Они решили перетащить сюда свое оружие на другой же день и начать новую жизнь в пещере. С этого времени, они мечтали на обратном пути, они станут самостоятельными охотниками и предоставят работы по изготовлению топоров и другого оружия другим мальчикам своего племени. Унг, конечно, будет огорчен их исчезновением, но едва ли сумеет отыскать их в их таинственном убежище.

У самой подошвы холма Тиг бросил еще раз взгляд на пещеру гигантского тигра. Тигр, по-видимому, уже спал, по-

тому что ничем не выдавал своего присутствия. Его громадная квадратная голова с полосатой бархатистой шерстью и сверкающими клыками все время мерещилась Тигу и решение его убить это животное все больше крепло. Чего бы это ему ни стоило, но он должен овладеть этими клыками как можно скорее.

Глава III

Как был убит гигантский тигр

Когда оба мальчика возвратились в становище, они рассказали старшим о своих приключениях, о битве между двумя речными чудовищами и о встрече с гигантским тигром. Их рассказ возбудил всеобщее удивление, потому что гигантского тигра в этой местности никто не видел уже несколько лет. О своей пещере они, разумеется, не сказали никому ни слова.

— Очевидно тигр, забрел сюда неспроста, — сказал один из старших, когда вечером все уселись вокруг обычного костра. — Его сюда пригнал голод.

— Нет, — сказал старый охотник От, — он просто пришел следом за оленями, которые переселяются теперь ближе к нам. У вас теперь будет оленины вдоволь, только теперь смотрите, будьте осторожнее на охоте за оленями. Это хорошо, — обратился он к мальчикам, — что вы не выдали ему своего присутствия. Среди нас нет никого, кто бы рискнул сразиться с ним один на один.

Другие охотники выразили свое полное согласие с мнением Ота, а один из них, придвигнувшись ближе к огню, сказал:

— Как я слыхал, существует один только охотник, который сражался с тигром-оленником один на один. Это был охотник из другого племени, — показал он рукой на север, — на его груди до сих пор видны следы этой борьбы, а правая рука его никуда не годится. Вы все знаете эту историю...

— Расскажи нам ее, — с нетерпением воскликнули некоторые из молодых охотников, — мы никогда не слыхали этой истории!

Иг и Тиг придвигнулись ближе к тесному кружку охотников и впились глазами в рассказчика, который продолжал:

— Это был человек чужого племени и он рассказал мне эту историю, когда мы охотились с ним вместе, а было это давно, очень давно. Он вышел с несколькими товарищами на охоту за оленями, которые завели их далеко. Они убили несколько штук, но один олень, особенно крупный, все не давался им. Тогда охотник решил его убить во что бы то ни стало и, преследуя его, отделился от своих товарищ. Наконец, загнав оленя в чащу, он заколол его копьем. В то время, когда он, усевшись на ствол упавшего дерева, стал любоваться убитым оленем, он вдруг услыхал позади себя грозное рычание и, прежде чем он успел обернуться, громадное полосатое тело мелькнуло в воздухе и свалило его на землю. Это был тигр с двумя клыками, каких он не видывал ни разу в своей жизни. Ошеломленный ударом, он лежал на земле, как мертвый, и вдруг увидел, как тигр, прыгнув дальше, уселся над убитым оленем и начал его пожирать.

Насытившись, тигр схватил зубами охотника за плечо и понес его через чащу. Вскоре он принес его в свое логовище, помещавшееся между несколькими большими камнями, в котором лежали двое маленьких тигрят. Тигр положил охотника перед тигрятами, а затем сейчас же ушел, очевидно, за тигрицей. В это время охотник окончательно пришел в себя и понял, в какой опасности он находится. Как только тигр исчез, он отбросил от себя тигрят и бросился бежать, как сумасшедший.

Он бежал с быстрой волка; при каждом подозрительном шорохе он взбирался на дерево и пережидал на его вершине возможную опасность. Спустя некоторое время он выбрался на поляну, где курился дымок кем-то брошенного костра. Так как он пробежал порядочное расстояние, то он счел себя вне опасности и решил здесь переночевать, тем более что стало уже темнеть.

Несколько горстей сухих листьев, две-три охапки ветвей и костер ярко запылал; измученный охотник уселся у огня. Так он просидел некоторое время, греясь около огня, как вот мы сейчас, удивляясь своему чудесному спасению от смерти. Но когда он вновь взглянул в окружавшую его тьму он вдруг увидел два огонька, медленно приближав-

шееся к нему. Легкий шорох подсказал ему, что к нему подбирается какое-то животное. Схватив горящую головню, он бросил ее по направлению к нему. Головня вспыхнула и при свете ее он увидел своего старого врага, — гигантского тигра, который, очевидно, нашел его по его следам и готовился напасть на него. В ужасе он вскочил.

Зверь, изредка пофыркивая, медленно приближался к нему, — но охотник не двигался с места. Он знал, что дикие животные очень боятся огня и, схватив горящий сук, он бросил его прямо тигру в голову. Храбрость охотника спасла его. Громадный зверь, с окровавленной и обожженной мордой, отпрянул и с ревом понесся в глубь леса. Охотник до самого утра просидел у костра, но тигр не решился напасть на него второй раз и он спокойно достиг своего становища. Вот и вся история.

Прошло уже около недели с тех пор, как Иг и Тиг приготовились к бегству в свое тайное убежище. Отец Ига, Унг, ежедневно брал мальчиков с собой на охоту, заставляя их носить за собой свои копья, дротики, стрелы и луки, а на обратном пути тащить свою добычу. Наконец, при первом удобном случае, оба мальчика незаметно сбежали. Осторожно подходили они к своему убежищу, опасаясь, что его занял страшный тигр, но, к их величайшей радости, они не нашли и признака страшного зверя.

Обозрев еще раз свое будущее жилище, они пришли к убеждению, что лучшего нельзя было и требовать. Из шкур, которые они принесли с собой, они устроили в одном углу пещеры великолепное ложе, а в другом сложили все свое оружие. Для полного устройства жилища им хватило одного дня. Пока они устраивались, они были вне всякой опасности, так как огромный камень, которым они прикрыли вход в пещеру, представлял собой надежную защиту.

Отделившись от своего племени и начав самостоятельную жизнь, Иг и Тиг проводили целые дни на охоте и рыбной ловле. Оба они были недурные охотники и рыболовы и добыча их почти всегда была хорошая. Как От предсказывал, олени спускались все больше и больше к югу и много крупных животных пало под ударами метких дротиков

юных охотников. И вот на одной-то из таких охот они попали в такую передрягу, которая надолго врезалась им в память.

Однажды, выйдя с самого утра на охоту с большим запасом оружия, они проходили целый день, не встретив ни одного животного. Только когда уже солнце опустилось совсем низко, они натолкнулись на след красных оленей и погнались за ними. После продолжительной гонки им удалось отогнать от стада оленя-вожака, которого меткая стрела положила вскоре на месте. Иг, быстро подскочив к зверю, прикончил его ударом копья. Стадо, потеряв вожака, разбежалось во все стороны.

Мальчики смотрели вслед убегавшим оленям, как вдруг Иг испустил крик ужаса и бросился плашмя на землю, увлекая за собой Тига.

— Смотри, — показал он Тигу на дерево, ветви которого были направлены прямо на них, — смотри, вон где тигроленник.

Тиг бросил взгляд в указанном направлении и увидел не одного, а двух гигантских тигров, которые лежали, вытянувшись на толстом суку дерева. Животные были почти скрыты листвой дерева.

— Лежи смирно, — посоветовал Иг Тигу. — Мы должны лежать смирно, пока они не уйдут. Они заметили оленей и, наверное, пойдут за ними и спустятся в долину.

Он был прав. Тигры вскоре спрыгнули с дерева и осторожно пошли вслед исчезнувшему стаду. Как только звери исчезли из виду, Иг и Тиг поскорее стащили свою добычу в пещеру. Это было нелегко, но они успели справиться с этим делом, нигде не встретив и следа страшного тигра.

Оба мальчика быстро развели костер и принялись с аппетитом за изготовленный ими обед. Они очень устали от продолжительной охоты, а доставка убитого ими оленя утомила их еще больше. Наевшись досытно, они навалили в костер еще сучьев и коры с таким расчетом, чтобы он горел всю ночь и, завернувшись поплотнее в звериные шкуры, быстро уснули.

Иг спал неспокойно. Ему снился тигр, которого он ви-

дел днем. Ему грезилось, что тигр все гонится за ним, что он все бежит и бежит от него без всякой надежды на спасение. Тигр начинает его нагонять, он слышит уже ужасное ворчание гигантского зверя, чувствует его горячее дыхание... В эту минуту он проснулся и вскочил со своего ложа. Своим резким движением он разбудил Тига.

Иг с замирающим сердцем стал вслушиваться — и в эту минуту рев, настоящий рев тигра раздался в ночной тишине. У входа в пещеру тлел еще костер, но Иг с ужасом увидел, что вход они забыли завалить камнем. У самого входа, у костра лежала часть убитого ими оленя.

Вторичный грозный рев заставил обоих мальчиков вскочить на ноги и схватить копья; за костром они увидели страшную полосатую фигуру тигра-оленника. Было ясно, что тигр пришел по следу, который оставила туша оленя, пока мальчики тащили ее в пещеру. Удовольствуется ли тигр остатками туши или он нападет на них? Этот вопрос повергал Ига в трепет. Между тем, Тиг не проявлял ни малейшего смущения.

— Это и в самом деле оленник, — пробормотал он. — Иг, ты помнишь, как охотник сражался при помощи горящей головни против тигра один, а нас двое, и мы, мы...

Сразиться с тигром! Иг с замешательством посмотрел на своего товарища. Эта мысль казалась ему безумием. Но переубедить Тига было не так-то легко; история, рассказанная старым охотником, крепко засела в его голове и он решил рискнуть и вступить в единоборство с тигром. В нескольких отрывочных словах он изложил Игу свой план, а затем осторожно подполз к входу в пещеру с целью хорошенько высмотреть, где именно находится тигр. Он увидел его в стороне, в нескольких шагах от входа. Гигантский зверь вытянулся на земле и бил себя хвостом по бокам.

Быстро вскочив на ноги, Тиг со всей силы метнул копье в тигра и тотчас же раздался гневный рев животного, которому копье глубоко вонзилось в бок. Грязно поднялся тигр на ноги и медленным шагом стал приближаться к входу в пещеру. Когда тигр был всего в двух-трех шагах от входа, Тиг быстро выхватил из костра горящую головню, из-

дал пронзительный крик, который был повторен Игом, и бросился навстречу зверю. В следующее мгновение горящая головня ударила тигра прямо по глазам.

Тигр, дико взвизгнув от боли, поднялся на задних лапах и бросился вперед на врага, которого он уже не мог больше видеть. Тигр ловко уклонился от удара страшных когтей и отскочил в пещеру.

— Он ослеп, Иг! — воскликнул Тиг. — Скорее, давай сюда наши дротики, мы убьем его без труда!

Пока раненый тигр, припав к земле, готовился прыгнуть на врагов, ожидая, что они выдадут себя каким-нибудь звуком, оба мальчика бесшумно выползли из пещеры. Громадное животное было теперь в их власти и его свирепое рычание больше их не пугало. Иг, увлеченный примером Тига был готов к бою не меньше своего товарища.

Тиг зашел к тигру сбоку и, схватив тяжелое копье с острым кремневым наконечником, всадил его зверю в плечо. Тогда началась последняя отчаянная борьба. Тигр бешено метался из стороны в сторону, тщетно стараясь поймать своих противников, между тем как Иг и Тиг, ловко уклоняясь от его ударов, осыпали обезумевшего зверя ударами.

Один раз страшный коготь тигра вонзился даже Игу в ногу, но, к счастью, неглубоко. Ослепшее животное быстро слабело от потери крови и движения его становились с каждой минутой все медленнее. Наконец, Тиг метким ударом дротика нанес ему смертельный удар. Гигантский тигр приподнялся на передних лапах, издал страшный рев и упал мертвым на бок.

Оба мальчика, с которых пот катил градом, с гордостью смотрели на труп гигантского животного. Им было чем похвастаться! Сам старый От за всю свою жизнь не убил такого зверя. Они решили на другой день утром отрезать голову зверя и снести ее в становище, где их ожидало всеобщее изумление и уважение. Но усталость давала себя знать. Мальчики подкинули еще сучьев в костер, бросились на ложе и заснули крепчайшим сном.

IV

Как они встретились с морской ящерицей и с невиданным ими животным

Приключение с тигром доставило Игу и Тигу громкую славу замечательных охотников. Сначала никто не хотел верить, что два мальчика, вооруженные самым обыкновенным оружием, могли справиться с таким страшным зверем, но принесенная в становище голова тигра говорила сама за себя. Неудивительно, что с этого времени Иг и Тиг начали пользоваться немалым уважением всего племени и сделались полноправными членами общины. Все смотрели на них, как на взрослых.

Так как необходимость в убежище исчезла, то Иг и Тиг перестали думать о своей пещере и снова поселились в становище. Теперь их никто больше не принуждал исполнять домашние работы, которые так не нравились мальчикам, и они зажили теперь жизнью взрослых. Днем они присоединялись к какой-нибудь охотничьей компании и отправлялись с ней за дичью. К вечеру они располагались вместе с другими соплеменниками вокруг костров, пели и праздновали свои победы, а к ночи крепко засыпали на мягких звериных шкурах.

Игу всегда снилась охота, где он преследовал и убивал разных чудовищных зверей. Иногда эти сны были так ярки, что Иг, проснувшись, никак не мог понять, наяву или во сне пережил он только что виденное им. Подобно другим охотникам-соплеменникам, он никак не понимал, каким образом его мысль могла улетать и бродить по полям и лесам, в то время как тело его спокойно лежало у костра, и он только недоверчиво покачивал головой, когда на его вопрос, не уходил ли он куда-нибудь ночью, его товарищи уверяли, что он все время спокойно спал у костра,

Что же касается Тига, то он все свои свободные от охоты и других занятий минуты посвящал вырезыванию и вы-

скабливанию всевозможных рисунков на костях и на кусках мамонтовой кости. Его произведения возбуждали все большее и большее удивление соплеменников. На сверкающих своей белизной клыках гигантского тигра, на тех самых клыках, которые он так страстно желал получить, он вырезал очень удачно сцену их битвы с тигром. На рисунке можно было очень хорошо различить две человеческие фигуры с дротиками в руках, а перед ними, припав к земле, сидел тигр, готовясь к прыжку. Был изображен и вход в пещеру, причем не была забыта ни одна подробность: тут был и камень, которым они закрывали вход, и даже пылающая головня, которой был ослеплен тигр.

Старый От и другие удивлялись картинкам мальчика и, как умели, высказывали свое восхищение; им никогда до тех пор не довелось видеть таких рисунков. Вскоре Тиг начал работать за вознаграждение; он украшал желающим рукояти топоров, луки и древки дротиков различными рисунками и получал за эти работы звериные шкуры, домашнюю утварь и съестные припасы, а потому жил сравнительно в большой роскоши. Тем не менее, он не забывал своего кровного союза с Игом и всегда был готов сопутствовать Игу во всяком опасном предприятии, и много новых приключений они пережили вместе. Пещера на склоне холма, которой они пользовались для ночлега очень редко, по-прежнему продолжала им служить складом оружия и разных припасов.

Однажды ранним утром, приблизившись к пещере, они увидели, как из пещеры выскочил большой бурый пещерный медведь и бросился бежать прямо вниз по склону холма. Осмотрев внимательно внутренность пещеры, они убедились, что медведь сожрал у них половину всего запаса оленины, который они приготовили накануне на всякий случай, и кроме того, попортил некоторые вещи; но что их удивило больше всего, так это исчезновение целой связки новых стрел и луков, которые они приготовили на случай большой охоты.

— Что это значит? — спросил Иг, сильно изумленный.
— Медведя мы здесь видели, но он ведь не ест стрел!

Тиг не мог найти никакого объяснения. Не отвечая ни слова своему товарищу, он принял внимательно рассматривать пол пещеры в надежде отыскать какой-нибудь след, который мог бы привести их к открытию тайны. Но сколько он ни смотрел, он ничего не мог найти, и пропажа стрел оставалась необъяснимой загадкой.

— Медведь не мог сожрать наши стрелы, — заметил он, — если бы он утащил их раньше, тогда мы заметили бы пропажу тоже раньше.

Иг задумался.

— Может быть, кто-нибудь подсмотрел, как мы прятали их здесь? — сказал он. — Может быть, кто-нибудь уже знает о нашем тайнике и украл стрелы в наше отсутствие?

Это не приходило в голову Тигу и он тоже подумал, что предположение Ига довольно вероятно, но, сколько он ни ломал голову, он не мог заподозрить в этом ни одного из соплеменников. Правда, многие из молодых людей завидовали обоим товарищам, которые были очень богаты оружием, изукрашенным рисунками Тига, но все они были в самых лучших отношениях.

— Если нас обокрал человек, а не зверь, то мы нашли бы его следы, но здесь нет никаких следов, кроме медвежьих, — сказал Тиг. — Как бы то ни было, но мы можем найти вора позже. Поставим ему здесь западню, а пока я посмотрю, не увижу ли у кого из наших охотников нашего оружия.

Несмотря на все их старания, они не находили и следа пропавших стрел. Еще трижды была обнаружена пропажа разных вещей из пещеры и вор по-прежнему оставался неоткрытым. Около этого времени товарищам пришла мысль построить грубый плот, какие строило другое племя, жившее севернее, на озере. Они хотели спуститься в этом плоту вниз по реке с целью посмотреть более отдаленные места.

Под руководством Тига плот был скоро построен. Он состоял из нескольких толстых обрубков и бревен, связанных широкими полосами коры. Вид плота был не особенно красивый, но он хорошо держался на воде и вполне годился для намеченной товарищами цели.

Когда все приготовления к путешествию были окончены, мальчики рано утром перенесли необходимое имущество на плот, оттолкнулись от берега и начали свое давно желанное путешествие. Управляли они плотом при помощи кольев, которыми, когда было можно, просто отталкивались от берегов и скал, на которые наносило их течение, или гребли. В течении целого дня они плыли да плыли вниз по течению реки, которая становилась все шире и шире. Но вот кончился и лес, на краю которого жило их племя, и перед их взором открылась широкая равнина, замыкавшаяся едва видными холмами.

Они встретили по дороге несколько новых животных, изредка появлялись динозавры, бой которых несколько недель тому назад они видели. Много новых, невиданных вешей встретили юные путешественники и глаза их прямо таки разбегались.

К полудню следующего дня река вдруг расширилась до такой степени, что они потеряли из виду ее берега. Кругом была видна только вода, бурлившая вокруг торчавших здесь и там скал.

Далеко налево и направо чуть виднелась ровная белая полоса. Это была пена прибоя, — мальчики выплыли в открытое море.

Иг и Тиг разинули рты от удивления. До тех пор они никогда не видали такого обширного водного пространства. Потом они спохватились и дружными усилиями стали гресть к берегу. После двухчасовой усиленной работы им удалось пригнать плот к плоскому берегу. Здесь они закрепили его на месте при помощи кольев. Едва они успели спрятаться с этой задачей, как увидели на поверхности воды около полутора дюжины странных животных, плывших по направлению к ним. Это были гигантские морские ящерицы такой величины, какой до того не видывали Тиг и Иг.

Около группы прибрежных скал чудовища остановились и стали резвиться в воде, запуская свои сравнительно небольшие головы на необыкновенно длинных шеях глубоко в воду и поминутно вытаскивая рыб.

ARGENT

Эти морские ящерицы или, как их называют ученые, плезиозавры, были и в самом деле очень страшны на вид. Голова такого животного имела форму головы ящерицы, но с зубами крокодила; шея достигала иногда десяти футов длины; туловище, удлиненное и необыкновенно сильное, было приспособлено к быстрому передвижению в воде и было снабжено четырьмя сильными плавниками вместо ног. С изумлением следили мальчики за тем, как змеевидные шеи то здесь, то там погружались в воду и как хрустела на острых зубах пойманная рыба.

Мальчики были так поглощены этим зрелищем, что не заметили опасности, которой в это время они подвергались. Внезапно сильный толчок плата свалил их с ног и, когда они, вскочив снова на ноги, стали оглядываться, то они увидали возвышающуюся над плотом длинную шею морской ящерицы, которая, незаметно подплыв под плот, просунула свою голову между бревнами плота и теперь пытлась схватить Тига. Оба мальчика одним прыжком очутились на ближайшей отмели и с облегчением вздохнули, когда убедились, что животное не могло достать их.

Громадная ящерица, от которой ускользнула добыча, пытаясь теперь вернуться к своему стаду, но, стараясь высвободить голову, она ущемила ее как раз между разошедшися бревнами плота и беспомощно била теперь плавниками по воде. Увидев это, Иг издал крик радости.

— У нас есть кремневые топоры, Тиг, — сказал он, — мы можем убить чудовище, пока оно беспомощно. Идем скорее!

Снова перепрыгнув на плот, они схватили свои топоры и начали, по очереди, изо всей силы рубить шею ящерицы у самой головы. В несколько секунд животное было убито. Иг с торжеством отбросил отрубленную голову в сторону, а затем мальчики, отдохнув, принялись за починку плота. К счастью, плот был испорчен не серьезно и вскоре от повреждения, нанесенного ему морской ящерицей, не осталось и следа.

К счастью мальчиков, другие ящерицы, поглощенные ловлей рыбы, не обратили на них ни малейшего внимания. Затем, насытившись, они одна за другой уплыли туда

же, откуда явились. Тогда проголодавшиеся товарищи, в свою очередь, занялись рыбной ловлей.

Около плота вода была прозрачна, как кристалл, и при помощи легких дротиков мальчики быстро наловили изрядное количество рыбы, которой и наелись досытая.

Солнце стояло еще высоко, когда мальчики вновь отчалили от берега, так как заметили, что, пока они чинили плот да обедали, обратное течение от начавшегося прилива тащило их вверх по реке. Они воспользовались этим обратным течением и поплыли обратно. Когда прилив кончился, они причалили к берегу и, прикрепив к плоту мочальный канат, пошли по берегу, ведя за собой свое судно. Поздно вечером они наконец прибыли к тому месту, откуда выехали. За все время их обратного путешествия они не встретили ни одного опасного животного, ни одного серьезного препятствия. Прежде, чем отправиться домой, мальчики решили сначала наведаться в свое тайное убежище-пещеру и сложить там свое оружие. Когда они приближались уже к склону холма, на котором находилась пещера, они заметили, несмотря на наступившую уже темноту, что какая-то темная фигура выскочила из их пещеры и побежала по направлению к лесу.

Взволнованный Иг крепко сжал руку товарища.

— Что это такое? — вскричал он. — Человек или зверь?

— Мне кажется, человек, — отвечал Тиг, напрягая свое зрение. — Кажется, человек, но я все-таки не уверен. Это, несомненно, тот вор, который утащил из нашей пещеры наши вещи. Мы должны, брат мой, поймать его прежде, чем он успеет убежать далеко.

С этими словами он бросился вперед, Иг последовал за ним и они помчались за таинственной фигурой. Несколько они могли различить, это был человек, очень волосатый, с длинными ногами и руками. Он бежал как-то странно, то выпрямляясь, то сгибаясь, то становясь на четвереньки. Иг и Тиг постепенно нагоняли незнакомца, но в ту минуту, когда они были уверены, что скоро нагонят его, беглец достиг опушки леса и мгновенно исчез в лесной чаще.

Неустршимые преследователи бросились в лес. Треск хвоста указал им направление, по которому бежал преследуемый ими незнакомец, и они храбро пробирались за ним сквозь чащу. Наконец, при последнем отблеске вечерней зари Иг увидел большую волосатую фигуру, ловко прыгавшую с дерева на дерево и, с громким криком бросившись со своим товарищем, также полез на ближайшее дерево. Страшное существо, человек или зверь, остановился при громком крике Ига. Эта небольшая остановка позволила обоим мальчикам, лазившим по деревьям как кошки, приблизиться к загадочному существу на несколько шагов. Но прежде, чем они успели выхватить свои кремневые топоры, волосатое существо быстро отломило толстый сук и бросило им в Ига, который был ближе, и свалило его на землю.

Затем, издав какое-то страшное рычание, он опять запрыгал с дерева на дерево и продолжал свое бегство. Несколько минут спустя он исчез совершенно из виду.

К счастью, Иг не получил никакого серьезного повреждения и скоро пришел в себя. Оба мальчика отправились в становище и здесь вскоре уселись вокруг весело пылавшего костра. Их приключения, наскоро ими рассказанные, заинтересовали всех и породили много разговоров. Но больше всего их заинтересовала история с волосатым существом, которое, очевидно, и было вором, укравшим их копья и стрелы.

— Прежде, чем пройдет несколько ночей, — сказал решительно Иг своему товарищу, — мы найдем его.

Тиг кивнул головой в знак согласия.

— Завтра, — прибавил Иг, — мы снова обыщем нашу пещеру, может быть, мы откроем какие-нибудь следы.

И, решив выяснить это дело во что бы то ни стало, товарищи улеглись спать.

V

Как они убили лесного человека

Все время Тига и Ига проходило в охоте: они с своими соплеменниками охотились на мастодонта, на зубра и на носорога; однажды встретили громадную птицу, которая по своей величине превосходила африканского страуса в несколько раз, и имела клюв, снабженный зубами. В то отдаленное время, когда жили Иг и Тиг, жизнь была одной сплошной цепью приключений, так как человек был принужден вести непрерывную борьбу с всевозможными дикими животными, которыми кишили леса, поля, реки и озера.

Однако мысль о таинственном существе, которое украли из пещеры стрелы, не оставляла Тига и Ига.

Прошло около недели после их первой встречи с мохнатым человеком, а они не могли найти и следа своего врача: он или покинул ту местность, где жило племя Ига, или же прятался в лесу. Напрасно они проводили около своей пещеры целые ночи, — рыжее человекоподобное существо не показывалось.

— Мы его так напугали, — сказал однажды Иг, — что он стал слишком осторожен и следит сам за нами.

— Все равно, — отвечал Тиг, — мы все-таки его изловим. Нам надо быть всегда настороже, чтобы он сам не подстерег нас. Не выпускай никогда копья из рук, дорогой брат.

Иг кивнул головой, но в глубине души он был уверен, что враг их давно ушел за тридевять земель и никогда больше не рискнет беспокоить их. Дни проходили за днями, никакого воровства не замечалось, и все внимание Ига было поглощено грандиозной охотой, к которой готовилось все его племя. Громадные стада лосей спускались с севера на юг и все охотники деятельно готовились их встретить.

Что касается Тига, то он не так легко мирился с пропажей оружия. Он потратил много труда на украшение украшенного оружия, на вырезывание рисунков на древках дро-

тиков и на луках, а главное, что его более всего огорчало, так это пропажа двух чудных рукояток для ножей, изготовленных им из клыков гигантского тигра и богато изукрашенных тонкой резьбой и всевозможными рисунками. Поэтому он без устали продолжал разыскивать следы вора, который, по его мнению, непременно должен был вернуться через некоторое время.

Однажды Иг отправился с несколькими молодыми охотниками своего племени на рыбную ловлю, оставив Тига одного; последний сидел у входа в пещеру, углубившись в свое любимое занятие — вырезывание рисунков на оружии. День был солнечный и жаркий. Тиг скоблил, скреб и строгал своими кремневыми инструментами древки копий, рукояти топоров и луки и чувствовал себя наверху блаженства. Никто не мешал ему и царившую вокруг него тишину только изредка нарушало чириканье небольшой птички.

Вдруг резкий крик птицы, раздавшийся невдалеке, заставил Тига поднять голову.

В ту же минуту, когда птица, с громким криком слетев с дерева, пролетела над его головой, его зоркий глаз заметил неясную фигуру, быстро спрыгнувшую с нижнего суха сосны, стоявшей у самой опушки леса. В одно мгновение Тиг весь превратился в слух и зрение. Кустарник, росший у опушки, был слишком густ и не позволял ясно различить фигуру двигавшегося в нем неизвестного, но Тиг сразу почуял своего врага: он отполз налево в кусты и здесь притаялся. Здесь он расположился так, что вход в пещеру ему был хорошо виден. При нем было два самых крепких копья и большой кремневый топор и он чувствовал себя готовым к самой жестокой борьбе.

Вскоре полусогнутая фигура человекоподобного существа выбежала на опушку леса и опять убежала обратно. Этот маневр странное существо повторило еще два раза, каждый раз все больше и больше отбегая от леса. Наконец, убедившись, что ему не грозит опасность, животное направилось прямо к пещере и Тиг вскоре мог убедиться, что это было то самое животное, которое он с Игом безуспешно преследовал несколько недель тому назад. При ярком свете солнца

Тиг мог хорошо рассмотреть это никогда не виданное им существо. Это было довольно крупное животное, покрытое ярко-рыжей густой шерстью, по-видимому, очень сильное и с необыкновенно длинными конечностями. Маленькие черные глаза горели злым огоньком, а зубы его полуоткрытого рта придавали его лицу свирепое выражение. Громадная обезьяна (это и была человекоподобная обезьяна) казалась Тигу еще более страшной, чем в тот памятный вечер, когда он с Игом преследовали ее.

Подойдя к камню, прикрывавшему вход в пещеру, обезьяна остановилась и подозрительно осмотрелась кругом. Потом, убедившись, что все вокруг тихо, она быстро прокрользнула в пещеру через отверстие, нарочно оставленное Тигом. Как только она исчезла, Тиг моментально вскочил на ноги и, подбежав к скале, бесшумно взобрался на нее, а затем осторожно пробрался на выступ, выдавшийся как раз над самым входом в пещеру. Здесь, в нескольких футах над землей, он занял относительно своего врага очень выгодное положение.

Шум шагов и стук оружия, которые доносились теперь до его слуха, ясно указывали ему движения обезьяны, которая приближалась к выходу. Тиг, с копьем в руке, собрав все свои силы, стоял недвижимо, как статуя, готовый поразить врага. Шум приближался все больше и больше и вскоре рыжая голова животного показалась из пещеры. После небольшой остановки, во время которой животное внимательно осматривало окрестность, появилось и громадное, мохнатое его тело; гигантская обезьяна держала в руках целый ворох нового оружия и остатки завтрака хозяев пещеры.

Едва только обезьяна выбралась из пещеры, как Тиг со всей силы метнул в нее свое копье. Раздался пронзительный крик животного; копье, брошенное твердой рукой, глубоко вонзилось под спину обезьяне под правой лопаткой. Рана была тяжелая и обезьяна почти мгновенно упала набок, выронив свою добычу. Тиг, не теряя времени, спрыгнул на землю и, подняв над головой топор, стал приближаться к обезьяне с целью нанести ей смертельный удар. Ему страшно хотелось покончить со своим врагом до воз-

вращения Ига, но это желание чуть-чуть не стоило ему жизни. Раненая обезьяна, увидев его, собрав последние силы, быстро вскочила на ноги и выпрямилась во весь свой гигантский рост. Несколько секунд она стояла так перед ним, истекая кровью; потом, вдруг издав яростное рычание, она бросилась сама на Тига.

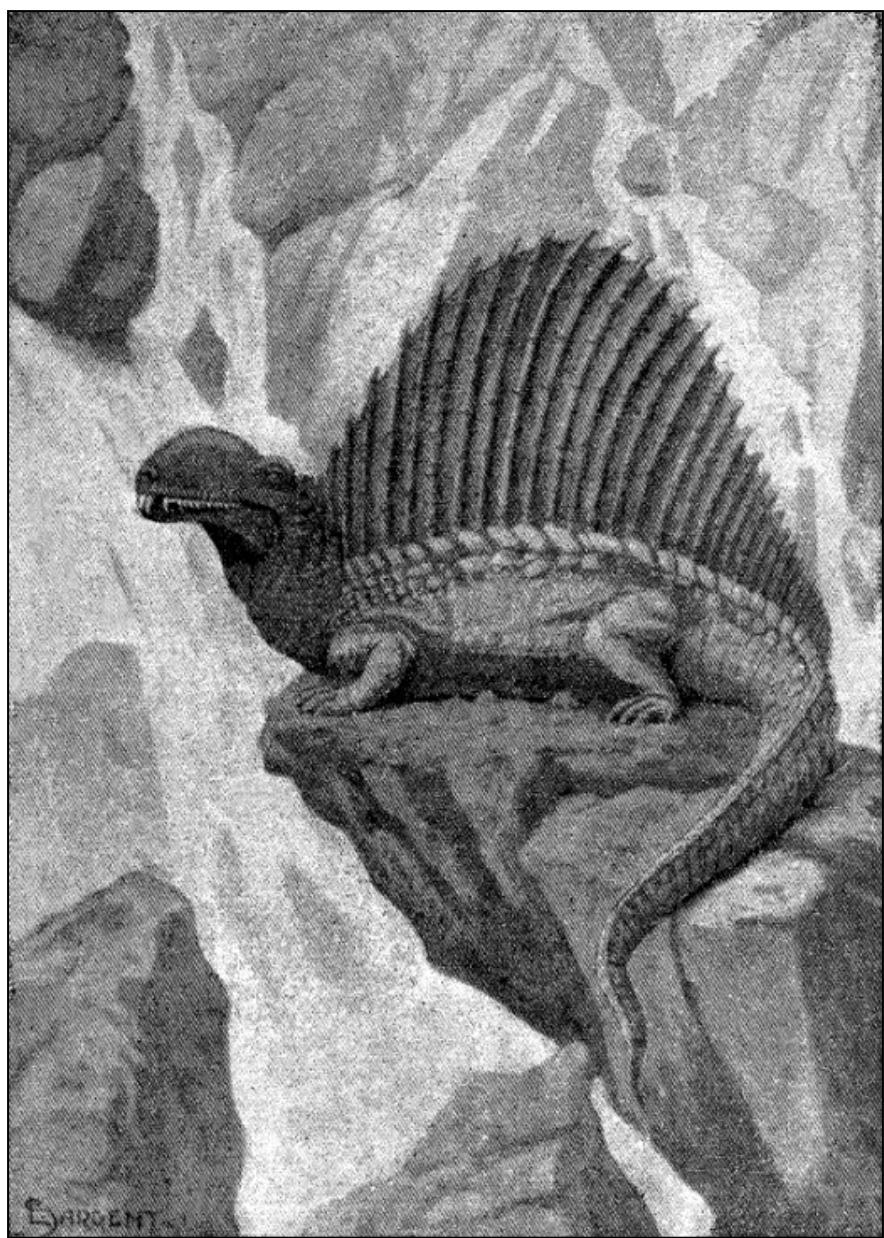
Тиг изо всей силы ударил ее топором и почувствовал, как топор вонзился во что-то мягкое; в следующее мгновение он уже был в объятиях разъяренного животного и почувствовал его горячее дыхание. Он выпустил топор и схватил обеими руками челюсти обезьяны. Этим он на минуту обезоружил животное, но на стороне последнего было то, что Тиг упал на спину; он считал уже себя погибшим.

Между тем, Иг и его спутники наслаждались рыбной ловлей, которая была удивительно удачна. Они наловили груды крупной рыбы и готовились отправиться домой. Оставив трех младших товарищев и поручив им доставить добычу в становище, Иг и остальные охотники пошли по берегу реки вниз по течению.

Около полукилометра ниже река падала со скалы, образуя небольшой водопад; ниже его из воды торчало много камней, по которым можно было перебраться через реку. Охотники спустились к реке и, осторожно прыгая с камня на камень, видимо, боялись упасть в воду, хотя глубина реки здесь была очень незначительна. Но охотники твердо верили, что здесь, среди этих бесчисленных камней, живут тысячи страшных существ, готовых проглотить неосторожного.

Внезапное восклицание, вырвавшееся из уст одного из охотников, заставило Ига поднять голову; когда он взглянул куда, указывал его товарищ, он увидел на островом выступе скалы, у самого водопада, удивительное существо. Это была ящерица громадных размеров, на спине которой красовался высокий гребень. Ящерица спокойно лежала на скале и с удовольствием грелась на солнце.

1. Sargent.

Охотничий азарт вдруг охватил молодых охотников и все они, как один человек, метнули дротиками в мирно лежавшее животное. Но дротики не могли пробить толстой чешуи животного и отскочили от него, за исключением одного, пронзившего тонкую перепонку спинного гребня. Животное вскочило на ноги и было готово броситься на смелых охотников. Иг, заметив это, быстро вложил в лук стрелу и собирался уже поразить животное в единственное уязвимое место на его теле — в непокрытый чешуей затылок, как вдруг громкий крик заставил его обернуться в другую сторону. Он секунду прислушался, а крик громче прежнего раздался и во второй раз.

На этот раз Иг мог совершенно ясно уловить направление, откуда послышался крик, и сразу понял, что он исходил из того места, где находилась их пещера, у которой он оставил своего кровного брата за мирным занятием. Что это значило? Он прислушался еще раз и вновь раздался крик, пронзительный и резкий и в то же время как будто призывавший на помощь. Иг понял, что кто-то зовет на помощь, что терять времени нельзя; он бросился на берег и, сделав другим охотникам знак следовать за ним, помчался во весь дух по направлению к пещере.

К счастью, пещера была недалеко и вскоре они увидели холм, на склоне которого она находилась. В нескольких шагах от камня, которым обыкновенно был закрыт вход в пещеру, на земле брахтались две фигуры, и в одной из них зоркий глаз Ига мгновенно узнал Тига. Как ветер помчался Иг, крикнув на ходу товарищу, что он близко, и через несколько мгновений он подбежал вплотную к борцам. Увидев, с кем Тиг борется, он осталенел от удивления.

В эту минуту товарищи Ига, подбежавшие к нему, своими острыми кремневыми топорами в несколько секунд покончили с громадной обезьянкой. Тиг был сильно помят и каждая кость ныла у него, но необыкновенная сила его рук спасла его от страшных зубов обезьяны. В отчаянной борьбе с нею он сломал ей челюсти.

Так объяснилась таинственная история исчезновения оружия из пещеры и Иг и Тиг почувствовали большое об-

легчение при взгляде на мертвого врага. Немедленно оба товарища, совместно с другими охотниками, отправились по следам обезьяны в лес и вскоре отыскали ее логовище, где в полной сохранности лежало украденное оружие. Рукопашная схватка Тига с обезьянкой произвела громадное впечатление на всех охотников и с этого времени на Тига смотрели с еще большим уважением. Шкура громадного животного, доставленная в становище, долго возбуждала всеобщее удивление, так как до тех пор никто не видел такого животного. Правда, старики говорили, что слыхали от охотников других племен, будто где-то далеко на севере живут громадные, рыжие, человекоподобные существа, но встречать таких им не приходилось ни разу.

Всех очень интересовал вопрос о том, нет ли в окрестных лесах еще таких обезьян, но вскоре все занялись другим: приближалось время охоты за гигантскими лосями, обещавшей охотникам редкую добычу.

VI

Как они охотились за гигантскими лосями и чем окончилась эта охота

По мере того, как приближался день, в который должна была начаться большая охота, жизнь становища делалась все суетливее. Приготавливались копья, точились ножи и топоры, стрелы снабжались новыми наконечниками, старые тетивы заменялись новыми, заготовлялось много нового оружия; искусные мастера по выделке кремневого оружия, *<наподобие>* Тига, были завалены работой. Почти все население становища, за исключением стариков, которые должны были остаться с детьми и женщинами, собирались принять участие в огромной охоте.

Иг и Тиг потеряли сон и аппетит в ожидании охоты, во время которой охотники предполагали посетить и местность по ту сторону холмов, местность, о которой товарищи мечтали давно. Тиг, между тем, успел совершенно оправиться от последствий своего поединка с гигантской обезьяной. Только на его лице и руках можно было видеть глубокие шрамы — следы когтей и зубов страшного животного. Оба товарища привели весь свой запас оружия в образцовый порядок и, кроме того, заготовили много новых стрел, так как знали, что на охоте за быстроногими лосями самым лучшим оружием будет хорошая стрела.

Наконец, настал день выступления из становища. Вся компания охотников, состоявшая из пятидесяти или шестидесяти человек, двинулась к северной равнине, на которой, как знали охотники, бродили огромные стада лосей, привлеченных сюда молодой травой. Весь их отряд покинул становище в самом веселом и бодром настроении, с пением охотничих песен, с надеждами на богатую добычу. Иг и Тиг, с Отом-предводителем, шли во главе отряда; вместе с ними были и Унг, отец Ига, и Анно, старый охотник, который рассказывал про борьбу охотника чужого племени с

гигантским тигром. Иг и Тиг с тех пор, как им удалось убить тигра, пользовались у старика Ота большим уважением.

Равнина, к которой стремились охотники, находилась приблизительно в трех днях пути от становища и охотники двигались к ней не спеша, попутно охотясь за разной дичью, попадавшейся на дороге. В пище недостатка не было и ежедневно вечером, останавливаясь на ночлег, когда загорались вечерние костры, охотники пировали и веселились в волю. В последний вечер От разделил охотников на три отряда и каждому дал точные указания; Иг и Тиг, признанные и опытные охотники, остались с ним и это наполнило их сердца гордостью.

На другой день, рано утром, они достигли края равнины. Далеко на горизонте чуть виднелось стадо лосей, а некоторые зоркие охотники скоро открыли еще стада, укрывшиеся в густом кустарнике на склоне невысокого холма, одиноко стоявшего посреди равнины. Все три отряда сразу двинулись в разных направлениях и охота началась.

Вскоре одно стадо, испуганное, понеслось по направлению к отряду Ота, скрывшемуся за скалами на краю равнины. Когда стадо приблизилось на расстояние полета стрелы, по знаку, поданному Отом, туча стрел полетела навстречу животным. Несколько крупных животных пали, как подкошенные, и молодые охотники с криком радости бросились к ним и ударами своих топоров быстро прикончили красивых лосей, бившихся в предсмертных судорогах на земле. Туши убитых животных были затем сложены грудой у одной из скал, и охотники двинулись дальше. Так охота продолжалась вплоть до наступления сумерек и к вечеру горы благородной дичи были сложены в разных местах равнины. Охота была необыкновенно удачная и редкое животное, попавшееся на глаза искусных охотников, уходило от их метких стрел.

Однако один громадный лось с великолепными ветвистыми рогами никак не давался охотникам. Они преследовали его на протяжении нескольких миль, несколько раз окружали его, но каждый раз быстрый, как ветер, красавец-лось ускользал от них. К охотникам, увлекшимся прес-

ледованием этого лося, присоединились и Иг и Тиг, которым не менее других хотелось убить редкого зверя.

— Наши новые луки сильнее лука самого Ота, — сказал Тиг своему товарищу. — Если нам удастся подкрасться к лосю, то мы скорее свалим его, чем кто бы то ни было. Вся задача в том, как подкрасться к нему.

— Я думаю, — отвечал Иг, — что нас слишком много. Что, если мы отделимся от прочих и только вдвоем попытаемся догнать его? Я думаю, что так мы скорее убьем его.

Тиг согласился немедленно с Игом и, с согласия старого Ота, оба товарища отделились от отряда.

— Вот он, смотри, — вскоре показал Иг на отдаленный утес, на вершине которого красовался громадный лось, великолепное тело которого ясно вырисовывалось на посеревшем вечернем небе. Они быстро спустились в боковую долину, по которой они рассчитывали обойти зверя.

— Кто эти люди? — обратился Тиг к Игу, указывая ему на три фигуры, поднимавшиеся на утес, на вершине которого был лось.

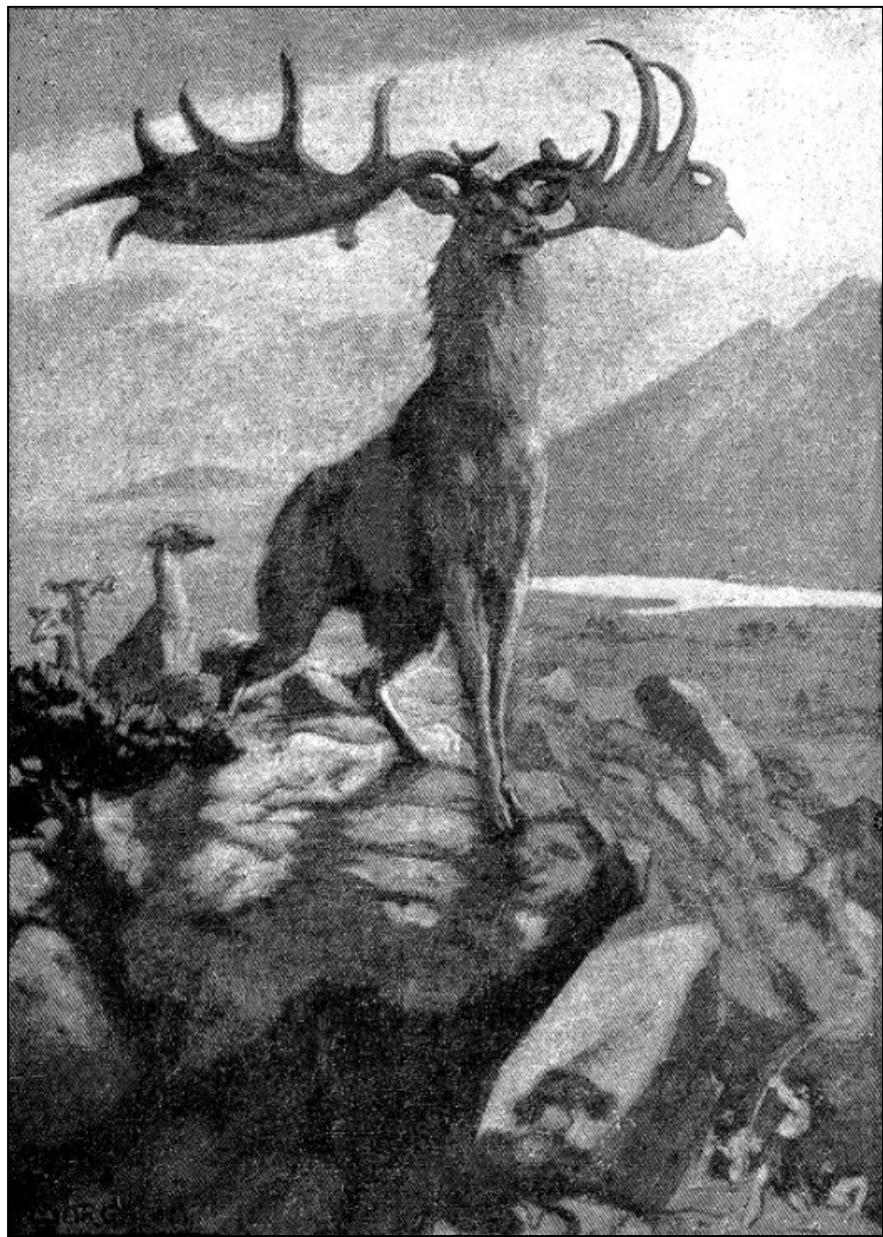
— Это не наши, — отвечал Иг, внимательно всматриваясь в незнакомцев, — но стреляй скорее, пока они еще не успели подняться на утес! Скорее!

С этими словами он спустил тетиву своего лука; его примеру последовал Тиг и две стрелы глубоко вонзились зверю в шею. Еще пара стрел, последовавшие за первыми, поразили животное в бок и оно, как сноп, упало в предсмертных судорогах. Люди, находившиеся на утесе, издали громкий крик удивления и на минуту точно окаменели.

— Они не имеют права здесь охотиться с тех пор, как мы пришли сюда, — сказал Иг. — Пусти стрелу над их головами, чтобы прогнать их сразу.

Тиг немедленно исполнил совет друга и незнакомцы быстро спрятались за ближайшим валуном. К величайшей радости Тига и Ига, они увидели несколько человек своего племени, быстро приближавшихся к ним.

Присоединившимся к ним охотникам товарищи в нескольких словах объяснили, в чем дело, и все тронулись по направлению к валуну, за которым исчезли незнакомцы.

Но не успели они пройти и несколько сажен, как следившие за их движениями три человека выскочили из своего убежища и бросились бежать, ловко скрываясь среди скал и кустов, так что ни одна из пущенных им вслед стрел не попала в цель. Когда они показались опять уже на почтительном расстоянии, то иные охотники и их товарищи с изумлением увидели, что к бежавшим от них незнакомцам присоединилась партия охотников человек в сорок. Далее было видно, что все о чем-то говорили и размахивали руками, очевидно, советовались, а затем двинулись против Ига и его союзников.

Было ясно, что они приближались с немирными намерениями, а потому к Оту был немедленно послан гонец с просьбой о помощи, а остальные, под предводительством Ига, приготовились к бою. Надвигавшийся отряд врагов, не теряя времени, послал в наших охотников тучу стрел и два охотника из отряда Ига пали на землю, смертельно раненные. Несколько минут спустя загорелся отчаянный бой.

Дело Ига и его товарищей было почти проиграно, когда От с двумя отрядами явился к ним на выручку. Под могучим натиском вновь прибывших враги побежали, оставив на месте более половины товарищей убитыми и тяжело ранеными.

— Больше они нас не осмелятся беспокоить, — сказал От, бросая свирепый взгляд вслед убегавшим за холмы врагам. — Они, очевидно, следили за нами в надежде поживиться нашей добычей, но мы дали им хороший урок.

Отдохнув, охотники отправились обратно, в временный лагерь, захватив с собой охотничью добычу и военные трофеи. В лагере несколько человек были заняты сниманием шкур с убитых животных. С наступлением темноты запылали костры, и охотники, плотно поужинав, спокойно улеглись спать. Они не боялись нападения врагов, так как в то время люди очень боялись страшныхочных духов, которыми, по их мнению, ночью кишили поля и леса.

Охота продолжалась еще два дня, а затем охотники отправились, нагруженные богатой добычей, домой. Никогда еще им не приходилось возвращаться в свое становище с

таким количеством шкур, рогов и мяса и они шли, распевая веселые песни. Они были уже недалеко от своего становища, когда легкий запах дыма поразил их обоняние. Они и несколько других опытных охотников тотчас же припали к земле ухом и стали вслушиваться: отдаленный, неясный шум достигал их слуха.

— Впереди страшный пожар, — решили они, — большой пожар, потому что иначе мы не смогли бы услыхать так далеко треска горящих деревьев.

Тиг быстро вбежал на ближайший холм и, напрягая зрение, стал вглядываться в далекий горизонт. Ему показалось, что он различил неясную струйку дыма. Он позвал товарищей, которые не замедлили присоединиться к нему. По мере того, как они всматривались вдаль, дым на горизонте сгущался все больше и, наконец, отдаленную кучу деревьев вдруг осветил багровый отблеск далекого пожара.

— Лесной пожар, — с тревогой в голосе воскликнул От. — Огонь быстро движется нам навстречу по равнине. Нам надо бежать!

Посмотрев еще несколько мгновений на зарево пожара, который разгорался все сильнее, весь отряд охотников, как один человек, сбросил с себя всю ношу, добычу и оружие и бросился бежать в обратном направлении.

Некоторое время охотники бежали молча, как вдруг Тиг закричал бежавшему рядом с ним Игу:

— Огонь догонит нас прежде, чем мы выберемся из равнины. Лучше будет, если мы свернем налево, к реке!

Иг понял сразу мысль Тига и пытался было пояснить и остальным все выгоды такого пути, но его поняли очень немногие, которые и последовали за юными охотниками в западном направлении. Остальные же охотники, объятые паническим ужасом, бежали в прежнем направлении. Огонь быстро настигал их, пожирая по дороге сухую траву, кусты и деревья, то несколько замедляя свое грозное наступление, то вдруг ускоряя его. Перед страшной стихией бежало все живое: люди сбились с животными в одно стадо и бежали.

Тиг и Иг и их немногочисленные спутники мчались сломя голову в надежде достичнуть реки ранее огня. Это была настоящая борьба со смертью, которая мчалась за ними по пятам.

Двое из спутников Ига упали, потеряв силы, но никто не решился остановиться и помочь им. Каждый думал теперь только о себе. Запах дыма становился все сильнее и над головами беглецов залетали уже искры, гонимые ветром. Наконец, в глазах обезумевших охотников блеснула серебряная лента реки и они, удвоив усилия и стиснув зубы, вихрем помчались к ней.

Все ближе и ближе подходил к ним неумолимый враг, все слышнее раздавался треск пожираемых им кустов и шум горевшей травы и эти звуки, смешанные с криками, рычаньем и стонами животных производили ужасное впечатление. Теперь с Тигом и Игом бежали всего только пять человек, так как остальные, не выдержав бешеного бега, падали по дороге и стали добычей огня. Наконец, в ту минуту, когда пламя почти уже настигало их и кожа на спине стала трескаться от жара, они добежали до берега желанной реки и бросились в воду. Несколько взмахами рук они достигли противоположного берега и здесь почти без чувств попадали на прибрежный песок.

Когда они очнулись и взглянули на противоположный берег, они увидели, что он уже весь обгорел и что пламя бежало по берегу, но в северном направлении.

С ужасом подумали они о судьбе Ота и его спутников. Никто не сомневался, что несчастные стали добычей огня.

Несколько дней спустя, когда кончился страшный пожар и почерневшая равнина остыла, Иг и Тиг вместе с другими уцелевшими охотниками опять переправились в обратный путь, молча, с грустью помышляя о своих погибших товарищах. Каково же было их удивление, когда они, часа два спустя, увидели в отдалении группу из шести человек, двигавшихся, по-видимому, в том же направлении, в котором шли они.

— Это От и Унг, — но я не могу узнать других! — вскрикнул И вне себя от радости и с громким криком бросился к друзьям.

Начались расспросы. Оказалось, что Оту и немногим из его спутников удалось спастись от гибели в одной из пещер вроде той, которой владели Тиг и Иг. В свою очередь Иг и его спутники рассказали Оту историю своего спасения. Что же касается причины пожара, то одни думали, что он возник случайно, другие полагали, что это дело рук прогнаных охотников чужого племени. Но как бы то ни было, кроме собравшихся теперь вместе охотников, по-видимому никому не удалось спастись.

Когда они, наконец, достигли места бывшего становища своего племени, то глазам их представилось ужасное зрелище. Все, оставшееся в становище, вместе с хозяевами, погибло в огне. Только почерневшие черепки посуды да каменные топоры указывали, что здесь было человеческое жилье.

С ужасом смотрели Иг и Тиг на страшную картину и долго не могли отвести от нее глаз.

Затем охотники все сообща стали держать совет, что делать. Общий голос был: немедленно двинуться дальше на юг, где, как всем было хорошо известно, существовали леса и находились становища дружественных племен, у которых они могли рассчитывать найти себе приют.

Осмотрев еще раз внимательно пожарище и убедившись, что никто не мог спастись, охотники, захватив на память кто наконечник стрелы, кто топор, кто просто камень, молча тронулись в путь искать новую родину.

Люси Фич-Перкинс

СМЕЛЬЧАКИ

Дети каменного века

Илл. автора

СМЕЛЬЧАКИ

“ПОСРЕДНИК”
МОСКВА
1928

ДОИСТОРИЧЕСКИЙ ЧЕЛОВЕК

Это было много, много тысяч лет тому назад, раньше, чем кто-нибудь из нас родился, раньше, чем родились наши пра-пра-прадеды. Это было так давно, что тогда еще не было ни городов, ни деревень, не было даже ни одного дома, ни одной избушки на всей земле.

Тогда вся земля была покрыта лесами, степями и морями. В лесах и степях жили всевозможные дикие животные. Множество птиц летали среди деревьев и прятались в траве. В морях и реках плавали всевозможные рыбы.

Жил среди этих лесов и степей, на берегах рек и морей человек. Но он совсем не был похож на теперешних людей. Он не знал ничего о том, что было вдали от него в мире, но зато он хорошо знал о том, что было вокруг него. Он знал, что вокруг него были звери, которые могли убить и съесть его, если он не победит их в борьбе или не спрячется от них.

Человек понимал очень хорошо, что он бегает не так быстро, как олень, что он не так велик, как огромное животное мамонт, не так силен, как пещерный медведь, и не так свиреп, как тигр. Казалось, что человеку было очень

трудно оставаться живым в мире, где вокруг него жили сильные и свирепые звери.

Но доисторический человек был очень храбр и, главное, он умел делать то, что другие животные не умели делать: он умел думать и соображать, и это спасало его.

Он изучал все реки и ручьи, все холмы и скалы в тех местах, где он жил. Он прекрасно знал, где он может укрыться от ветра, дождя и холода, где может спрятаться от дикого зверя или притаиться, чтобы неожиданно выскочить на свою добычу.

Он знал все деревья, кусты и травы, знал, с каких растений можно есть почки, плоды, листья или корни. Он знал всех животных и птиц, знал, где можно их найти, когда они спят и когда они выходят на добычу или вылетают добывать себе пищу. Человек умел различать птиц и животных по их пению и крику, умел их находить по оставленным ими следам на земле, на коре деревьев, по их объедкам, по клочкам шерсти и перьям, оставленным на кустах и ветвях деревьев.

Он знал, как найти еду себе и своим детям и как избавиться от беды, которая каждый день могла с ним случиться.

Доисторический человек был очень сильный и ловкий, он мог долго ходить, бегать и лазить по деревьям, выносить холод и голод.

Доисторические люди думали и думали о том, что и как им делать. И они мало-помалу научились прекрасно прятаться на деревьях и среди скал, где дикие животные не могли найти их. А потом они открыли тайну огня. Они научились добывать огонь и поддерживать его. И это было великое дело.

Животные не могли делать этого, и они ужасно боялись огня. Когда человек разводил огонь, они не смели подходить к нему.

Потом доисторические люди научились делать из камней топоры, копья и ножи и сделали себе посуду из глины. Их топоры, ножи и посуда, конечно, не были ни капли похожи на наши, но они хорошо служили доисторическим

людям.

Жили доисторические люди большими семьями, — вместе с дедушкой и бабушкой все их сыновья и дочери с их женами и мужьями, с детьми и даже внуками.

Такие большие семьи называют кланами.

Самый умелый, сильный, храбрый и ловкий из мужчин выбирался вождем клана.

Сначала, давно-давно, в самое далекое от нас время, женщины охотились вместе с мужчинами, ставили ловушки на диких зверей и ловили рыбу. Но мало-помалу они стали оставаться в пещере, где жили, чтобы поддерживать огонь и смотреть за детьми. Они готовили пищу, которую приносили им мужчины, делали иглы из костей и шшивали шкуры для одежды мужу, детям и себе.

Еще прошло много-много лет, и доисторические люди научились приручать диких животных — собак, лошадей, коз и многих других, они научились заботиться о них, оберегать их от диких зверей и кормить их.

Прошло еще много-много лет, и доисторические люди начали сажать семена тех диких растений, которые были годны для еды и которые им было так трудно прежде собирать себе в пищу. Они научились копать землю перед посадкой семян и ухаживать за своими хлебными полями и огородами.

Все это они научились делать и стали делать еще много-много того, что никогда не делалось животными и не делалось раньше их дедами и прадедами. И это было потому, что люди были умнее других животных.

Отцы и матери учили своих детей разным мудрым вещам, которые они придумали, и эти дети, когда они стали взрослыми, придумали еще лучше и научили своих детей тому, что сами узнали. Так шло целые столетия и тысячелетия.

Доисторические люди — это наши пра-пра-прадеды и пра-пра-прабабушки. Они жили, работали, думали и подмечали, что делается вокруг них. И мало-помалу они научились жить так, как живут люди теперь. Теперь у нас есть дома, деревни и города, разбросанные по всей земле, есть до-

роги, идущие из одного места в другое, есть паровозы и пароходы, телеграфы, телефоны и радио, по которым люди переговариваются через тысячи верст. Есть машины, которыми люди обрабатывают землю и работают на фабриках, и книгопечатные станки, печатающие газеты и книги, где говорится обо всем на свете, так что теперь каждый из нас знает обо всех частях земли больше, чем доисторический человек знал о том, что делается за 50 километров от него.

Люди стали жить совсем иначе, чем жили много тысяч лет тому назад, а животные и тогда жили почти так же, как живут теперь, и это потому, что доисторический мужчина и доисторическая женщина думали и работали. Они думали, трудились и учили своих детей всему тому, что сами придумали и научились делать.

В этой книге вы прочтете рассказ о доисторическом мальчике и доисторической девочке, об их отце и матери, об их бабушке и других доисторических людях. Они жили много тысяч лет тому назад. Вам, наверное, будет очень интересно узнать, как жили тогда дети в лесах и пещерах близко от зверей и среди всяких опасностей.

I

БАБУШКА И БЛИЗНЕЦЫ

В одно ясное утро, ранней весной, много, много тысяч лет тому назад, солнце выглянуло из-за деревьев на опушке громадного леса. Оно послало мягкий, золотистый луч прямо в отверстие большой, темной пещеры. Перед пещерой горел яркий огонь, и около него на камне сидела старая женщина. На ее коленях лежал кусок березовой коры, а на коре лежала кучка желудей. Женщина пекла желуди в золе и ела их. Справа, около нее, так близко, что было легко достать их рукой, была навалена куча наломанных веток и хвороста. Время от времени старуха подкладывала хворост в костер и поправляла угли, чтобы костер горел лучше.

От пещеры вниз по скату холма узенькая тропинка вела к глубокой реке. Река так и сверкала на солнце.

По другую сторону реки виднелись зеленые луга и леса. А из-за леса вдали поднимались высокие холмы. Из-за этих холмов каждое утро всходило солнце. Что было там, за этими далекими, голубыми холмами, ни эта старая женщина, никто другой из клана Черного Медведя совсем ничего не знал.

Все кругом казалось таким тихим и мирным в это раннее утро. Деревья начинали зеленеть, и молодая зеленая трава уже пробивалась через толстый ковер из сухих прошлогодних листьев. Реполов сидел на ветке дерева над пещерой и пел свою веселую утреннюю песню.

Все было тихо-тихо. Только потрескивали сырье сучья в костре да трещали желуди, когда старуха вытаскивала их из огня и раскусывала своими зубами.

Старая женщина нам бы показалась не особенно красивой на вид. Ее лицо было почти коричневатое и все покрыто морщинами, а волосы ее висели взлохмаченными седыми прядями. Да что же удивительного, что волосы ее были растрепаны: ведь она ни разу за всю жизнь не расчесывала их. А она была уже совсем стара. Тогда не было еще ни одной гребенки во всем мире и никому в голову не приходило, что можно причесаться.

Удивительно было то, что она так хорошо раскусывает желуди, потому что во рту у нее оставалось совсем мало зубов. Одета она была только в оленью шкуру. Края шкуры были сколоты большим шипом на левом плече старухи. Вместо пояса шкура была стянута полоской кожи.

Казалось, что старуха не думает ни о чем, кроме своих желудей, но маленькие, зоркие глаза ее все время внимательно поглядывали то туда, то сюда, а ее уши различали каждый новый шорох. Если трещала где-нибудь ветка или шелестела сухая трава под хворостом, — старуха в одно мгновение подбрасывала новую охапку сухих сучьев в костер, и пламя его закрывало и старуху и черный вход в пещеру.

Старуха знала, что ни одно дикое животное, как бы оно сильно и голодно не было, не осмелится подойти близко к

огню. Но как ни была внимательна старуха, она не заметила двух детей, которые тихо-тихо, совсем неслышно, подползали сзади нее по большим камням, которыми на ночь они закрывали отверстие пещеры.

Это были мальчик и девочка. Судя по их росту, им должно было быть около восьми лет. У них, у обоих, были зоркие, сверкающие глаза и рыжие волосы. Они одеты были в шкуры красно-бурых лисиц почти такого же цвета, как их волосы. Вы могли бы с первого взгляда сказать, что они близнецы, так они были похожи друг на друга. Но вряд ли кто-нибудь мог бы сразу сказать — оба они мальчики или обе девочки, или один мальчик, а другая девочка.

Дети спустились вниз по камням так тихо, что даже чуткие уши старой женщины не уловили ни малейшего звука.

Когда они почти доползли до пещеры, они сразу остановились и в одно мгновение открыли рты и завыли, как два молодых волка.

Вой раздался так внезапно и так близко, что старуха забыла и думать об огне. Она вскрикнула и бросилась в пещеру. Она упала и ползком, на четвереньках, так быстро, как только могла, поползла в самый дальний, темный угол пещеры.

Желуди рассыпались с ее колен и покатились вниз по скату холма. Мальчик и девочка вскочили на ноги, заливаясь хохотом. Услыхав их смех, старуха в один момент выскочила из пещеры. В руке у нее была крепкая палка. Она была страшно рассержена. Она показала близнецам палку и начала бранить их так быстро, как бранится рассерженная серая белка на верхушке дерева.

Я, конечно, не могу повторить точно те слова, которые она кричала, потому что ни я, ни вы и никто из нас не понял бы ее слов. Но близнецы прекрасно поняли, что она кричала.

— Вы отвратительные тигрята! Вот я поймаю вас и отучу пугать меня. Я вам задам такую трепку этой палкой, что вы не забудете этого, пока наша река не высохнет.

Близнецы прыгали вокруг огня, заливаясь хохотом. Но прыгали они все же на таком расстоянии от бабушки, чтобы она не могла их достать палкой.

— А ты не поймаешь, не поймаешь нас! — визжали они.

Рыжие пряди их волос разевались по ветру, когда они плясали. Старая женщина беспомощно смотрела на них.

— Убирайтесь прочь, — воскликнула она, наконец, — убирайтесь прочь вы, красноголовые бездельники. Мне даже не нужно подкладывать хвороста в огонь, пока вы здесь. Ваши красные волосы отпугнут самого зубастого тигра. Что же удивляться, что вы не боитесь убегать одни в лес. С такими волосами, как ваши, вы там так же в безопасности, как в пещере.

Тут она заметила желуди, рассыпанные по земле, и ее гнев разгорелся с новой силой.

— Подберите же их сейчас же, вы, маленькие крысы. Это же последние желуди из зимнего запаса. Пройдет ведь целых четыре месяца, прежде чем желуди поспеют снова.

Дети ползали на руках и коленях и собирали рассыпавшиеся желуди. Они были еще малы, но они уже знали, как трудно иногда бывает достать еду. Они знали, что ранней весной можно найти пищу только с опасностью для жизни. А потому остатки зимних запасов надо очень беречь и никак нельзя их разбрасывать.

Последнее время охота взрослых была не особенно удачна. Северные олени ушли дальше на север, а большие стада бизонов еще не вернулись из более теплых областей, куда они уходили на зиму. Было, правда, в лесу много других диких животных, но охотники этого племени не приносили домой никакой добычи уже несколько дней. Вот почему дети и отважились сегодня пойти одни далеко вглубь леса. Обычно они и другие дети их клана проводили все время недалеко от пещеры. Бабушка внимательно следила за ними, пока их отцы и матери ходили на охоту.

— Ну, не ворчи, старая бабушка, берегущая огонь, — воскликнула девочка. — Мы собрали твои желуди. А если ты спрячешь палку, мы дадим тебе что-то, что принесли для тебя.

Лицо старушки смягчилось. Даже улыбка чуть-чуть показалась в уголках ее рта. Но она сказала только:

— Я знаю ваши проделки, негодные. Вы не принесли мне ничего, только напугали меня, и я упала в золу.

Девочка высыпала собранные ее желуди на кусок березовой коры и побежала к самому отверстию пещеры. Она выхватила палку из рук бабушки и бросила ее в огонь, а потом усадила старуху опять на ее камень.

— Ну, иди и принеси, что мы нашли, Огненная Макушка, — сказала она.

«Огненной Макушкой» звали мальчика за его красные волосы. Волосы девочки были такие же красные, и ее звали «Огненной Мухой».

Огненная Макушка спрыгнул с камней, на которые он только что вскарабкался, и тихо подошел к бабушке, неся что-то в каждой руке. Он встал перед бабушкой, держа руки за спиной.

— Ну, отгадай, бабушка, отгадай, — кричала Огненная Муха.

В углах рта бабушки появилась улыбка и расползлась по всему ее лицу.

— Корешки, — сказала она.

— Нет, не верно, — воскликнули дети. — Угадывай снова.

— Сосновая смола.

— Опять неверно, — засмеялись близнецы.

Бабушка подумала немного. Потом она сказала:

— Улитки.

— Нет, нет, нет, — закричали близнецы оба сразу, а потом Огненная Макушка медленно вытянул руки и показал старухе четыре больших яйца.

Если бы вы видели тогда бабушкино лицо! Оно все сорвалось морщинками от улыбки, а когда она улыбалась, она вовсе не казалась такой неприятной.

Она взяла яйца из рук Огненной Макушки и заботливо положила их в горячую золу.

— Мы испечем их, — сказала бабушка. — Я ничего не ела, кроме желудей, уже три дня. Ну, а теперь рассказывайте, где вы были и как вы нашли яйца.

— Мы были голодны, — объяснил Огненная Макушка, — все взрослые пошли на охоту, и мы решили, что мы тоже пойдем. Мы думали, что сами сумеем найти съедобные корешки. Мы спрятались и ждали, пока Реполов, Черная Птица и Длинная Ступня не прошли вниз к реке охотиться за лягушками. Тогда мы побежали в лес.

Реполов, Черная Птица и Длинная Ступня были другие дети клана Черного медведя.

Огненная Муха никак не могла долго оставаться спокойной, — она перебила брата и начала рассказывать дальше:

— Ну, и мы нашли немного корешков. Мы как раз ели их, когда из зарослей орешника услыхали громкое фырканье. Мы не стали дожидаться и выкапывать еще корешки, скажу я тебе. Около нас был каштан, мы схватились за его ветки и вскарабкались на него как раз вовремя. Не один, а целых три кабана выбежали из кустов. У самого боль-

шого кабана были клыки вот такой длины. — Огненная Муха показала на палку в пол-аршина длиной, когда говорила это.

— Это было так хорошо, что мы были уже на дереве, потому что кабаны были тоже голодны. Они так смотрели на нас, как будто думали, что Огненная Макушка и я очень вкусны, — засмеялась она. — Тогда Огненная Макушка подразнил их. Он повис на ветке и пощекотал им носы длинным прутиком. Ну, и взбесились же они!

— Да, — сказал Огненная Макушка, — у них был такой же бешеный вид, как у тебя, когда мы тебя испугали, бабушка.

— Я не удивляюсь, что при одном взгляде на вас кабаны испугались до смерти, — сказала бабушка, — потому что животные ведь так боятся огня. Я-то привыкла к пламени на ваших головах, но, если бы я увидала вас в первый раз в жизни, я думаю, я сама вскарабкалась бы на дерево. Или я подумала бы, что это горит лес, и убежала бы, куда глаза глядят.

Бабушка толкнула Огненную Муху в бок и сама засмеялась своей шутке.

— Может быть, наши красные волосы и помогли, — сказала Огненная Муха, — потому что очень скоро кабаны все трое повернулись и, хрюкая, побежали в лес.

— А тогда, — сказал Огненная Макушка, — мы решили идти назад по деревьям. С ветки каштана мы прыгнули прямо на большой дуб, который рос совсем близко. Там росло много дубов совсем близко один к другому и мы перепрыгивали с одного дерева на другое. Вдруг в верхушке одного большого дуба что-то громко зашуршало, и большая птица вылетела из его ветвей как раз над нашими головами. Мы поглядели наверх и увидели гнездо. Я долез до самого гнезда, вытащил из него эти яйца и передал их Огненной Мухе. Потом мы пошли домой.

— Но не могли же вы идти всю дорогу по деревьям, неся яйца? — воскликнула бабушка. Она была в восторге от своих внучат.

— О, нет, — сказала Огненная Муха. — Яйца были слишком велики, чтобы их нести во рту. Так что Огненная Макушка спрыгнул на землю, а я передала ему яйца. А потом мы побежали домой по земле так быстро, как только могли.

— Вы будете такими же великими охотниками, как ваши отец и мать, — сказала бабушка. — Никто из всего клана не может с ними сравняться. Я помню вашего отца, когда он был мальчиком. Как он умел отыскивать яйца! Поэтому-то ему и дали имя «Соколиный Глаз». Он сумеет отыскать яйца и притаившуюся птицу и зверя там, где никто ничего не может найти. А как он умеет пробираться по деревьям! Ни одно дикое животное не может напугать его. А ваша мать! Она бегает быстрее ветра. Ну, и она тоже не из пугливых. Она всегда может рассчитывать на свои ноги. Я видела, как она убегала от рассерженного оленя. Она бежала так быстро, что она казалась полоской света, скользившей через лес. А когда олень был уже совсем близко, она вспрыгнула на дерево, повисла на его ветке на ногах над самой его головой и стала, раскачиваясь, дразнить оленя, потому что он не мог достать до нее. Ах, она была такая

дикая в те дни и недаром заслужила свое имя «Гибкая Нога».

— Я уверен, что яйца совсем готовы, — сказал Огненная Макушка.

Бабушка вытащила яйца и стерла с них золу. Они были очень горячие, но ее руки были такие грубые и мозолистые, что она могла ими брать даже раскаленные угли. Бабушка протянула одно яйцо Огненной Мухе. Огненная Муха взяла яйцо, но кожа на ее руках еще не успела так за-грубеть, как у бабушки, и яйцо сильно обожгло ее. Она выронила яйцо на землю и завизжала от боли. Яйцо так хорошо испеклось, что было совсем крутое и не вытекло, несмотря на то, что скорлупа разбилась в мелкие куски. Бабушка засмеялась.

— Ага, — сказала она, — вот я тебя и проучила за то, что вы меня так напугали.

— Ну, — похвастался Огненная Макушка, — это ерунда. Смотрите-ка на меня. Я думаю, если ты можешь их брать, значит, смогу и я.

Он нагнулся, поднял яйцо и зажал его в руке. Оно было почти такое же горячее, как раскаленные угли, но он старался сделать вид, что ему ничуть не больно. Он разбил яйцо и съел его в два глотка. Хотя я и уверена, что яйцо выжгло красную полоску на всем своем пути от его рта до желудка, но Огненная Макушка только сморщился и не сказал ни слова. Но когда Огненная Муха перестала глядеть на него, он стал скорее вдыхать воздух в рот, чтобы хоть сколько-нибудь охладить свой язык.

— Пусть бабушка возьмет последнее яйцо, правда, Огненная Макушка, потому что мы так испугали ее? — сказала Огненная Муха, когда каждый из них съел по одному яйцу.

— Вы можете пугать меня каждый день, только приносили бы мне яйца, — сказала бабушка.

Бабушка взяла последнее яйцо из золы и только что хотела разбить его, как какой-то крик заставил их всех вскочить. Тогда ведь были очень тревожные времена, должна я вам сказать, и каждый новый шум мог означать какую-ни-

будь опасность. В лесах было так много диких зверей, что никакой человек не мог чувствовать себя ни одной минуты в безопасности, если только он не забирался глубоко в пещеру. Тогда вход в пещеру делали таким узким, чтобы животное, которое охотится за человеком, не могло бы туда свободно пролезть, или же перед входом держали все время пылающий костер, чтобы он отпугивал диких зверей.

Услыхав крик, бабушка выронила яйцо и вскочила на ноги. Огненная Макушка и Огненная Муха юркнули в пещеру. Бабушка подбросила сухих сучьев в огонь и, когда пламя поднялось вверх, она испуганно огляделась во все стороны. Теперь она различила уже какой-то шум, кроме далеких криков, и детские голоса. Откуда-то издалека, снизу, от реки, донеслось протяжное мычание и топот многих ног. Несколько человек детей бежали стремглав по тропинке, ведущей к пещере, крича во все горло:

— Бизоны идут, бизоны идут!

Бабушка вскрикнула.

— Бизоны идут, бизоны! — закричала она, и Огненная Макушка и Огненная Муха выскочили из пещеры со сверкающими от радости и любопытства глазами.

— Где, где? — кричали они.

— Там, на берегу реки, — указал Длинная Ступня, самый большой из мальчиков. — Мы ловили лягушек и вдруг услыхали рев, — сначала такой слабый, что мы едва расслышали его, а потом далеко внизу реки мы увидали, что они идут. Бежим, бежим на большую скалу, и вы их увидите!

Бабушка подкинула большую охапку сухих сучьев в огонь и побежала с детьми к большой скале, которая была на середине тропинки, ведущей к реке. С этой скалы было видно всю долину, которая расстилалась перед ними. Длинная Ступня показал на юг. Там, среди зеленой болотистой поймы, недалеко от берега реки, видно было сотни и тысячи больших темных, косматых животных! Они бежали по берегу и мычали и ревели так, что было страшно слушать.

— У нас будет, наконец, настоящий ужин вечером, — сказала бабушка детям. — Стадо напугано. Я не вижу их воожаков. Наверное, наши убили их.

Бабушка и дети стояли на скале, пока стадо бизонов не пробежало мимо них и не исчезло на повороте реки за прибрежными скалами. Тогда бабушка сказала:

— Ну, идемте к огню и наберем побольше топлива. Когда взрослые принесут убитого бизона, у нас будет большой праздник.

II

ПРАЗДНИК БИЗОНА

Целые часы работали бабушка и дети, собирая и складывая громадные кучи хвороста.

— Должно быть, и у старого Зубастого (так бабушка называла тигра) будет праздник, — сказала бабушка. — Он также рад, как и каждый из нас, что бизоны вернулись. Может быть, теперь он перестанет хватать непослушных ребят, которые заходят слишком далеко в лес.

Видите ли, свирепого, зубастого тигра они боялись больше всего. Но боялись они и волков, и гиен, и особенно ужасных пещерных медведей. В окрестных лесах были также и дикие лошади, и слоны, и мамонты, и львы. Бабушка рассказывала детям обо всех этих страшных животных и советовала им быть как можно осторожнее, совсем так же, как теперь наши матери и бабушки советуют нам быть осторожнее и не попасть под трамвай или автомобиль. Только трамваи и автомобили не стараются поймать нас и не просовывают свои головы прямо в наши двери, как делали это дикие звери в то время.

Нам теперь кажется, что тогда невозможно было никому чувствовать себя спокойным и счастливым в мире, полном таких опасностей, но, видите ли, бабушка и вся ее семья не знали никакой другой жизни и не могли себе представить, что можно жить иначе. Как раз потому, что опасностей было так много, они храбро встречали их, а храбрый человек и среди опасностей чувствует себя гораздо счаст-

ливее, чем трус в безопасном месте. Вот почему они жили так же хорошо, как живем мы, а может быть, чувствовали себя и счастливее нас.

Когда дети собирали такую огромную кучу хвороста, что ее хватило бы, чтобы настяпать для какого угодно праздника, было уже далеко за полдень. У них совсем нечего было больше есть и они делались все голоднее и голоднее. Охотники же все не возвращались. В лесу начинало темнеть. То тут, то там уже слышались крики ночных птиц или доносился отдаленный вой волка. Огненная Муха начала терять мужество.

— А вдруг они не принесут домой ничего, — сказала она.

— Тогда мы останемся голодными, — сказала бабушка.

Огненная Макушка положил руку на свой живот и застонал.

— Мужчины никогда не должны жаловаться на голод. Это такой пустяк поголодать денек, — сказала бабушка.

Огненная Макушка сразу убрал руку с живота и сделал вид, что он и не думал стонать из-за таких пустяков. Видите ли, пещерные люди учили своих детей переносить голод и боль, ничем не показывая того, что им это трудно.

— Я вам скажу теперь вот что, — сказала бабушка. — Если у нас будет приготовлена вода, мы сразу сможем сварить мясо, когда охотники вернутся. Кто пойдет за водой?

— Я пойду, — сказал Огненная Макушка.

— И я тоже, — сказал Черная Птица.

— И я, — сказал Длинная Ступня.

Все это были мальчики. Реполов и Огненная Муха были единственными девочками в клане.

— Берите же тыквы и кабаньи шкуры и бегите скорее, — сказала бабушка. — Только будьте осторожны, ведь вы знаете, что звери скоро выйдут на свою ночную охоту.

Огненная Макушка побежал за шкурой дикого кабана, которая лежала в пещере. Она служила им вместо ведра для воды. Другие мальчики взяли тыквы. В тыквах была выдолблена вся середина, и они служили им ковшами. Все были готовы идти.

Бабушка взяла три сосновых палки и сунула их концами в огонь. Когда палки хорошо разгорелись, она дала по одной горящей палке каждому мальчику вместо факелов.

— Теперь уже темно, и вам будет все-таки безопаснее с факелами,—сказала она.

Мальчики ушли по тропинке к реке. Издали было слышно, как они кричали и смеялись. Бабушка же и девочки занялись приготовлением котла для варки пищи. Они выкопали яму в земле недалеко от костра. Когда яма стала достаточно глубока, они аккуратно застлали ее тяжелыми кусками кожи. Они придавили края кожи камнями, чтобы она не скользила в яму. Потом они набрали кучу небольших камней и бросали их в огонь. В это время вернулись мальчики со шкурой, наполненной водой. Бабушка вылила воду в выдолбленную в земле яму.

Было уже почти совсем темно, и детям казалось, что они больше не могут терпеть голод ни одной минуты, когда они услышали, наконец, далеко-далеко голоса и смех людей.

Дети вскочили на ноги и испустили дикий, радостный крик. Им ответили криком с тропинки.

— Они идут медленно и смеются. Они несут что-то, — воскликнула бабушка и подбросила дров в огонь. Пламя разгорелось ярче и осветило красным светом ближайшие деревья. Искры полетели кверху до самых их верхушек. При свете костра они увидели Соколиного Глаза, Гибкую Ногу и других мужчин и женщин их клана, поднимающихся по тропинке. Старшие мальчики были с ними. Все они сгибались под тяжестью огромных кусков бизоньего мяса.

Усталые охотники свалили бизоньи шкуры в одно место, чтобы после высокоблить и заготовить их для просушки на следующий день. Мясо они сбросили на землю перед отверстием пещеры, и бабушка с другими женщинами принялись приготовлять его.

Часть его они положили прямо в огонь печься, а часть опустили в только что приготовленный котел. Потом они вытащили из огня раскаленные камни и бросали их в воду. Когда камни остывали, они вытаскивали их палками из воды и кидали их в огонь, чтобы снова нагреть. Камнями

они нагрели воду так, что она скоро закипела.

Запах варящегося и жарящегося мяса был слишком соблазнителен для Огненной Макушки. Он почувствовал такой голод, что не мог больше терпеть. Он схватил кусок мяса с земли и стал его есть прямо сырым. Он так давно не ел досыта, что теперь был готов, кажется, есть сколько угодно. Но когда начался настоящий праздник, Огненная Макушка все же не отставал от других.

Громадный костер сверкал и потрескивал перед входом в пещеру и наполнял пещеру теплым, красным жаром. Весь клан собрался вокруг костра перед пещерой.

Соколиный Глаз был предводителем клана, потому что он был самый сильный человек и лучший охотник. Он был большого роста, с маленькими, острыми глазами. Рыжие волосы покрывали его ноги и грудь почти так же густо, как и его голову. Вокруг его шеи висело ожерелье из медвежьих зубов.

В клане было еще четверо мужчин. Их звали: Орлиный Нос, Серый Волк, Большое Ухо и Длинная Рука. Было еще три других женщины, кроме Гибкой Ноги и бабушки. Они были женами этих мужчин. Было в этом клане еще четыре больших мальчика, которые уже охотились вместе с мужчинами, и еще дети поменьше — Реполов, Черная Птица и Длинная Ступня. Если мы еще сосчитаем Огненную Макушку и Огненную Муху, то вот и все люди, принадлежавшие к клану Черного Медведя.

Когда начался праздник, все сели в кружок, кроме бабушки. Бабушка, стоя у костра, передавала всем остальным куски мяса и поддерживала огонь. Но все же и у нее в руке была кость и, когда у нее на то было время, она гладила ее. У них, конечно, не было ни вилок, ни ножей, ни тарелок. Они брали мясо прямо руками и откусывали и глотали его так быстро, как только могли делать очень голодные люди. Никто не учил их хорошим манерам и приличиям, и ни одна мать не сказала своему сыну или дочери: «Вымыла ли ты руки перед едой?» или «Не глотай такие большие куски, а то ты подавишься». Вероятно, некоторым из наших ребят покажется, что было бы совсем недурно иметь таких матерей и не слышать за едой никаких наставлений.

Довольно долго они ели и не говорили ни слова. Видите ли, уже много дней у них было так мало пищи, что им теперь не хотелось терять времени на разговоры. Но малопомалу все стали наедаться. Тогда Огненная Макушка развалился на шкуре медведя, которая лежала на полу пещеры, и сказал отцу:

— Расскажи нам об охоте. Кто убил бизона и как это вышло, что вы вернулись домой все вместе? Или вы охотились стаей, как волки?

— Ну не совсем, как волки, — ответил, смеясь, Соколиный Глаз. — Пятеро из нас выслеживали бизонов. Женщины пошли ставить силки для кроликов, а мальчики искали яйца на утесах по берегу реки. Я уже предчувствовал, что мы увидим сегодня бизонов. Вот почему я и остальные мужчины отправились прямо в ложбину. Мы знали, что бизоны должны прийти с той стороны. Мы долго шли по бе-

регу реки и все никого не находили. Мы уже начали думать, что нам придется вернуться с пустыми руками. Вдруг вдалеке я услышал мычание. Я стал всматриваться и увидел маленькое черное пятно. Оно двигалось по зеленой долине. Два других черных пятна двигались рядом с ним. Это был бизон-вожак и два часовых, а позади них шло стадо.

— Мы тоже видели стадо, — закричал Огненная Макушка.

— Я увидел его первым, — сказал Длинная Ступня.

— Нет, я увидел его как раз в одно время с тобой, — перебил его Черная Птица.

— Замолчи, — сказала его мать, и Черная Птица послушался. Отцы и матери в те дни так же не любили, чтобы их перебивали, как и теперь, и, если дети не сразу их слушались, они получали что-то другое, похоже слов. В те времена вежливость не была в ходу.

— Мы сползли с утесов так тихо, как змеи, — продолжал Соколиный Глаз, когда все замолчали. — Я был впереди. Когда вожак стада достиг того места, где мы спрятались, я выскочил из-за кустов и изо всех сил бросил в него копье. Он издал ужасный рев. Встал на задние ноги и ревел. Тогда Большое Ухо выскочил вперед и тоже бросил в него свое копье. Вожак упал. Стадо смешалось и побежало. Часовые не могли его удержать. Мы побежали за стадом и убили топорами двух молодых коров. Остальные умчались. Вожак и две коровы остались лежать. Вожак был уже очень старый и жесткий. Мы вытащили из него наши копья и остали его шакалам и гиенам. Мы ободрали шкуры с коров, разрезали их мясо на куски и потащили все к пещере. В начале нашей тропинки мы встретили остальных наших. Они ничего не поймали и очень устали. Когда они увидели нас с добычей, они смеялись от радости.

— Мы слыхали их, — воскликнула Огненная Муха. — Бабушка сказала, что вы, должно быть, несете мясо. Она сказала это, когда мы услышали смех. Она сказала это, когда стадо бежало мимо нас. Она увидела, что бизоны были напуганы. Вот потому-то мы и приготовили котел.

— Бабушка — мудрая старуха, — сказал Соколиный Глаз.

— Ну, а теперь живо спать.

Дети поспешили уйти. Они бросились на кучи шкур, лежавших в пещере, и скоро крепко заснули. Впрочем, спали крепко другие, а Огненная Макушка и Огненная Муха почему-то не могли заснуть. Может быть, они слишком много поели. Во всяком случае, они лежали в своем углу на куче шкур и смотрели на Соколиного Глаза, Гибкую Ногу, бабушку и других, которые сидели вокруг веселого огня костра.

Долго никто не говорил ни слова. Близнецы уже чувствовали, что глаза у них совсем слипаются, когда Соколиный Глаз заговорил. То, что он сказал, заставило близнецов сесть и внимательно прислушиваться. Конечно, ни Соколиный Глаз, ни Гибкая Нога не подозревали в этот момент, что близнецы не спят и подслушивают. Взрослые ведь так часто бывают недогадливы. Во всяком случае, Огненная Макушка и Огненная Муха сидели и слушали, и вот что они услышали.

Соколиный Глаз сказал:

— Я перейду завтра через реку.

— Куда же ты пойдешь? — спросил Большое. Ухо.

— Я хочу узнать, что лежит за теми голубыми холмами, из-за которых поднимается солнце, — отвечал Соколиный Глаз.

— Но никто из нашего клана никогда не переходил через реку. Наш участок для охоты всегда был по эту сторону реки, — сказал Длинная Рука.

— Ну, вот и пора кому-нибудь из нас поискать новых мест для охоты, — сказал Соколиный Глаз. — Теперь едва хватает для нас пищи, а когда пройдут олени, нам придется голодать. Я пойду искать новых мест.

— Тогда и я тоже иду, — сказала Гибкая Нога. — Я умею ставить ловушки так хорошо, как никто. Бабушка посмотрит за детьми, пока нас не будет.

Когда Огненная Макушка услыхал это, он толкнул в бок Огненную Муху.

— И я пойду с ними, — прошептал он.

— Они ни за что никогда не возьмут тебя с собой, — прошептала Огненная Муха.

— А я все-таки пойду, — ответил Огненная Макушка. — Только ты молчи.

— Если ты пойдешь, то и я пойду, — сказала Огненная Муха. — Я могу ходить так же быстро, как и ты.

— Ш-ш-ш, — сказал Огненная Макушка, потому что бабушка заговорила.

— Река широка и опасна, — сказала бабушка. — Течение быстро и кто знает, какие чудовища могут быть в ней? Я сама видела несколько дней тому назад носорога. Он валялся вон там в тине. Говорят, что в реке видели змею такой величины, как ствол дерева.

— Мы пойдем вдоль реки, пока не найдем мелкого места для перехода, — сказал Соколиный Глаз. — Мне не раз приходилось убивать и тигров, и носорогов, и пещерных медведей. Мы сумеем позаботиться о себе.

Когда Гибкая Нога услышала, что он говорит «мы», то она поняла, что и она идет, и она очень обрадовалась. Она была такая же храбрая, как Соколиный Глаз, и почти такая же ловкая и сильная.

Когда все убедились, что Соколиный Глаз твердо решил идти, никто больше ничего не сказал. Они знали, что это будет лишь напрасной тратой слов, а в те времена люди тратили гораздо меньше слов, чем мы теперь.

— Мы должны выйти очень рано, — сказал Соколиный Глаз Гибкой Ноге. — Мы захватим с собой по запасной шкуре и наши топоры и копья.

Гибкая Нога встала и пошла в угол пещеры, где лежали близнецы. Близнецы плотно зажмурили глаза и притворились, что они спят. Гибкая Нога расстелила две медвежьих шкуры на полу пещеры и легла на одну из них. Соколиный Глаз подошел к выходу пещеры, поглядел на звезды, зевнул, поправил костер и тоже лег спать. Остальные тоже разбрелись по своим местам в другие углы пещеры, и скоро весь клан Черного Медведя крепко спал.

III

БЕГЛЕЦЫ

На следующее утро Огненная Макушка проснулся еще до рассвета. Он сел и осмотрелся кругом. Никто еще не шевелился, и из разных углов пещеры раздавался храп. Костер ярко горел, потому что бабушка раза четыре в ночь подкладывала в него сучья. Теперь она тоже крепко спала. Огненная Макушка тихонько выполз из теплых волчьих шкур, на которых он спал, взял одну из них и привязал ее по лоской кожи к плечам. Остальные шкуры он положил так, чтобы казалось, что он еще лежит на них и спит.

Соколиный Глаз сделал каждому из близнецов по маленькому копью. Но это вовсе не были игрушечные копья: ими уже можно было защищаться. Совсем маленькие дети в то время учились владеть копьем.

Огненная Макушка взял свое копье и тихонько толкнул Огненную Муху в бок. Она сразу проснулась и хотела было ответить ему тоже толчком, но Огненная Макушка покачал головой и приложил палец к губам. Она кивнула ему головой, сползла со своей постели и сложила ее так же, как и Огненная Макушка. Потом она тоже привязала себе к плечам волчью шкуру и взяла свое копье. Дети тихонько проползли между спящими и вышли из пещеры. Они захватили с собой по куску мяса из остатков от вчерашнего пира.

Когда близнецы вышли из пещеры и побежали к реке, еще не рассвело, но небо над холмами за рекой уже порозовело и птицы начали петь. Они не разговаривали, пока не отошли от пещеры так далеко, что никто не мог их услышать. Тогда Огненная Макушка прошептал:

— Мы влезем на дерево. Мы с дерева увидим, когда они выйдут и куда они пойдут. Тогда мы спустимся с дерева и пойдем за ними. Они не узнают, что мы идем за ними. А когда мы отойдем слишком далеко от пещеры, чтобы можно было нас отослать назад, мы их окликнем.

— Им это не понравится, — сказала Огненная Муха. —

Как ты думаешь, что они с нами сделают?

— Они поколотят нас, — сказал Огненная Макушка, — но мне это все равно. Ведь это же совсем не беда. Когда они кончат нас бить, мы пойдем с ними. Мы увидим то, чего никогда раньше не видали ни мы, ни большие.

— Ну, что ж, — вздохнула Огненная Муха. — Мне не нравится, что нас прибывают, но я думаю, что стоит потерпеть, чтобы только пойти с ними. Взберемся вот на это дерево.

Дети умели лазить по деревьям, как обезьяны. Но сегодня у них были в руках копья и мясо, и поэтому им было гораздо труднее лезть на дерево. Они прислонили копья к стволу дерева, взяли мясо в зубы и полезли наверх так же легко, как вы поднимаетесь по лестнице. Потом они спрятались в ветвях дерева и принялись завтракать.

Толстые ветви скрывали их от чужих глаз, но сами они могли все хорошо видеть. Они смотрели на пещеру. Скоро они увидели бабушку, которая вышла из пещеры и посмотрела на небо. Она хотела узнать, какая будет погода. По-

том она подбросила сучьев в костер, села на камень и стала гладить кость.

Скоро вышли Соколиный Глаз и Гибкая Нога. Оба они несли свои копья и топоры, и к плечам их были привязаны ремнем оленьи шкуры. К поясу Гибкой Ноги была привязана тыква. Оба они тоже грызли кости. Они остановились поговорить с бабушкой. Близнецы внимательно прислушались. Они услышали, как Соколиный Глаз сказал:

— Дети еще спят. Ты скажи им, когда они проснутся.

Потом Соколиный Глаз и Гибкая Нога пошли по тропинке. Они ели на ходу. Они прошли почти под тем самым деревом, на котором спрятались близнецы. Это показалось близнецам так смешно, что они поскорее зажали себе рты руками, чтобы не расхохотаться громко. Но легкое фырканье все-таки вырвалось из-под пальцев Огненной Мухи. Соколиный Глаз услышал его.

— Что это такое? — сказал он тревожно. Он и Гибкая Нога остановились на минуту и прислушались.

— Это просто белка, — сказала Гибкая Нога. — Вон она сидит на том пне.

Близнецам стало еще смешнее, но они удержались от смеха.

Соколиный Глаз и Гибкая Нога прошли вниз по тропинке до самой опушки леса. Там они повернули и пошли вдоль скалистого берега реки. Вокруг росли деревья, на которые они могли сразу вскарабкаться, если бы это было нужно. Здесь идти было безопаснее, чем по поляне около реки. Там не было деревьев, и негде было бы спрятаться.

Огненная Макушка и Огненная Муха подождали, пока отец и мать скрылись за поворотом. Тогда они спустились с дерева, взяли свои копья и побежали за ними. Они шли от них так далеко, что всегда могли сразу спрятаться между деревьями, если бы Соколиный Глаз или Гибкая Нога оглянулись, но и достаточно близко, чтобы не потерять их из вида.

Долго-долго они то шли, то бежали. Для их маленьких ног было очень трудно поспевать за отцом и матерью, но они понимали хорошо, что они сделали. Им уже нельзя было

ло вернуться назад.

Все вперед и вперед шли Соколиный Глаз и Гибкая Нога. Солнце поднималось все выше. Детям очень хотелось пить, но они не осмеливались добежать до реки, чтобы напиться. Они были голодны, но есть им было нечего. Они обрывали маленькие зеленые листья с кустов, мимо которых они проходили, но этого было слишком мало, чтобы наполнить их пустые желудки.

— Мы можем уже теперь окликнуть их, — сказала на конец Огненная Муха. — Я так голодна, что почти не могу терпеть, а если мы остановимся, чтобы поискать корешков, то мы уже не догоним их.

— Они рассердятся, как бешеные быки, когда увидят нас, — сказал Огненная Макушка.

— Ну, конечно. Нам здорово попадет. Но ведь тебе же это все равно. Ты мне сам это сказал.

— Ну да, — сказал Огненная Макушка, — я не боюсь, но мне совсем не хочется и думать об этом. Разве ты совсем уже не можешь идти дальше?

— Не все ли равно — после или сейчас? — жалобно сказала Огненная Муха. — Все равно же нам не миновать этого. Уж лучше пускай оно поскорее пройдет. Я не сделаю больше ни шага, — и она вдруг села на упавшее дерево.

Огненная Макушка приложил руки ко рту и издал долгий, пронзительный свист. Это был сигнал их клана Медведя о несчастье. Соколиный Глаз и Гибкая Нога сразу остановились. Они посмотрели сперва вверх, а потом вниз по реке. Тогда они увидали две красные головы и испуганные детские лица далеко на прибрежном утесе. Они, встревоженные, побежали назад прямо через кустарники к двум малышам, сидевшим на поваленном дереве.

Они едва верили своим глазам.

— Откуда вы взялись, скверные маленькие куницы?! — сердито воскликнула Гибкая Нога.

— Из пещеры, — сказала Огненная Муха. — Мы пошли за вами, потому что мы тоже хотим видеть, что лежит за голубыми холмами по ту сторону реки. И если вы хотите отколотить нас, то делайте это поскорее, потому что мы

ужасно голодны.

— Ох, нет! — воскликнул Огненная Макушка. — Если можете, так уж лучше не делайте этого теперь. Может быть, можно это отложить до того времени, когда мы вернемся домой?

Но Соколиный Глаз и Гибкая Нога не стали обсуждать этого дела. Они сели прямо на бревно и начали. Гибкая Нога взяла Огненную Муху, а Соколиный Глаз взял Огненную Макушку, и они били их, и били, и били.

— Ну, а теперь можем мы что-нибудь поесть? — просопел Огненная Макушка, когда битье было кончено. Гибкая Нога посмотрела на Соколиного Глаза.

— Мы не можем отослать их одних назад, — сказала она. Огненная Макушка понял, что они начинают уступать.

— Гиены, наверное, съедят нас, — сказал он жалобно.

— Мы слишком малы, чтобы идти одним назад, — проклыкала Огненная Муха. — А кроме того, мы хотим видеть, что лежит за голубыми холмами по ту сторону реки.

Может быть, Соколиный Глаз был немного доволен их храбростью. Как бы то ни было, он сказал:

— Ну ладно, вы ведь умеете карабкаться по деревьям, как белки. Мы не очень долго будем идти. Идемте!

Огненная Макушка подпрыгнул и завизжал от радости. Огненная Муха перекувыркнулась. Соколиный Глаз и Гибкая Нога засмеялись. Они не могли удержаться. Видите ли, даже в те ранние времена родители любили своих детей, несмотря на то, что они не знали для них лучшего средства воспитания, чем битье. Но и теперь есть такие же родители.

— Ну, а теперь мы поедим? — спросила Огненная Муха, когда все уже успокоилось.

— Мы поищем чего-нибудь, чтобы поесть, — сказал Соколиный Глаз Гибкой Ноге. — Бери детей и иди на луг. Я видел, что там растет дикая морковь. А я поохочусь в лесу. Ждите моего зова. Когда вы услышите его, приходите к этому большому дубу как можно скорее.

Гибкая Нога и близнецы спустились к реке. На склоне холмов рос густой кустарник. Они с треском пробирались че-

рез него. Огненная Макушка шел впереди, за ним Огненная Муха, а позади всех Гибкая Нога.

Вдруг раздалось громкое шуршание, и из кустов совсем рядом с ними вылетел громадный лесной тетерев.

Огненная Макушка моментально кинулся к нему и бросил в него свое копье. И, прежде чем Гибкая Нога или Огненная Муха успели добежать до него, он уже далеко внизу холма боролся с раненой птицей. Гибкая Нога была очень горда удачей Огненной Макушки. Она назвала его великим охотником и сказала, что, в конце концов, она рада, что он пошел с ними.

Огненная Макушка тоже был страшно горд своей удачей. Он высоко задрал свою красную голову и важно отправился вверх по склону к большому дубу, взвалив на плечо убитую им птицу. Гибкая Нога и Огненная Муха остались искать в кустах гнездо тетерева. Его нашла Огненная Муха, и в нем было целых семь яиц! Тогда Гибкая Нога ласково шлепнула Огненную Муху.

— Мне и вашему отцу не придется добывать для вас пищу, — сказала она. — Может быть, вы скоро будете охотиться для нас.

Потом они тоже пошли вверх по склону за Огненной Макушкой, неся яйца.

Когда они дошли до большого дуба, Гибкая Нога оципала тетерева и разрезала его на куски своим кремневым ножом. У них не было огня, и они ели все сырьим. Они съели пять яиц, а два оставили для Соколиного Глаза. Они оставили для него и ноги тетерева. Они ждали и ждали, но Соколиный Глаз все не приходил. Его не было так долго, что они стали уже немного бояться за него. Наконец, раздался крик: «Ху-ху, у-у, хуууу», похожий на уханье совы, и Соколиный Глаз появился, с треском пробираясь через кусты. У него через плечо висел убитый кролик.

Тогда Огненная Муха сыграла с ним шутку.

— Мы не голодны, — сказала она. Соколиный Глаз был поражен.

— Я думал, что вы умираете от голода, — сказал он.

— Мы все теперь не голодны, — сказал Огненная Макушка.

— Не наелись же вы досыта морковью? — спросил Соколиный Глаз.

— О, нет. У нас было что-то посытнее, — сказал Огненная Макушка, втягивая носом воздух.

— Что-то посытнее! — воскликнул Соколиный Глаз. — Это ты добыла что-нибудь? — спросил он Гибкую Ногу.

— Я ничего не добыла, — ответила Гибкая Нога.

— Это я убил тетерева! — закричал Огненная Макушка.

Он рассказал, как все случилось. Вы посмотрели бы тогда на Соколиного Глаза! Он был так же доволен своим сыном, как наши отцы, когда мы хорошо выучили начало арифметики!

— Я думаю, что вы можете теперь сами заботиться о себе, — сказал он, когда выслушал всю историю. — Я вам уже больше не нужен.

IV

ПУТЕШЕСТВИЕ

Весь оставшийся день они шли по берегу реки и искали место, где они могли бы перейти через нее, потому что они не умели плавать. На ужин у них был только кролик. Они съели его, сидя на большом камне, повернувшись друг к другу спиной так, чтобы им было сразу видно во все стороны, чтобы вовремя заметить всякую опасность.

Когда длинная тень от утеса упала на луг, Гибкая Нога сказала:

— Скоро будет темно. Где мы проведем эту ночь?

— Во всяком случае, мы не могли бы спать в пещере, — сказал Соколиный Глаз, — даже если бы мы нашли ее. Может оказаться, что это будет как раз берлога пещерного медведя. В таком случае нам, наверное, пришлось бы провести ночь в его желудке, а я уверен, что там слишком тепло и неудобно.

— Но мы не можем провести ночь и прямо на земле, —

сказала Гибкая Нога. — Тогда мы, пожалуй, проснемся в желудке старого зубастого тигра.

Конечно, они просто так щутили, потому что никогда никто не просыпался после того, как его съели.

Соколиный Глаз взял свой кремневый нож. Я чуть-чуть не сказала, что он вынул его из кармана, потому что как-то странно думать о мужчине, у которого нет ни одного кармана. Но у Соколиного Глаза действительно не было ни одного кармана, и кремневый нож был привязан ремнем у него к поясу.

— Пойдите и наломайте виноградных лоз, сколько только найдете, — сказал он.

Гибкая Нога и близнецы побежали назад в лес искать виноградные лозы. Там их было очень много, и они скоро наломали громадную кучу длинных, гибких стеблей и притащили их Соколиному Глазу. Соколиный Глаз за это время нарезал другую, почти такую же охапку. Недалеко рос громадный дуб с толстыми длинными ветвями, расходящимися во все стороны.

— Мы будем спать здесь, — сказал Соколиный Глаз. — Тут мы будем в безопасности, если к нам не заберется дикая кошка или какое-нибудь другое лазающее животное. Я думаю, что мне удастся отбить у них охоту к этому. Я буду спать на одной из нижних ветвей и сумею защитить вас от нападения диких животных.

— Мы будем сидеть на ветвях, как птицы? — тревожно спросила Огненная Муха.

Гибкая Нога засмеялась, подпрыгнула и ухватилась за одну из ветвей. Она подтянулась на руках к ветке, взобралась на дерево и побежала вдоль ветки к его громадному толстому стволу.

— Подайте мне лозы, — крикнула она вниз, — и я покажу вам, как мы будем сидеть.

Соколиный Глаз бросил ей охапку лоз. Она влезла выше на дерево и нашла место, где две ветви шли почти рядом одна с другой, как это нарисовано на картинке. Она стала переплетать лозами эти ветки и быстро сделала между ветками сеть, которая висела между ветвями, как гамак.

— Ну, полезай сюда, — позвала мать Огненную Муху, — и я положу тебя в твою постель.

Огненная Муха влезла на дерево. Гибкая Нога отвязала волчью шкуру, которая была привязана через ее плечо, и покрыла ею гамак из гибких ветвей. Огненная Муха забралась в свою постель. Мать взяла ремень, которым была связана волчья шкура, и крепко привязала Огненную Муху к одной из ветвей, чтобы она не вывалилась из постели.

Когда Огненная Муха была надежно устроена, Гибкая Нога спустилась немного ниже по дереву, чтобы найти место для Огненной Макушки. Но он уже сам нашел для себя место и начал плести себе постель. Мать помогла ему. Когда постель была готова и он был привязан к ветвям, как громадный кокон, Соколиный Глаз и Гибкая Нога устроились сами на нижних ветвях как могли удобнее. Когда они окончательно устроились на ночь, уже было поздно, небо на западе пылало желтыми и красными красками и птицы пели свои вечерние песни.

Когда Огненная Макушка открыл глаза на следующее утро, он долго никак не мог сообразить, где он находится. Он попробовал приподняться, что бывало так легко сделать, когда он спал на волчьих шкурах в пещере. Но он почувствовал, что он крепко привязан. Он поднял голову и оглянулся. Солнце уже вышло из-за голубых холмов за рекой. Он посмотрел вниз сквозь ветви дерева, чтобы увидеть, что делают отец и мать.

Их там не было! В один момент ему показалось, что все это ему лишь снится. «Сейчас я проснусь в пещере», — по-

думал он и хотел проснуться, но не мог. Он лежал, привязанный, на дереве, и с ним не было ни отца, ни матери. Наконец, он вспомнил все. Он позвал Огненную Муху:

— Ты здесь?

Она ответила ему сонным голосом:

— Да.

— Ты правда здесь? — спросил опять Огненная Макушка. — Ведь отца и матери здесь нет.

— Нет? Где же они? — спросила Огненная Муха, и сон сразу соскочил с нее.

— Их нет здесь! — повторил Огненная Макушка.

Огненная Муха подняла голову и попыталась вскочить. Если бы она не была привязана, она бы непременно полетела из своей постели. Она тоже посмотрела вниз. Ветви внизу были действительно пусты.

Что бы сделали вы, если бы, проснувшись утром, вы нашли бы себя привязанным к кровати, отец и мать ваши ушли неизвестно куда и даже завтрак не готов? Ну, и близнецы сделали как раз то же самое. Они просто оба заревели. У них были очень здоровые легкие, и их рев было далеко слышно.

Когда они замолчали, они услышали вдалеке крик. Это не был крик какого-нибудь животного. Это кричали тоже люди, совсем, как они. «Оу, оу, оу», — неслось к ним крики с двух разных сторон.

— Это не отец кричит, — сказал Огненная Макушка.

— И не мать, — сказала Огненная Муха.

— Но кто же это может кричать, кроме них?

— Давай позовем опять, — сказал Огненная Макушка.

Они чуть не разорвали свои глотки, крича: «Оу, оу, оу». «Оу, оу, оу», — донеслось из леса и от реки.

— Это, должно быть, духи воды и деревьев дразнят нас, — сказал Огненная Макушка. — Они кричат совсем, как мы.

Вы понимаете, они не знали, что бывает эхо.

— Я боюсь, — сказала Огненная Муха.

— Я тоже боюсь... немножко, — сказал Огненная Макушка.

— Не будем больше кричать. Если мы помолчим, то, может быть, духи не найдут нас, — прошептала Огненная Муха.

Они притаились, прижавшись к волчьим шкурам, и лежали совсем-совсем тихо. Ближе и ближе услышали они какой-то треск в кустарнике. Они окаменели от страха. Они боялись даже дышать. Потом раздался громкий крик: «Х-о-о, х-о-о, хооо» и треск послышался еще ближе. Потом они услышали чей-то голос:

— Проснулись вы, маленькие красные лисицы, там, на дереве?

Две красных головы моментально высунулись из-за краев висячих постелей и два голоса воскликнули:

— О, как мы рады, что вы вернулись!

Гибкая Нога влезла на дерево и отвязала детей. Им понадобилось всего две секунды, чтобы спуститься на землю, и ни один из них не свалился вниз. Под деревом стоял Соколиный Глаз. Он приготовлял завтрак. Он и Гибкая Нога спустились рано утром на берег и нашли там место, где чепурахи положили свои яйца. Они принесли с собой каждому по четыре черепашьих яйца.

Если бы я была учителем арифметики, я спросила бы вас, сколько яиц там было! Но нечего было и пытаться спросить об этом близнецовых. Не только они, но и ни отец их, ни мать не могли бы этого сказать. Никто из них не сумел бы сосчитать так много. Этого делать в те времена никто не умел, никто не умел ни складывать, ни множить, ни делить.

Когда яйца были съедены, они привязали опять шкуры через плечо и отправились вдоль реки. Все утро они шли вдоль нее, отыскивая для перехода хорошее место. Солнце уже начинало идти к западу, когда Гибкая Нога вдруг остановилась на повороте реки.

— Смотрите, смотрите, — закричала она. — Две реки!

Они все остановились и поглядели туда, куда она указывала. Река разветвлялась в этом месте или, вернее, две небольшие реки сливались здесь в одну большую реку.

Между двумя реками была полоса земли.

— Теперь мы, наверное, сможем перейти! — радостно воскликнула Гибкая Нога. Она первая стала спускаться бегом с холмов к самой реке.

Дно в этом месте реки было песчаное и покрыто кам-

нями. Течение было быстрое, вода была прозрачная и не очень глубокая. Гибкая Нога побежала по камням.

— Идите, — позвала она близнецов. — Идите прямо за мной.

Гибкая Нога легко перепрыгивала по камням на середину реки, где вода была уже глубже. Дети шли за ней, пока вода была мелкая. Потом Огненная Макушка остановился на одном из камней и посмотрел на крутящуюся между камнями воду. Огненная Муха стояла на следующем за ним камне. Огненной Макушке казалось, что до следующего камня было слишком далеко.

— Я не могу перепрыгнуть так далеко! — завопил он.

— Я тоже не могу, — захныкала Огненная Муха, — у меня не такие длинные ноги.

— Прыгайте! — нетерпеливо крикнула Гибкая Нога.

— Мы не можем, — кричали близнецы, начиная плакать.

Видите ли, они боялись воды. В этом не было ничего удивительного, потому что они ни разу в жизни не купались.

Соколиный Глаз стоял на камне позади детей.

— Прыгайте сейчас же, — сказал он, — или я задам вам.

Когда Гибкая Нога впереди кричала им: «Прыгайте», а Соколиный Глаз сзади говорил такие страшные вещи, то близнецы оказались в очень трудном положении. Им ничего не оставалось делать, как прыгнуть. Поэтому Огненная Макушка и Огненная Муха сразу прыгнули вперед. К несчастью, Огненная Муха прыгнула слишком скоро. Она наткнулась на Огненную Макушку. Он поскользнулся и оба они скатились в холодную воду.

Крик, который они подняли раньше, был ничто перед тем, который они подняли теперь. Они начали страшно кричать, как только их головы высунулись из воды.

Их могло бы унести течение, если бы Соколиный Глаз не прыгнул вслед за ними в воду. Он схватил каждого из них одной рукой и добрался вместе с ними до земли.

Не знаю, поверите ли вы, что близнецы крепко держали свои копья все время, даже когда они были под водой. Это ведь было единственное, за что они могли ухватиться,

а, кроме того, они любили эти копья больше, чем мы любим всех своих кукол, коньки и мячики, взятые вместе.

Гибкая Нога расхохоталась, глядя на них.

— Вы похожи на пару водяных крыс, — смеялась она. Близнецы же не видели в своем приключении ничего смешного. Струйки воды текли вниз по их спинам, и это совсем не нравилось им.

Недалеко от того места, где они вылезли, начинались высокие скалы, разделяющие между собой маленькие реки.

— Взберемся на эти скалы, — сказала близнецам Гибкая Нога. — Это вас согреет.

Взбираться было трудно, потому что подъем был очень крутой. Но зато, что они увидели с вершины скал! Они увидели длинный-длинный путь каждой из двух маленьких рек и длинный-длинный путь большой реки, которая образовалась из двух маленьких рек. По берегам большой реки тянулись густые молчаливые леса. Они посмотрели назад — на землю между двумя маленькими реками. Все они сильно проголодались, и они надеялись, что увидят среди скал что-нибудь подходящее для ужина.

— Ну, посмотрим, у кого самые зоркие глаза, — сказала Гибкая Нога.

— Я вижу что-то белое вон там, внизу, среди кустов, — сказала Огненная Муха. — Оно прыгает между скалами.

— Я вижу это тоже, — сказал Соколиный Глаз. — Это хвост оленя. Там, внизу, стадо оленей.

Соколиный Глаз стал поспешно спускаться вниз.

— Я не задержусь долго, — крикнул он Гибкой Ноге. — Разожгите огонь до моего возвращения.

Гибкая Нога и близнецы смотрели на Соколиного Глаза, пока он не исчез в кустарнике. Тогда она и дети стали собирать хворост для костра. Огненная Макушка нашел сухую прямую палку какого-то твердого дерева. Гибкая Нога заострила конец ее своим кремневым ножом. Потом они стали искать кусок мягкого дерева. В мягком дереве Гибкая Нога сделала маленькую ямку. В ямку она вставила конец твердой палки.

— Теперь ты, Огненная Муха, останешься со мной, — сказала она. — Ты должна набрать клочков сухого мха, пока я буду вертеть палку. Ищи мох как можно скорее. Как только я тебе скажу, ты должна будешь подложить маленькие кусочки мха в ямку около самого конца палки. А ты, Огненная Макушка, набери большую кучу хвороста. Складывай его здесь на скале.

Гибкая Нога встала на колени на краю скалы и начала вертеть палку между ладонями. Палка одним концом опиралась в ямку в мягкое дерево. Она вертела быстро и очень долго и, пока вертела, бормотала молитву богу огня.

Огненная Муха набрала мха и теперь крепко прижимала к земле мягкое дерево, пока Гибкая Нога вертела палку. Мать вертела и вертела, пока маленькая струйка дыма не начала выходить из ямки.

— Подложи скорее мох! — воскликнула Гибкая Нога.

Дым пошел гуще. Гибкая Нога работала все быстрее и быстрее. Скоро показался маленький огонек. Огненная Муха подкладывала понемножку на огонь кусочки сухого мха, пока огонь не разгорелся так сильно, что в него можно было положить сухие листья, а потом и маленькие ветки. Ско-

ро на скале потрескивал веселый огонек костра. Огненная Макушка наносил на скалу большую кучу хвороста, а также нашел несколько длинных ивовых прутьев.

— Костер готов, а еды все нет! — сказала Огненная Муха.

Но скоро показался и Соколиный Глаз. Он карабкался на скалу с молодой ланью на плече. Он и Гибкая Нога сняли с лани шкуру и разрезали на куски ее мясо. Они втыкали ивовые прутья в куски мяса и так жарили мясо на костре. И они ели, ели и ели, сколько только могли съесть.

— Мы ночуем здесь, — сказал Соколиный Глаз, когда они не могли уже больше есть. — Мы не найдем лучшего места для ночлега. С трех сторон скалу окружает вода. Мы будем поддерживать всю ночь яркий огонь, и мы будем на скале так же в безопасности, как если бы мы были в пещере.

Соколиный Глаз разложил костры длинной линией по ту сторону скалы, с которой можно было на нее взобраться. Он выложил что-то вроде стены из палок и ветвей, чтобы поддерживать огонь.

Костер пылал всю ночь. Они разостлали шкуры на скале и спокойно заснули. Костер грел их и охранял от диких зверей.

На другой день утром было ясное и чистое. Вся семья поднялась вместе с птицами. У них осталось еще много пищи для завтрака. За едой Соколиный Глаз сказал:

— Лучше нам пораньше перейти через вторую реку. Неизвестно еще, как далеко нам придется идти сегодня и что нам встретится на пути.

— Мне ужасно не хочется уходить отсюда! — воскликнула Огненная Муха. — Тут так красиво. Я уверена, что здесь мы всегда были бы сыты.

— А мне не хочется бросать здесь шкуру лани, — сказала Гибкая Нога. — Но, конечно, я не могу ее высушить, вытянуть и обработать, когда нам надо так скоро уходить.

— Хорошо, что мы можем захватить с собой достаточно еды на весь день, — сказал Соколиный Глаз. — Это сбережет нам много времени. Нам не придется останавливаться, чтобы искать что-нибудь на обед.

Он привязал по большому куску мяса на спину Огненной Макушке, Огненной Мухе и Гибкой Ноге, взвалил самый большой кусок себе на спину, и они отправились в путь.

Слишком долго было бы рассказывать вам все о том, как они переходили через реку. Она была глубже, чем та, через которую они перешли вчера и, если бы не один счастливый случай, возможно, что они никогда не перешли бы через нее.

Когда они подошли к самой воде, Огненная Макушка увидел несколько черепах, греющихся на солнце, лежа на бревне. Бревно, должно быть, когда-то плыло вниз по реке и теперь зацепилось сухой веткой, торчавшей из воды. Близнецы теперь не так уж боялись воды после того, как они побывали в ней. Огненная Макушка подумал, что бы-

ло бы очень интересно поймать черепаху. Он показал на черепах Огненной Мухе.

— Пойдем! — только и сказал он ей, но она сразу поняла, что это значит, и дети тихонько побрели по воде прямо к бревну. Идти вдоль берега по мелкому месту по воде было совершенно другое дело, чем свалиться в воду. Черепахи заметили, что подходят дети, и как раз в тот момент, когда близнецы добрались до бревна, они соскользнули в воду.

Вдруг кто-то в воде укусил Огненную Макушку за большой палец ноги.

Огненная Макушка завизжал. Огненная Муха не знала, в чем дело, но она из сочувствия завизжала тоже. Оба они ухватились за бревно и попытались вскарабкаться на него. Бревно качнулось, освободилось от державшей его ветки и поплыло вниз по течению с обоими ребятами, цепляющимися за него. И как же они оба кричали! Дети не могли влезть на бревно, потому что оно перевертывалось, но они держались за него, потому что это была единственная вещь, за которую они могли держаться. Огненная Макушка изо всех сил брыкала ногами, чтобы избавиться от того, что его укусило. Огненная Муха тоже брыкалась, потому что она старалась нащупать ногами дно, но дна совсем не было. Течение в этом месте было не очень быстрое, и хотя дети и не понимали того, что они делают, они плыли по-настоящему, отталкивая воду ногами, и они толкали бревно прямо к другому берегу.

Пока все это происходило, Соколиный Глаз и Гибкая Нога гнались за ними так быстро, как только могли, но дети упливали от них с каждой минутой все дальше и дальше. Вода доходила Гибкой Ноге почти до шеи, а вы знаете, как трудно идти в глубокой воде. Близнецы все старались достать до дна и болтали ногами изо всех сил и ревели тоже изо всех сил, пока дерево не уткнулось одним концом в отмель. Тогда они ухватились за ветки ивы, склонившейся над водой, и выкарабкались на берег.

В одну минуту Соколиный Глаз и Гибкая Нога прибежали по берегу к ним. Они перешли реку прямо, а бревно

отнесло течением. Вы можете себе представить, как они все были рады, когда все они оказались на другом берегу реки и все были целы и невредимы.

V

ДРЕВЕСНОЕ ПЛЕМЯ

Они прошли немного вдоль реки по берегу, ища, где бы лучше перейти через ровный зеленый луг и скорее добраться до далекого большого леса. В лесу ведь им легче было избежать нападения диких зверей. Вдруг они увидели что-то вроде тропинки. Она вела прямо к лесу. Соколиный Глаз очень внимательно рассматривал эту тропинку. Он наклонился и осмотрел кругом сырую землю около воды. На глине виднелись следы.

— Это не место водопоя зверей? — спросила Гибкая Нога.

Соколиный Глаз заворчал:

— Следы похожи на наши, — коротко ответил он. — В этих лесах живут люди. Это след человеческой ноги.

Гибкая Нога посмотрела вокруг с таким же страхом, как если бы она услыхала, что делая стая гиен живет в этих лесах. В те времена люди различных племен редко встречались между собой. Людей на земле было мало. Каждое племя подолгу жило в одном месте, и люди боялись заходить далеко от тех мест, где они жили.

Если люди разных племен встречались между собой, они боялись друг друга, боялись, что чужие станут охотиться в тех местах, где они охотятся, станут ловить рыбу в тех местах, где они одни ловили ее. Каждое племя старалось прогнать чужих подальше от себя. Племена поэтому редко сходились мирно между собой, и часто при встрече между ними начиналась страшная драка.

— Нельзя ли нам идти вверх по берегу реки и совсем не

входить в лес? — спросила Гибкая Нога.

Вместо ответа Соколиный Глаз показал ей вниз по реке. Вдалеке на зеленом лугу они увидели двух пасущихся мамонтов. Даже так далеко они казались двумя гигантскими скалами среди зеленой травы. Их длинные белые клыки блестели на солнце.

— Мы не можем пройти здесь, — сказала Гибкая Нога, — и нам нельзя вернуться назад.

— Мы поднимемся по тропинке до опушки леса и пойдем вдоль нее, не теряя из виду реку, — сказал Соколиный Глаз. — Может быть, никто не увидит нас. Это самое лучшее, что мы можем сделать. Тише и быстрее!

Он побежал по тропинке с копьем в руке. Дети с матерью бежали за ним.

— Я вижу, кто-то движется между деревьями, — сказала Огненная Муха.

Близнецы очень хотели бы быть в эту минуту дома с бабушкой.

— Они выслеживают нас оттуда, с холмов, — ответила Гибкая Нога.

Соколиный Глаз тоже видел все, что видели они, но он не говорил ничего.

Он побежал дальше. Вдруг комок грязи и глины пролетел по воздуху и попал Соколиному Глазу в голову. Вслед за ним последовали камни, палки и все другое, что можно было бросить.

— Бегите! — крикнул Соколиный Глаз.

Они были ужасно испуганы, но сделали то, что им сказал Соколиный Глаз. Если бы они взглянули вверх, они бы увидели на краю обрывистого склона холма странную кучку людей. Мы должны называть их «людьми», хотя они были больше похожи на обезьян, чем на людей. Они ужасно скалили зубы, подпрыгивали и что-то кричали друг другу. Их тела были покрыты темными волосами. У них были длинные, сильные руки и короткие ноги. Их маленькие глаза сидели близко друг к другу и у них почти не было лба. Каждый из этих людей держал что-нибудь в руке, чтобы бросить в Соколиного Глаза и его семью.

Соколиный Глаз все бежал вперед.

— Бегите! — крикнул опять он. — Мы не можем с ними драться. Их слишком много.

Дальше и дальше бежали они. Они уже совсем запыхались. Невдалеке перед ними, на опушке леса, лежали несколько больших камней. Там они могли хоть немного укрыться от камней и палок, которые в них летели.

Они уже почти добежали до скал, когда вдруг женщина из древесного племени сбежала вниз с обрыва, схватила Огненную Муху и потащила ее за собой. Она добежала до первого дуба на склоне холма и ухватилась за его ветку, чтобы взобраться на дерево и втащить туда же Огненную Муху. Гибкая Нога, крича от ярости, догнала ее и схватила Огненную Муху за другую руку. Две женщины тянули девочку за руки в разные стороны и обе яростно кричали. Казалось, они готовы были разорвать Огненную Муху на две части. К счастью, подбежал Соколиный Глаз и, несмотря на то, что люди с вершины холмасыпали его дождем палок

и камней, Соколиный Глаз бросил свое копье в руку женщины. Пронзительно вскрикнув от боли, она оставила Огненную Муху и бросилась бежать в лес.

— Бегите же изо всех сил, — крикнул Соколиный Глаз, подбирая свое копье. И они побежали опять из последних сил. Они достигли кучи камней как раз вовремя, потому что дикие люди лесов, рассерженные тем, что ранили женщину из их клана, бросились вслед за ними вниз по откосу.

Как только вся его семья спряталась за камнями, Соколиный Глаз повернулся к нагонявшим их людям чужого клана. Он стоял, смело смотря на приближающуюся кучку людей. Когда они были уже близко, Соколиный Глаз издал свирепый вой и бросил в них свое копье. Это было очень хорошо сделанное копье с костяным наконечником, и оно ударило предводителя дикого клана в бедро. С криком боли он упал на землю. Потом он схватил копье и вытащил его из своего тела.

У дикого клана не было никакого оружия, кроме камней и палок. Они жили на деревьях. Они даже не знали, как добывать огонь. Они питались корнями, ягодами и орехами, и изредка им удавалось поймать руками или в ловушку какое-нибудь животное.

Когда они увидали, что случилось с их предводителем, они испугались и побежали к деревьям, оставив раненого человека на земле.

Соколиный Глаз подбежал к раненому, поднял свое копье и погнался за врагами. Лесные люди побежали еще скорее. Когда они добежали до деревьев, они моментально поднялись по их ветвям и исчезли. Только то тут, то там можно было видеть, как перебирались они с дерева на дерево, уходя все дальше и дальше от опушки. Они были совсем как большие обезьяны.

Соколиный Глаз вернулся к скалам, за которыми спрятались его жена и дети.

Все кругом было так спокойно, словно никто и не жил в лесу. Не было видно ни одного лесного человека, кроме раненого, да и тот полз, как только мог быстрее, к лесу.

Несмотря на все приключения, Соколиный Глаз и Гибкая Нога не потеряли кусков мяса, которые были привязаны к их спинам. Теперь все они почувствовали страшный голод. Гибкая Нога разрезала свой кусок на четыре части и каждый взял свою порцию. Они очень устали, но все же шли вперед и на ходу ели. Они пробежали мимо того места, где недавно паслись мамонты, повернули спиной к реке и вошли в густой лес. Они шли прямо на восток. Им приходилось взбираться по холмам все выше и выше. Соколиный Глаз сказал:

— Если мы пойдем все дальше в ту сторону, где восходит солнце, то мы непременно дойдем, наконец, до голубых холмов.

Весь оставшийся день они шли, а ночь провели на дереве. На следующий день они опять взбирались все выше и выше. Наконец, около середины второго дня, они добрались до вершины этих гор, поднявшись на самую высокую из них.

Никто из их клана никогда не был так далеко от пещеры и никто из них никогда не видел того, что увидели теперь Соколиный Глаз, Гибкая нога и близнецы.

Перед ними, казалось, раскинулся весь мир. Они поглядели назад к западу и увидели под своими ногами зеленые леса, а там, в голубой дали, узкую серебряную полоску. Эта серебряная полоска была их река. Они посмотрели на юг и там, далеко, далеко, тоже в голубой дали, увидели столько воды, что они и представить себе не могли, что может быть на земле столько воды. Они не знали, что это такое. Они даже не были уверены, что это вода. Ведь они же никогда не слыхали о море. Они стояли молча, едва дыша от удивления, и пристально смотрели на то, что им казалось водой. Наконец, Соколиный Глаз благоговейно сказал:

— Это край мира.

— Пойдемте на самый край и посмотрим на него, — сказала Гибкая Нога. — Может быть, мы увидим там, куда солнце прячется во время темноты.

Вы видите, какая храбрая женщина была Гибкая Нога.

— Может быть, мы стоим на тех самых голубых холмах, которые были видны от нас? — спросил Огненная Макушка. — Но они совсем не голубые.

— Ты посмотри кругом. Все кругом нас голубое! — воскликнула Огненная Муха. — А за концом мира тоже все голубое и все там так и сверкает. И небо голубое! Единственное не голубое место — это все, что близко вокруг нас.

— Нам, верно, придется пройти через голубую страну, чтобы попасть к концу мира, — сказал Огненная Макушка.

В это время Соколиный Глаз стоял, молча, на самой вершине горы. Он внимательно рассматривал все, что было перед ним. Он старался ясно понять, как ему идти к краю света, и старался запомнить хорошенъко дорогу. Соколиный Глаз, казалось, так же легко мог найти дорогу через лес, реки и горы, как мы узнаем дорогу к лавочке или к почтовой конторе. Когда он обдумал весь путь, он окликнул детей и Гибкую Ногу.

— Вы видите там, вдали, эту маленькую узкую полоску земли, — сказал он, показывая на юг. — Она выведет нас к самому краю мира. Мы будем идти так, что солнце у нас будет с этой стороны первую половину дня и с той стороны — вторую половину дня, и тогда мы прямо выйдем к этой полоске земли. Тогда мы увидим, что лежит дальше.

Соколиный Глаз начал первым спускаться с холмов. Близнецы и Гибкая Нога шли за ним. Кругом опять был лес, но Соколиный Глаз не сбивался с дороги. Весь день они подвигались вперед через холмы, через густые леса, через небольшие ручьи. Они все время шли к югу. Наконец, они увидели узкую полосу земли, которую они видели с верхушки холма. Они провели ночь на дереве, на берегу широкой полосы воды. Им оставалось только пересечь узкую полоску земли, и они увидят край мира. Они пустились в путь рано утром и к вечеру стояли на больших скалах на краю мира.

К востоку и к западу, так далеко, как только могли они видеть, расстилалась темно-голубая вода. Сзади, к северу, они видели за полосой воды отдаленный берег, горы и леса на них.

Пока они стояли и пристально смотрели то направо, то налево, назад и вперед, небо на западе вспыхнуло пурпуром и золотом, и солнце скрылось за краем земли. На востоке на темно-голубом небе висела бледная, круглая луна. Все это было так удивительно для них, — еще удивительнее, чем бывает во сне.

— Если мы завтра проснемся рано, мы увидим, откуда выходит солнце, —сказала Гибкая Нога.

Они сели на камни и смотрели, как появились звезды на небе и как луна плыла к западу. А потом, когда они уже так устали, что не могли бороться со сном, они разостлали шкуры на камнях и заснули под открытым небом, убаюкиваемые шумом прибоя.

VI

ЗЕМЛЕТРЯСЕНИЕ

Они так крепко спали, что не слышали глухих раскатов грома и не видели, что луна скрылась за черными тучами. Даже молния не разбудила их. Но когда, наконец, дождь стал барабанить по их голым телам, — они проснулись. Укрыться им было совсем негде. Поэтому они сбились в одну мокрую кучку и ждали, когда же, наконец, перестанет идти дождь. Это вовсе не был приятный, теплый, весенний дождь. Вода лилась вниз, как потоп. Им было совсем скверно, и Огненная Муха начала плакать.

Когда вспыхивала молния, они могли видеть качающиеся и стибающиеся от ветра деревья и громадные волны, налетающие на песчаный берег.

Но дождь вовсе не был самым худшим из всего, что им пришлось пережить в эту ночь. Вдруг они почувствовали, что скалы под ними начали сильно дрожать. Скалы дрожали все сильнее и сильнее, пока, казалось, вся земля не начала дрожать и трястись.

Соколиный Глаз и Гибкая Нога переживали раньше землетрясения, но ни одного такого сильного они не испытали. Казалось, что весь мир разлетался в куски. Они ближе прижимались друг к другу и обхватили руками близнецов.

— Ох, — закричала Гибкая Нога, — водяные боги рассердились на нас, потому что мы попытались узнать тайну солнца!

Она и Соколиный Глаз начали молиться, как только могли громче.

— Пощадите нас, о пощадите нас, боги воды! — кричали они.

Вдруг раздался продолжительный треск и грохот падающих скал. Казалось, что гром упал на землю и перекатывался по ней. Гигантская волна с ревом набежала на скалы, как будто она хотела смыть их.

Близнецы спрятали головы в колени матери и тряслись почти так, как будто в них самих происходило землетрясение.

Наконец, ветер стал постепенно стихать, дождь перестал идти, и волны все меньше и меньше заливали берег. Земля перестала колебаться. Облака раздвинулись, как большие занавесы, и гром слышался все дальше и дальше на западе.

Когда серая заря чуть начала заниматься над мокрой землей и птицы начали петь, Гибкая Нога подняла голову.

— Смотрите, — сказала она, — и слушайте! Птицы поют! Я думала, что настал конец мира. Но он еще цел и мы тоже целы!

Тогда все открыли глаза. Ведь до сих пор они от ужаса боялись их открыть. И опять они увидели то, что не видели никогда. На востоке, над водой, небо пылало, как в огне. Маленькие розовые облака уплывали вдаль и таяли в голубом небе. Потом громадный, огненно-красный шар солнца медленно стал подниматься из воды.

Они наблюдали в благоговейном молчании, как солнце поднималось все выше и выше в голубом небе. Наконец, когда солнце взошло, все они, дрожа опять от страха, распростерлись на земле, поклоняясь солнцу.

Когда солнце вышло совсем из воды и высоко поднялось, вся природа кругом показалась им такой радостной и веселой, что близнецы и их отец и мать забыли все ужасы этой ночи. Они сейчас же почувствовали, что они очень голодны, и они пошли искать, что бы им можно было съесть.

Гигантская волна, которая так перепугала их, занесла на берег рыбу и оставила ее в углублении в скале. Большая рыба металась в маленькой луже. Когда Гибкая Нога увидала ее, она закричала:

— Водяные боги не сердятся на нас! Поглядите, они послали нам прекрасную рыбу на завтрак.

Соколиный Глаз быстро сполз вниз со скалы к луже, поймал руками рыбу, убил ее и принес Гибкой Ноге и близнецам.

Пока они ели, Гибкая Нога, казалось, глубоко задумалась. Она не привыкла думать и теперь сморщила лицо так, словно ей было больно. Наконец, она сказала:

— Послушайте меня! Мы теперь узнали то, чего никто больше во всем мире не знает. Мы узнали, что лежит за голубыми холмами. Мы дошли до конца мира, посмотрели с края его и открыли тайну солнца. Мы одни знаем, что оно прячется под водой во время темноты. Нам больше нечего узнавать. Может быть, это и небезопасно — узнавать еще

больше, если даже есть что-нибудь такое, что еще можно узнать! Пойдемте же домой!

— Тут еще многому можно научиться, — сказал Соколиный Глаз.

— Мы можем это узнать на обратном пути, — сказала Гибкая Нога.

— Во всяком случае, лучше быть у нас дома, в пещере, если тут будут еще землетрясения, — сказала Огненная Муха, — кроме того, мне не нравится, когда дождь льет на меня и негде укрыться. Это так же скверно, как падать в реку.

— А мне хочется вернуться, чтобы рассказать Длинной Стопе то, что я видел, — сказал Огненная Макушка. — Он вечно хвастается тем, что умеет делать. Он никогда не видел ни древесных людей, ни землетрясения за всю свою жизнь. Я думаю, что у него глаза выскочат от зависти.

Соколиный Глаз не сказал ничего. Он поднял мокрые шкуры, встряхнул их, связал их ремнями и привязал к плечам себе, жене и детям. Потом каждый взял свое копье, и они были готовы пуститься в обратный путь.

Цепь холмов шла от того места, где они провели ночь, вглубь страны. Они прошли по этим холмам несколько километров на север, а потом повернули на запад. Было уже далеко за полдень, когда под искусственным руководством Соколиного Глаза они пришли опять на то место, где они так недавно перешли по узкой полосе земли на те холмы, где они сейчас стояли.

Соколиный Глаз шел впереди всех. Когда он взобрался на высокий утес, чтобы осмотреть сверху пролив и перешеек, он остановился, вскрикнул и потом долго молча стоял с вытаращенными от удивления глазами.

Гибкая Нога и близнецы поспешили взобраться к нему.

— В чем дело? — воскликнули они.

Вместо ответа Соколиный Глаз только показал рукой вперед. Перед ними не было ничего, кроме воды! Та узкая полоска земли, по которой они перешли сюда всего день тому назад, исчезла! Ее поглотило море!

Они были совершенно отрезаны от той земли, где жили раньше. Когда Гибкая Нога увидела, что случилось, она тя-

жело опустилась на ствол повалившегося дерева.

— Мир совсем другой, чем был вчера! — воскликнула она.
— Он сломался. Часть его погрузилась в воду!

— Его никогда нельзя починить? — спросила тревожно Огненная Муха.

— Значит, мы никогда не вернемся назад в пещеру? — воскликнул Огненная Макушка.

— Нет, — зарыдала Гибкая Нога, — нам придется оставаться здесь до самой смерти.

Огненная Муха немножко похныкала и крепко прижалась к матери. Огненная же Макушка заметил, что отец не плачет, поэтому он проглотил какой-то комок в горле и сел рядом с матерью.

Долго сидели они так на утесе и смотрели вниз на обрывистый берег сломанной земли и на скалы, торчащие еще кое-где из воды. Громадные стволы деревьев плавали кругом по морю.

Наконец, Гибкая Нога нерешительно сказала:

— Ну, что же мы будем теперь делать?

— Первое, что мы сделаем, — ответил Соколиный Глаз, — это сойдем вниз на берег и посмотрим, что мы можем найти для еды.

Вдалеке от обрывистых утесов, на которых они стояли, был виден залив с широкой отмелью. За заливом — целая цепь больших скал протянулась в море.

Соколиный Глаз, Гибкая Нога и близнецы спустились к берегу. Они были так голодны, что могли бы есть песок и камни, если бы они не нашли ничего другого.

Но на берегу валялось много морских водорослей, и в водорослях они нашли маленьких ракушек. Они разыскивали ракушек и на ходу ели их.

— Посмотри на эти маленькие норки в песке, — воскликнул Огненная Макушка, когда они отошли уже далеко по берегу. — Вода брызгает из них каждый раз, как я наступлю на них.

— Раскопай и посмотри, что там такое, — сказала Огненная Муха, — может быть, это что-нибудь такое, что можно съесть.

Они взяли большую раковину и разрыли ею песок. Они никогда раньше не видали устриц. Огненная Муха отдернула свой ущипленный палец. Соколиный Глаз разбил раковину и съел устрицу. Он облизал губы и сказал:

— Накопайте их столько, сколько только сможете, пока я разведу огонь. Вот у нас и ужин будет готов.

Близнецы работали, как бобры, пока Соколиный Глаз и Гибкая Нога раскладывали костер между утесами в защищенном от ветра месте.

Потом Гибкая Нога сделала ямки в золе под костром и клала туда устриц, как только дети приносили их.

Когда они отдыхали около костра, согревшиеся и сытые, они почувствовали себя веселее.

— Во всяком случае, мы никогда не будем голодать, пока мы останемся здесь, — сказал Соколиный Глаз. — Может быть, мы полюбим это место так же, как мы любили нашу пещеру в лесу.

Тогда Гибкой Ноге пришла счастливая мысль.

— Знаете, — сказала она, — я думаю, что водяные боги рады, что мы пришли к ним. Они не хотят, чтобы мы ушли опять, и поэтому, чтобы удержать нас здесь, они сделали так, чтобы кусок земли утонул в воде! Вспомните о рыбе, которую они нам дали! Я больше не боюсь. Я думаю, что они позаботятся о нас.

Эта была такая успокоительная мысль, что они заснули и спали крепко всю ночь около костра.

VII

ОСТРОВ

Если бы я рассказала вам все, что делали близнецы, их отец и мать на этом острове, это сделало бы эту книгу такой большой и толстой, как словарь. Поэтому я могу только немного рассказать вам о том, что с ними было дальше.

Во-первых, они скоро открыли, что место, где они очутились, был замечательный остров. Несмотря на то, что он был маленький, на нем были самые поразительные вещи.

На его берегу были громадные утесы и зубчатые скалы, а за ними к самому морю тянулся прекрасный песчаный берег. Волны промыли отверстие в этих громадных скалах, но они прочно стояли, как огромные развалины. Прибрежный песок был покрыт морскими звездами, красивыми ракушками, морской травой, крабами, медузами и камнями всех цветов. Близнецы, играя там, каждый раз находили что-нибудь новое.

Дальше от берега, за остроконечными скалами, были холмы и долины. По ним бежали ручьи чистой воды. Там были солнечные полянки, на которых паслись бизоны. В лесах жили олени и всякие другие животные, но, несмотря на то, что Соколиный Глаз исходил весь остров, он не видал нигде никаких признаков ни пещерного медведя, ни тигров, ни каких-либо других свирепых зверей, которых они так боялись, когда жили в своей пещере.

Нигде не нашел он и следа других людей. Они были единственными людьми на острове.

На южной части острова уже расцвели дикие фруктовые деревья. Воздух был полон благоуханием их цветов. Были на острове всевозможные деревья и цвели всевозможные цветы. Все было так прекрасно и казалось таким безопасным, что легко было поверить в то, что сказала Гибкая Нога, — что будто бы водяные боги заботятся о них.

Однажды Огненная Макушка и Огненная Муха влезли на высокий утес на восточной стороне острова, чтобы поискать голубиных яиц. С вершины холма они могли видеть далеко-далеко во все стороны. Утесы выдавались длинным мысом в море, а за ними была глубокая бухта. На берегу этой бухты во время отлива близнецы находили всегда удивительные вещи.

Огненная Макушка нашел в расселине скалы гнездо с четырьмя яйцами. Ребята сидели на вершине холма и ели их. Вдруг Огненная Муха увидела странное черное пятно там, у подножья утеса.

— Что это такое? — спросила она, указав брату на пятно.

— Пойдем, посмотрим, — сказал Огненная Макушка.

Они осторожно сползли вниз на площадку, которая была несколько ниже, и стали прокладывать себе путь через кусты и виноградные лозы, покрывавшие склон утеса.

— Оно должно быть где-то здесь, — сказал Огненная Макушка, — но я не вижу его. В кустах ничего не разберешь.

— Может быть, это был медведь, и он спрятался, — сказала Огненная Муха, боязливо оглядываясь.

Конечно, они не могли быть совершенно уверены, что на острове не было медведей.

— Чепуха, — сказал Огненная Макушка. — Я не боюсь. Идем дальше.

Они облазили и внизу и вверху всю эту сторону утеса и уже готовы были бросить поиски, как вдруг ветка, за которую ухватился Огненная Макушка, обломилась, и он полетел вниз с откоса. Он перевернулся два или три раза, пока катился, а когда он перестал катиться и сел, то он оказался как раз перед отверстием громадной, темной пещеры. Камни и комки земли летели вслед за ним, а когда к этому присоединился еще и крик, который поднял сам Огненная Макушка, то шум поднялся немалый.

Пещера была полна совами, и когда камни, комья земли и мальчик внезапно влетели к ним, совы были очень удивлены. Штук шесть сов, не меньше, вылетели из пещеры и, так как они плохо видели от света, они налетели на Огненную Макушку.

Совы, которые остались в пещере, летали там, бились из стороны в сторону и страшно ухали; Огненная Макушка никогда раньше не видел сов так близко. Он был так перепуган, что его красные волосы встали дыбом. Он отбивался от сов руками и кричал благим матом.

Огненная Муха слышала его крики и пробиралась к нему через кусты. В следующую минуту и она сорвалась и упала на том же самом месте и очутилась рядом с Огненной Макушкой. Немного погодя, совы отлетели на высокий выступ скалы и уселись там в ряд, уставившись на близнеццов. Близнецы успокоились, встали и стряхнули насыпавшуюся на них землю. Потом они с треском начали пробираться через кусты на верхушку утеса. Они полезли так быстро, как только могли.

После полудня, когда Соколиный Глаз и Гибкая Нога пришли домой с молодым оленем на плечах, дети рассказали им о пещере и показали ее с верхушки утеса.

Соколиный Глаз сейчас же развел огонь, зажег на костре палку и, с ее пылающим факелом в одной руке и копьем в другой, отправился вниз к пещере.

— Как же ты проберешься к пещере? — спросил Огненная Макушка.

— Мы сначала шли по утесу, а потом падали вниз, — сказала Огненная Муха.

Соколиный Глаз засмеялся.

— Я думаю, что сумею найти лучшую дорогу, — сказал он.

Он осторожно спустился вниз по отлогому склону и нашел удобную дорогу к пещере. Когда он дошел до пещеры, он поднял факел над головой так, чтобы осветить ее внутренность. Он держал в другой руке копье, потому что он все же боялся, что из пещеры может выскочить какое-нибудь дикое животное. Это была как раз такая пещера, в которой можно было ожидать найти волков.

Совы стали опять вылетать и ухать, как и тогда, когда Огненная Макушка свалился к ним, но, кроме сов, в пещере никто не шевелился. Соколиный Глаз храбро вошел в нее. Пещера была огромная, в меловом утесе, и поэтому вся белая и чистая, кроме тех мест, где совы сделали себе гнезда.

Соколиный Глаз разломал гнезда сов и выбросил остатки гнезд из пещеры.

Потом он вышел из пещеры и начал карабкаться кругом по склону холма, как будто он что-то искал. Немного пого-

дя, он вскрикнул от радости и поманил рукой Гибкую Ногу и близнецов, которые с нетерпением ожидали его на вершине скалы.

Они спустились, прыгая по склону холма. Соколиный Глаз встретил их у входа в пещеру.

— Это будет наш дом, — сказал он, указывая на пещеру. — Ничего не может быть лучше. Я нашел тут, совсем близко, ручей с чистой водой. Здесь безопаснее и удобнее, чем в каком бы то ни было другом месте, которые мы находили. Войдите и посмотрите.

Гибкая Нога вошла и оглядела все кругом. Она была так же довольна, как и Соколиный Глаз.

Она сбросила свою оленью шкуру на пол пещеры и поставила копье около меловой стены. Так они начали жить в новом доме. Оставалось только развести костер у входа в пещеру и начать приготовлять ужин.

Соколиный Глаз взобрался на вершину холма и принес брошенного оленя. Он принес также несколько тлеющих

головней из костра, чтобы разжечь новый костер. Скоро у входа пещеры пылал, весело потрескивая, костер.

Пока Гибкая Нога резала мясо и близнецы жарили большие куски его на углях, Соколиный Глаз прорубил своим кремневым топором в кустарнике тропинку к ручью и другую к верхушке холма. Тропинки эти были так скрыты высокой травой и кустарником, что они могли ходить по ним и их совсем не было видно.

Когда, наконец, они уселись у огня около входа в пещеру, чтобы съесть свой первый ужин в новом доме, им он показался таким вкусным, как... ну, это совершенно невозможно сказать вам, каким вкусным он им казался!

VIII

ПЛОТ

Когда Гибкая Нога на следующее утро проснулась, яркий солнечный свет вливался в пещеру, освещая даже самый дальний ее угол. Виноградные лозы, свисавшие даже над отверстием пещеры, колебались от легкого ветра, и их тени плясали по меловому полу.

Гибкая Нога села и выглянула из пещеры. Из пещеры она могла видеть открытое море. На севере были видны берега той земли, откуда они пришли на этот остров. Внизу был виден песчаный берег, а немного дальше видны были высовывающиеся из воды скалы. Чайки кружились и кричали над ними.

Гибкая Нога взяла тыкву и пошла по узенькой зеленой тропинке за водой к ручью. Когда она вернулась, остальные все еще спали. Она поставила тыкву и медленно пошла по тропинке к вершине холма, чтобы набрать сучьев для костра.

Когда остальные проснулись, она уже готовила завтрак.

За завтраком она сказала Соколиному Глазу:

— Я решила остаться сегодня в пещере. Слишком много уходит времени на то, чтобы добывать новый огонь каж-

дый день. Я буду поддерживать костер все время. Кроме того, близнецам скоро понадобятся новые шкуры. Те лисьи шкурки, которые они теперь носят, совсем износились. Я приготовлю для них ту оленью шкуру, которую мы привнесли домой вчера вечером.

— Надо нам готовить побольше шкур, — сказал Соколиный Глаз. — Они понадобятся нам, когда придет холодное время года. Я позабочусь о том, чтобы у нас была пища, а ты будешь стряпать, приготовлять шкуры и поддерживать огонь.

Соколиный Глаз ушел один на целый день на охоту. Близнецы сбежали вниз на берег и бродили по воде. Они теперь не так боялись воды, как раньше, но все же бродили и шалили только у самого берега.

До сих пор, после той страшной бури, по воде плавали стволы сломанных деревьев. В это утро близнецы нашли два таких ствола. Они покачивались на волнах недалеко от берега. Близнецы подбежали к ним по воде и потащили их к берегу.

— Давай, поедем на них, как мы ехали на том бревне по реке, — сказал Огненная Макушка.

Огненная Муха всегда была готова делать то, что делал Огненная Макушка, поэтому она села верхом на одно дерево, а Огненная Макушка на другое, и они отправились в путь, наполовину плывя на дереве, наполовину идя по песчаному дну.

Это была замечательно веселая игра, но длинные ветви деревьев застревали в песке и царапали ноги ребят. Ребята подтащили стволы ближе к берегу и попробовали обломать ветки. Но некоторые из ветвей были слишком крепки.

— Мы можем сплести их вместе, — сказал Огненная Макушка. — Может быть, стволы тогда не будут так перевертываться.

Они сплели ветки двух деревьев так, чтобы они не могли цепляться за дно, опять влезли на свои стволы и поехали. Они были так рады своей выдумке, когда убедились, что бревна теперь держатся на воде гораздо лучше, и так расхабрились, что отправились на более глубокое место.

Они придумали замечательную игрушку.

Все утро ребята проездили на деревьях, но лучше всего было, когда начался прилив. Длинная, низкая, катящаяся волна поднимала маленький плот и относила визжащих от радости детей далеко на берег.

Гибкая Нога была так занята приготовлением из палок рамы для растягивания оленьей шкуры, что не обращала внимания на близнецов. Но когда она услышала их крики, она подошла к выходу пещеры и взглянула на берег. Когда она увидала, что они делали, она бросилась бежать вниз с утеса. Она бежала так быстро, что совсем задохнулась и, задыхаясь, на бегу кричала:

— Вы скверные, глупые ребята! Вы не должны больше делать этого никогда! Вас съест большая рыба или вы утонете, или и то и другое случится вместе, если вы будете это делать!

Близнецы подумали, что их мать очень глупа, так как они были пещерными близнецами и не знали, что неприлично думать так про мать, и они закричали ей:

— Ау, мать, мы делали это все утро и нас вовсе не съели рыбы и мы не утонули! Попробуй сама и ты увидишь, как это весело!

Но Гибкая Нога совсем не хотела этого пробовать. Она только сказала:

— Если вы будете это делать опять, вы узнаете, что случится! — и она отправилась назад к утесу.

Когда она исчезла из виду, Огненная Макушка сказал:

— Ну, давай еще раз. Она нас не увидит!

Они столкнули свой плот в воду и влезли на него. Они были как раз на самом гребне волны, когда из кустов снова вышла Гибкая Нога и поглядела на них. Близнецы испугались, когда увидели ее. Они подумали, что, может быть, им лучше бы пока оставаться подальше от берега. Они спустили вниз ноги и уперлись ими в песок, но как раз в это время подошла волна прилива и, несмотря на все их усилия, подняла их и отнесла как раз туда, где стояла Гибкая Нога. Она посмотрела на них очень сурово. И у нее в руке был прут. Она сказала:

— Я же говорила вам, что должно случиться! Вы не послушались, и мне придется вас наказать.

Потом она начала бить прутом по их голым ногам.

Может быть, вас никогда не хлестали по мокрым, голым ногам, тогда я скажу вам, что это очень больно. Огненная Макушка и Огненная Муха побежали к пещере так быстро, как только могли. Но ведь Гибкая Нога умела бегать быстрее, чем кто бы то ни было, и она бежала за ними всю дорогу и подгоняла их прутом.

Если бы кто-нибудь прошел мимо пещеры, когда ребята влезли в нее, то он мог бы подумать, что там живет цепкая стая диких кошек, — так они кричали и визжали. Гибкая Нога велела им сидеть тихо в углу пещеры, пока она будет кончать делать деревянную раму и натягивать на нее шкуру.

Под вечер пришел Соколиный Глаз и принес двух живых маленьких кроликов, которых он поймал в ловушку. Близнецы так обрадовались им, что сразу забыли обо всем, что с ними случилось.

— Можно нам оставить себе этих кроликов? — попросили они.

— Как же вы будете держать их? — сказал Соколиный Глаз. — Они ведь убегут.

— Мы их можем привязать за ноги, — сказал Огненная

Макушка.

— Мы можем нарезать палок, вбить их в землю и посадить кроликов внутрь загородки! — воскликнула Огненная Муха.

— Чем же вы нарежете? — спросил Соколиный Глаз.

— Твоим каменным топором, — ни секунды не задумываясь, ответил Огненная Макушка.

Соколиный Глаз с большим сомнением поглядел на сына.

— А если я позволю вам взять мой топор, вы уверены, что принесете его назад в пещеру? — сказал он.

— Ну, конечно! — воскликнули близнецы.

Они взяли топор и принялись делать ограду из палок. А пока Соколиный Глаз привязал кроликов к маленькому дереву около пещеры.

Когда ребята на следующий день кончили делать ограду, топора нигде не оказалось. И только через три дня его нашли под кустом, где они рубили прутья.

Пока дети были заняты устройством загородки для кроликов, Гибкая Нога рассказала Соколиному Глазу о плоте.

— Ты можешь видеть его там, на берегу, — сказала она.

— Я думаю, что с их стороны было очень умно сделать такую вещь, но, конечно, я им этого не сказала.

Пока Гибкая Нога готовила ужин, Соколиный Глаз спустился вниз к берегу и осмотрел внимательно плот. Потом он спихнул его в воду и попробовал на нем прокатиться. Он пробовал его несколько раз. Он ничего не сказал об этом близнецам, когда вернулся в пещеру, но близнецы увидели, какой чистой стала его кожа. И они поняли, в чем дело, и кивнули один другому головой.

IX

РУЧНЫЕ КРОЛИКИ И ПЕРВАЯ ЛОДКА

Лето шло. Было все время много рыбы, устриц, крабов, улиток, разных корней, дичи, ягод, диких слив и всякой

другой еды. Близнецы, их отец и мать начали толстеть.

Гибкая Нога не ходила больше на охоту, как она делала раньше. В этом не было никакой надобности, потому что Соколиный Глаз приносил домой дичи больше, чем им было нужно. Гибкая Нога оставалась в пещере, поддерживала огонь, готовила пищу, приготавливала шкуры и смотрела за детьми.

Близнецы держали кроликов, кормили их каждый день свежими листьями и корешками. Скоро в клетке появилось еще шесть крольчат.

— Мы можем сделать клетку побольше и держать больше кроликов, — сказал Соколиный Глаз. — Тогда зимой у нас всегда будет пища под рукой.

— Вот хорошая мысль! — сказала Гибкая Нога. — Дети могут кормить их.

— Да, — сказал Соколиный Глаз, — если они не будут забывать об этом.

— Я присмотрю, чтобы они не забывали, — сказала Гибкая Нога.

К июлю у них уже была большая загородка, и в ней много кроликов. Соколиный Глаз и Гибкая Нога теперь были очень богаты для пещерных жителей. У них была прекрасная пещера, много шкур и много пищи.

Гибкая Нога сделала себе из кости иглу и шивала прекрасные мягкие оленьи шкуры для одежды. Она готовилась к холодной зиме. Она даже сделала красивые ожерелья из ракушек для Огненной Мухи и для себя.

Однажды летним вечером они сидели все вместе у входа в пещеру и смотрели на луну. Гибкая Нога сказала:

— Видите, я была права, когда говорила, что водяные боги позаботятся о нас. Здесь больше нет землетрясений, у нас есть все, что мы хотим для еды, много теплых шкур и прекрасная пещера для жилья. Осталось только одно, чего бы мне хотелось. Мне хотелось бы, чтобы здесь было больше людей, чтобы было с кем поговорить.

— Я хочу, чтобы бабушка и остальные были здесь, — сказал Огненная Макушка. — Мне хотелось бы показать Длинной Ступне наших кроликов.

— А мне бы хотелось показать Реполову мое ожерелье, — сказала Огненная Муха.

— Нет ни какого толку хотеть этого, — сказал Огненная Макушка. — Ведь нас отрезала эта вода.

Соколиный Глаз, по обыкновению, не сказал ничего, но он все время думал и думал о плавающем стволе дерева, на котором близнецы переплыли реку, и о том плоте, который они сделали из двух плавающих деревьев.

Вскоре Гибкая Нога стала замечать, что, хотя Соколиный Глаз и уходит каждый день на весь день, но часто возвращается домой без добычи. Однажды она услышала стук его каменного топора, как будто он рубил дерево. Но больше она об этом не думала.

Много дней после этого она каждый день слышала стук топора. Он доносился откуда-то с бухты.

Наконец, Гибкая Нога спросила мужа:

— Что это ты делаешь своим топором? Я слышу такую стукотню каждый день.

Соколиный Глаз не сказал ей, что он делает.

— Может быть, со временем, когда я кончу, ты увидишь, — только и ответил он.

Близнецы тоже слышали стук топора, и они решили уз-нать, что делает отец. На следующий день, когда они играли позади пещеры, Огненная Муха увидала маленький столб дыма, поднимающийся из леса вблизи от того места, где ручей впадал в залив. Она слышала удары топора. Они слышались из того же места, где был виден дым. Огненная Муха показала Огненной Макушке на дым, и дети побежали по берегу к бухте.

Когда они прошли немного по берегу маленькой речки, они увидали отца. Соколиный Глаз что-то делал над стволовом большого дерева. Он сделал ствол с одной стороны почти плоским, откалывая куски дерева топором, и немного закруглил концы ствола. Теперь он выдалбливал середину ствола. Он делал это частью топором, частью выжигал ее.

Соколиный Глаз был так занят своей работой, что он не заметил, что ребята стоят рядом с ним. Наконец, Огненная Макушка воскликнула:

— Что это ты делаешь, отец?

Соколиный Глаз сразу перестал работать.

— Я пока не уверен в том, что у меня выйдет, — сказал он, — и не хочу об этом говорить. Когда я выдолблю всю сердцевину ствола, я посмотрю, будет ли дерево плавать, не перевертываясь. Может быть, я смогу влезть в него и заставить его плыть, куда мне будет нужно.

Соколиный Глаз снова принялся долбить бревно.

После этого близнецы каждый день ходили с отцом к маленькой бухточке и следили за его работой. Однажды, когда они спустились к бухте, они увидели, что отец вычищает последние щепки из выдолбленного в бревне углубления.

— Когда начнется прилив, вода поднимется и в речке, — сказал Соколиный Глаз. — Тогда я столкну свое бревно в воду и выеду по речке в залив. Если оно поплывет хорошо, то я проедусь.

— Как же ты будешь подталкивать его? — спросил Огненная Макушка. — Ты свесишь ноги и будешь болтать ими всю дорогу?

— Я буду отталкиваться шестом, — ответил Соколиный Глаз.

Шест был уже в лодке. Вода начала прибывать. Как только речка стала достаточно глубока, Соколиный Глаз столкнул бревно в воду. Оно, конечно, поплыло. Соколиный Глаз пошел около него по воде на более глубокое место. Потом он попробовал влезть на бревно. Но он слишком сильно навалился на одну сторону, бревно перевернулось и Соколиный Глаз скатился с него на животе прямо в воду. Огненная Макушка и Огненная Муха от радости даже заплясали на берегу.

Соколиный Глаз поднялся, весь мокрый, и попытался снова влезть на бревно. На этот раз он шагнул прямо в середину лодки. Он благополучно сел в нее. Лодка была еще слишком неустойчива, поэтому он положил на дно ее песко. Лодка сделалась тяжелее и уже не так стала вертеться. Потом Соколиный Глаз попытался снова влезть в лодку.

Это была торжественная минута, когда он встал в лодке, взял шест и оттолкнулся им. Лодка поплыла туда, куда он

хотел.

— Я буду держаться близко от берега и объеду кругом мыса, если я смогу, — сказал Соколиный Глаз.

Близнецы бросились бежать с берега на холм к пещере, чтобы видеть отца все время, пока он будет ехать.

Когда дети вбежали в пещеру, Гибкая Нога плела из полосок коры корзинку для ягод. По их виду мать сразу поняла, что случилось что-то необыкновенное.

— В чем дело, что с вами? — воскликнула Гибкая Нога.
— На что вы там смотрите?

— Вот на что! Вот на что! — закричал Огненная Макушка, показывая вниз на воду.

Там, совсем близко от берега, Соколиный Глаз облезжал мыс в самой первой лодке, которая когда-либо была сделана. Во всяком случае, это была первая лодка в той части земли.

Гибкая Нога была так поражена, что она не могла говорить. Она сбежала вниз по утесу, даже не по тропинке, а близнецы, прыгая и падая, побежали за ней.

Конечно, Гибкая Нога прибежала первой. Она всегда прибегала первая. И когда близнецы добежали до берега, она

уже была в лодке с Соколиным Глазом. Она действительно была храбрая женщина.

Х

ПОЕЗДКА

После того, как Гибкая Нога покаталась вволю, пришла очередь покататься и близнецам, а мать их смотрела на них с берега.

— Она еще лучше наших бревен, — сказал Огненная Машка, когда он попробовал покататься в лодке.

Они проделывали с лодкой всевозможные опыты и были так счастливы и взволнованы, что стало уже совсем темно и взошла луна, а никто из них не подумал об еде.

День за днем работал Соколиный Глаз над своей лодкой. Он изучил все ее особенности. Он даже открыл, что он может плыть и в глубокой воде, если будет грести шестом с широким концом. Он открыл это, употребляя сначала руки вместо весел. Потом он вырубил первое, неуклюжее плоское весло.

Все это отняло у него много времени, но зато он прекрасно изучил свое неуклюжее судно. Он умел держать его прямо, заставляя его идти туда, куда он хочет, и с какой угодно быстротой.

Иногда он отваживался выплыть довольно далеко в море к скалам чаек. Один раз он даже обхехал вокруг них. Он смотрел в воду и видел стаи плавающих там рыб, но он не мог поймать их.

Когда он в этот день вернулся в пещеру, он сказал Гибкой Ноге:

— Мне пришла в голову счастливая мысль. Почему бы тебе не сплести что-нибудь вроде сети из полос кожи? Я мог бы опускать ее в воду около скал и ловить в нее рыбу. Может быть, водяные боги и очень любят нас, как ты говоришь, но они не выкинули для нас ни одной рыбы на берег

со времени землетрясения. Мне хочется попытаться наловить ее.

— Это верно, — сказала Гибкая Нога. — Мы же ловим в сети кроликов, почему бы нам не ловить и рыбу?

Когда они жили в лесу, они делали крючки из костей и ловили иногда на них речную рыбу, но они не взяли с собой ни одного крючка. К тому же они всегда больше охотились, чем занимались рыбной ловлей. Теперь же, когда под рукой было море со множеством рыбы, они стали больше думать о рыбной ловле.

— Если мы сможем ловить рыбу, у нас будет под рукой больше пищи, чем нам нужно, даже если мы не будем совсем охотиться, — сказал Соколиный Глаз.

После этого разговора Гибкая Нога стала проводить день за днем, сплетая длинные полоски кожи в грубую сеть, а Соколиный Глаз делал костяные крючки для ловли рыбы. Он прикреплял их к длинным веревкам из кожи.

В августе Соколиный Глаз выучил близнецов удить рыбу в речке и учился сам прикреплять сеть между двух скал и ловить сетями рыбу, плавающую в глубокой воде.

Ничто, казалось, так не нравилось Соколиному Глазу, как выезжать в лодке в море. Он ездил вдоль берега в ту и другую сторону и скоро узнал каждую маленькую бухту, каждый пролив между островом и скалами на восточном берегу острова.

Наконец, однажды он сказал Гибкой Ноге:

— Я нагружу лодку разной едой на несколько дней и посмотрю, не сумею ли я переехать на ту землю, откуда мы пришли. Это совсем не так уж далеко. Я уже ездил в моей лодке гораздо дальше.

— Я боюсь, что ты утонешь! — воскликнула Гибкая Нога. — Что мы тогда будем делать?

— Вы сами сумеете о себе позаботиться, — сказал Соколиный Глаз. — Дети уже умеют удить рыбу в речке. У вас

есть кролики и устрицы. Вы ни в чем не будете нуждаться, пока меня не будет с вами.

— Но мы будем так одиноки! — воскликнула Гибкая Нога. — И вдруг ты никогда не вернешься назад!

— Но я же вернусь, — сказал Соколиный Глаз. — Вот увидишь.

Гибкая Нога знала, что бесполезно возражать Соколиному Глазу, и она замолчала. На следующий день она и близнецы помогали ему погрузить в лодку оленье мясо, дикие сливы и желуди. Потом Соколиный Глаз положил в лодку свое копье, каменный топор, крючки и ремни и влез сам.

Трое оставшихся дома долго стояли на берегу и смотрели, как он поплыл через пролив к далекому берегу. Они смотрели на него, пока лодка не стала виднеться вдали, как маленькое черное пятнышко. Тогда они медленно пошли к своей пещере.

За этим днем прошло много тревожных дней и ночей. Гибкая Нога опять начала сама ходить на охоту. Она брала с собой близнецов и учила их охотиться, как взрослые люди.

— Если вы выучитесь охотиться и ставить ловушки так же хорошо, как вы удите рыбу, то вы сумеете позаботиться о себе, если со мной что-нибудь случится, — сказала она.

Им не только приходилось добывать пищу на каждый день, но и нужно было начинать делать запасы на зиму. Они собирали орехи и складывали их в кучу в углу пещеры. Всегда, когда они не спали и не были заняты другим делом, они собирали хворост для костра.

Так прошел целый долгий месяц. Наконец, пришел день, когда подул резкий ветер. Он показал, что лето совсем приходит к концу.

Гибкая Нога и близнецы пошли на берег вблизи от пещеры собирать устриц для ужина. У них была с собой корзина, сплетенная Гибкой Ногой из коры. Она была уже почти

полны устрицами. Был отлив, и они бродили на некотором расстоянии от воды.

Вдруг вода начала быстро подниматься. Она поднималась так быстро, что им пришлось бежать, чтобы спастись на более высоком берегу. Они уже начали медленно подниматься на утес, когда вдруг услыхали позади себя крик. Гибкая Нога так испугалась, что у нее подогнулись колени, и она уселась прямо в корзину с устрицами!

Они посмотрели на залив и там увидели свою собственную лодку, а в ней стоял Соколиный Глаз и махал им рукой. Они видели в лодке еще три головы рядом с Соколиным Глазом, но ни Гибкая Нога, ни близнецы не могли сказать, чьи это были головы. Они оставили корзину с устрицами на краю утеса и помчались вниз к самой воде.

Когда лодка подошла ближе к берегу, они узнали бабушку, перепуганную до смерти. Она сидела на дне лодки и изо всех сил держалась за ее края руками. Позади нее сидели Черная Птица и Длинная Ступня!

В ту же минуту, как лодка подошла близко к берегу, оба мальчика выпрыгнули с ее заднего конца, чуть не перевернув бабушку, и зашлепали по мелкой воде к берегу. Они боднули Огненную Макушку в живот, дали подзатыльник и перевернули Огненную Муху, чтобы показать, как они были рады их видеть.

Когда нос лодки врезался в песок, и бабушка и Соколиный Глаз вылезли из нее, четверо ребят стали прыгать вокруг них, визжа от радости, как щенята. Даже Гибкая Нога плясала от радости вместе с ними.

Когда шум немного утих, бабушка схватила Огненную Макушку и Огненную Муху и хорошенъко их потрясла.

— Вы, маленькие красноголовые лисенята! — воскликнула она. — Вы живы, и благополучны, и толсты как кролики, а у меня все это время чуть не разрывалось сердце, потому что я не знала, что случилось с вами!

С того весеннего утра, когда близнецы тайком ушли из пещеры, прошло столько времени, что они сначала даже не поняли, о чем говорит бабушка. Они никогда и не думали о том, что она могла почувствовать, когда увидала, что

их нет.

Соколиный Глаз засмеялся.

— Я привез бабушку, чтобы она дала вам то, чего вы заслужили, — сказал он. — Она говорила мне, что возьмет палку, как только увидит вас, и начнет учить вас за то, что вы убежали, не сказав ей ни слова.

— Теперь подождите, пока я найду палку, — воскликнула бабушка. Она глядела на них очень свирепо, когда говорила это, но близнецы знали очень хорошо, что она была так же рада видеть их, как и они ее. Они схватили ее за руки и начали втаскивать ее на холм. Черная Птица и Длинная Ступня подталкивали ее сзади.

— Убирайтесь, — кричала бабушка, упираясь изо всех сил. — Я не могу бежать так быстро. Я совсем задыхаюсь.

— Мы потащим тебя, — кричали ребята, и тащили, и пихали ее, пока не привели ее, совершенно задыхающуюся, на вершину холма.

Соколиный Глаз вытянул свою драгоценную лодку высоко на берег, куда не доставал прилив, и он и Гибкая Нога медленно пошли следом за бабушкой и ребятами, неся корзинку с устрицами.

С вершины холма близнецы, Черная Птица и Длинная Ступня нырнули на скрытую тропинку, ведущую к пещере, совсем как мыши в свою норку.

Бабушка осталась стоять одна на вершине. Она не заметила, куда исчезли дети. Она слышала их голоса и видела внизу утеса тоненькую струйку поднимающегося вверх дыма. Она знала, что пещера должна быть там, но она не знала, как туда попасть.

Когда Соколиный Глаз и Гибкая Нога подошли, они повели ее за собой по маленькой зеленой тропинке, которая вела к пещере.

Когда они спустились к пещере, дети уже подложили в костер большую охапку хвороста, и пламя высоко поднималось в воздух.

— Посмотрите, — воскликнула Гибкая Нога, — даже огонь пляшет от радости, что вы приехали!

Она повела бабушку в пещеру и показала ей теплые шкуры и кучи орехов. Потом она показала бабушке, как надо готовить устриц.

Близнецы сейчас же потащили Черную Птицу и Длинную Ступню смотреть кроликов. Потом они вернулись назад и заставили бабушку пойти посмотреть на них. Когда все осмотрели все, что можно было осмотреть, стало уже темно, и Гибкая Нога приготовила настоящее праздничное угощение. У них была жареная оленина, приправленная морской солью. Потом у них были устрицы и, наконец, орехи и дикие сливы.

Когда все плотно наелись, Гибкая Нога сказала Соколиному Глазу:

— Теперь расскажи нам о твоем путешествии. Когда ты поплыл, мы долго следили за тобой с вершины утеса, пока ты стал не больше черной точки на воде. Мы не знали ничего больше о тебе, пока не услышали сегодня твоего крика. И мы так долго жили одни.

— Я скоро и без всяких приключений доехал до другого берега, — сказал Соколиный Глаз. — Потом я повернул лодку к западу. Я плыл по мелким местам вдоль берега, пока не доехал до того самого места, которое мы перешли, когда мы шли сюда. Я знал, что наша река вливается в большую воду (море) недалеко оттуда, и поэтому я поехал по первой реке, которую я нашел. Ночью я спал в лодке. В первую ночь я проснулся от воя волков. Но я только столкнулся лодку в реку, и они не могли сделать мне никакого вреда.

Два дня я плыл вверх по реке. На второй день мне стали встречаться знакомые места, а на утро третьего дня я доехал до речной тропинки как раз в то время, когда бабушка спустилась за водой.

— Да, да! — воскликнула бабушка. — Я думала, что я вижу это во сне. Лодка испугала меня. Я думала, что Соколиный Глаз мертв, и я вижу его дух. Я пустилась бежать к пещере.

— Ты думала, что мы все умерли? — спросила Гибкая Нога.

— Да, — сказала бабушка. — Я думала, что пещерный медведь или тигр растерзал вас. Вы были всегда так безумно отважны. А что касается вот этих негодников, — она хлопнула Огненную Макушку по голове, — я не знала, ушли ли они с вами или убежали тайком в лес и были съедены старым зубастым тигром.

— Ну, вот видишь, ведь стоило быть отважным и смелым! — воскликнула Гибкая Нога. Когда она сказала «отважным и смелым», она поглядела прямо на Соколиного Глаза. Она думала, что он был самый отважный и смелый человек в мире.

— Здесь, на острове, совсем нет тигров и пещерных медведей. Тут много всякой пищи. Почему другие не захотели приехать сюда тоже, когда ты рассказал им это? — спросила она мужа.

— Они все хотели ехать, — отвечал Соколиный Глаз, — но лодка не могла выдержать так много людей. Поэтому я и оставался там, пока научил их делать лодки. Длинная Ру-

ка, Большое ухо и Серый Волк — все теперь за работой, все делают лодки. Они приедут сюда весной или летом.

— Как же они найдут дорогу? — спросил Огненная Машка.

— Я им рассказал, как ехать по реке и вдоль берега морем и где переехать на наш берег, — сказал Соколиный Глаз. — Они не могут не найти нашего острова, а если они найдут остров, они не могут не найти нас. Я им сказал, что мы живем как раз в той стороне, где солнце выходит из воды.

Пока они разговаривали, стало совсем темно. Пещера освещалась только светом костра, но как раз в это время Гибкая Нога заметила светлую полосу над водой на краю света.

— Смотри, бабушка, смотри! — воскликнула она, указывая на полосу. — Мы открыли тайну солнца и луны! Они оба спят в воде!

Дети, бабушка, Соколиный Глаз и Гибкая Нога смотрели, как белая полоска становилась все ярче и ярче и, наконец, вытянулась серебряной дорожкой по воде. Они увидели, как бледная луна медленно поднималась по небу и как начали мерцать на небе звезды.

— Я думаю, что никто больше во всем мире не знает этой тайны, — сказала торжественно Гибкая Нога. — Вы видите, — здесь конец мира. И некуда идти дальше.

— Разве только можно поплыть в моей лодке, — сказал Соколиный Глаз.

— Духи воды так добры к нам, — сказала Гибкая Нога, — мы не должны слишком испытывать их. Если и есть еще тайны, которых мы не знаем, то мы не должны стараться узнатъ их.

— Со временем, — сказал Соколиный Глаз, — со временем я думаю поехать... — Но Гибкая Нога не дала ему кончить.

— Нет, — сказала она, зажимая ему рукой рот, — нет, ты никуда никогда больше не поедешь. Ты останешься здесь с нами и мы будем счастливы.

— Когда-нибудь мы-то все-таки попробуем поехать, — сказал Огненная Макушка сестре.

Огненная Муха, в знак согласия, кивнула головой.

Эрнест д'Эрвильи

ПРИКЛЮЧЕНИЯ
ДОИСТОРИЧЕСКОГО МАЛЧИКА

Илл. М. Езучевского и В. Ватагина

о-эрвилон
приключения
дописторического
мальчика

издание
Г.Ф. мириманова

МОСКВА

1929г.

Вступление

О ЧЕМ СПРАШИВАЛ ОТЦА МАЛЕНЬКИЙ ЖАН?

Однажды, во время каникул, отец прогуливался за городом со своим сыном, школьником лет двенадцати-тринадцати. Гуляли они, беседуя о различных случайных предметах — животных, растениях, камнях и тому подобном.

Проходя мимо сложенного в кучи щебня, приготовленного для утрамбовки дороги, мальчик вдруг спросил отца:

— Знаешь, папа, есть одна вещь, — я сейчас об этом вспомнил, — которую мне хотелось бы знать и которую, может быть, ты объяснишь мне.

— В чем дело, мой дорогой? — спросил отец. — Знаешь что, присядем-ка на траву, — прибавил он, — так будет куда удобнее.

— Дело вот в чем. Скажи ты мне, что делали, во что играли, чему учились, словом, чем занимались с утра до вечера, — ведь тогда, наверное, не было школ, — маленькие мальчики и девочки, жившие в старые-престарые, о! в очень древние времена... Я не вспомню сейчас, как ты их называл... Ну, словом, в те времена, о которых ты часто по вечерам разговариваешь с твоим другом Жэмсом.

— Э-э! — воскликнул отец, — вот так вопрос... Видишь ли, мой мальчик, этих древних, далеких времен, о которых

мы говорим с Жэ́мсом, было немало. Есть древняя история египтян с их мумиями и пирамидами; древняя история Индии, Персии, Китая, Греции. Такая же древняя история есть и у римлян. Скажи, о каком же из этих древних времен думаешь ты. а я постараюсь рассказать тебе о работах и играх детей того времени.

— О, нет! я совсем не об этих народах хочу знать. Мне говорили, да и ты сам не раз говоривал, что история этих времен более или менее известна, не правда ли?..

— Верно. Но тогда о каких же неизвестных людях ты хочешь знать?

— Сейчас я постараюсь тебе объяснить. Когда Жэ́мс приходит к тебе, то вы оба рассматриваете какие-то странные камни и говорите много длинных слов, которых я не упомню и не смогу повторить их теперь; камни эти, ну, как бы тебе сказать?.. Да, они напоминают немного эти камни в куче щебня, только форма у них совсем другая. Есть длинные, почти плоские и режущие, похожие на зазубренное лезвие старого ножа; есть большие и круглые, к одному концу напоминающие копченые языки. Есть и похожие на лист мясистых растений: посередине они толсты, а по краям тонко насычены зубцами. Есть и такие, что кажутся железными наконечниками стрел...

— Ага! Ты говоришь о моих «кремнях».

— Да, да, о кремнях! Твои кремни покрыты какой-то беловатой или желтоватой глазурью, вроде сахара на больших круглых пряниках. Если переломить их, то они внутри оказываются темного цвета или цвета ячменного сахара и карамели. Я видел такие в Ботаническом саду и в музеях.

— Ты хороший наблюдатель, мой мальчик, и я тебя понимаю. Но при чем тут мои кремни, мои бедные «огневые камни», как их попросту называют в деревнях, никак не пойму. Может, ты хочешь изготовить огниво или кремни для ружей?.. Хотя теперь кремневые ружья не в ходу.

— Да нет же, совсем нет. Я слышал, как ты говорил с Жэ́мсом, что эти кремни были обтесаны и выделаны давным-давно, задолго до появления всех народов, и обтесаны ручным способом с помощью камня, заменившего молот и

резец. Потом ты говорил, что эти кремни служили оружием и орудиями в то время, когда человек не знал еще ни меди, ни железа, ни многоного другого, что мы знаем теперь. Они были обтесаны дикарями древних времен бесконечно много лет тому назад, когда люди были куда более невежественны и дики, чем дикари далеких островов Тихого океана.

— Как ты все это запомнил, мой дорогой мальчик! — перебил его отец, смотревший все время на сына с улыбкой. — Это очень хорошо. У тебя прекрасная память. Да, совершенно верно, в те древние времена жили первобытные люди. И времена эти, действительно, страшно от нас далеки. Протекли они молчаливо, задолго до начала других, тоже очень и очень древних времен, но память о которых дошла до нас в преданиях, легендах и в истории. Поэтому эти «старые-престарые» времена и зовутся «временами доисторическими». Первобытные люди представляли тогда бродячие и оседлые племена — жалкие, бедные существа, более или менее сильные, более или менее ловкие и совсем, надо тебе сказать, некрасивые! Их существование было открыто сравнительно недавно, в начале прошлого столетия, благодаря случайной находке кремневых орудий, которые они с грехом пополам обтесывали и выделывали. Эти кремневые орудия были найдены в земле вперемешку с костями животных. Животные были все или очень громадны, или странны; с ними эти люди боролись и даже ели их. Большинство этих животных давным-давно совершенно исчезло с поверхности земного шара.

— Знаешь, дорогой, мне так хочется знать... Скажи, ведь были же у этих первобытных древних-предревных дикарей маленькие мальчики и девочки? Не правда ли?..

— О! конечно, мой мальчик... даже всего несколько лет тому назад в одной из пещер Франции был найден скелет девятилетнего ребенка, сына одного из этих древних «тесальщиков камней».

— Ну вот, видишь ли, я знаю, что эти «тесальщики камней», пролежавшие века в своих могилах, должны были всю свою жизнь проводить в борьбе: и днем, и ночью бить-

ся и защищаться от других дикарей, своих противников, от кровожадных зверей, укрываться от дождя, снега, холода и в особенности от постоянного голода. И мне хотелось бы знать также...

— Существование их, действительно, было ужасно! — подхватил отец.

— Я все это знаю, папа. Но мне было бы также интересно знать, что делали маленькие доисторические мальчики и девочки в то время, как их отцы и матери вели ежедневную борьбу с разными страшилищами и тяжелым трудом добывали себе пропитание. Меня эти доисторические мальчики и девочки очень занимают. Что они делали? Где их прятали отцы, здоровые и сильные, когда уходили на охоту, на войну, по своим делам в лес? А дети?.. что они говорили, где скрывались в это время?.. Вот что хотелось бы мне знать. Ведь, наверное, как интересно тогда было жить, интереснее чем теперь. Тогда жили такие удивительные животные, и потом, самое главное, наверное, тогда не приходилось так много учиться.

— Я понял тебя и постараюсь — конечно, не раньше, как пересмотрев мои книги, — рассказать тебе обо всем коротко, но так, чтобы тебе было понятно. Только не сейчас — не сегодня и даже не завтра. Потому что над твоим вопросом надо поразмыслить. Через несколько дней я с удовольствием расскажу тебе, разумеется, вкратце, что писали об этом люди науки. И я надеюсь, что, если мой рассказ и не совсем удовлетворит, то, во всяком случае, покажется тебе любопытным и даже... увлекательным настолько, конечно, насколько может быть увлекательна история нескольких доисторических Робинзонов. И ты увидишь, что жить тогда было даже мальчикам и девочкам гораздо труднее. А учиться приходилось им не только не меньше, а гораздо больше.

Затем отец и сын встали; разговор перешел на другие предметы, и, взявшись друг друга под руку, они продолжали прерванную прогулку, как старые друзья.

Через неделю Жан получил от отца несколько исписанных листков и тотчас принялся за чтение.

Мне тоже было разрешено пробежать эту рукопись. Ко-

гда я кончил читать, мне пришло в голову, что ряд картин и рассказов о старых-престарых временах, из которых состояла эта рукопись, пожалуй, мог бы доставить маленьким читателям приятное развлечение, при условии, если сборник этот будет снабжен несколькими рисунками. И вот теперь этот план мой и это желание осуществлены.

Теперь, мои дорогие читатели, и вы можете так же легко, как и Жан, узнать, что и как ответил отец на вопрос своего сына, когда написал для него «Приключения маленького доисторического мальчика во Франции». Вам стоит только прочесть эту книгу.

Глава I

ЖИЛИЩЕ РЕБЕНКА

На берегу реки

В холодное, пасмурное и дождливое утро на берегу необычайно широкой реки, которая волновалась и шумела, как океан, сидел маленький девятилетний мальчик. Река быстро мчалась вперед и крутила в своих быстрых желтых волнах гигантские деревья, разные растения, тяжелые камни и громадные пловучие ледяные глыбы.

Мальчик был один. Он присел на корточки перед связкой только что нарванного тростника. Его крошечное тельце было вовсе нечувствительно к холоду. Ужасающий шум и грохот льдин совершенно не обращали на себя его внимания.

По обе стороны свирепого водного потока, отлогие берега которого густо поросли с двух сторон тростником, вздымались как бы высокие белые стены, прорезанные поперек бесконечными линиями черных и рыжих точек. Это были крутые откосы меловых холмов. Они терялись где-то вдали, в туманном и голубоватом сумраке, и сплошь поросли дремучими лесами, без дорог и тропинок. Леса состояли из гигантских сосен и елей, вековых орешников, берез, дубов и вязов.

Где жил ребенок

Недалеко от мальчика, на скате холма, за его спиной, чуть повыше того места, где река омывала холм, зияла черная дыра, точно громадная разинутая пасть.

Дыра эта была дверь, а также окно и печная труба обиталища, в котором жил мальчик. Это была глубокая есте-

ственная пещера. В ней он и родился всего девять лет тому назад. И в этой же пещере еще предки его предков, как ему рассказывали, принуждены были некогда укрываться в течение целого ряда сырых и холодных годов, сменивших такое же бесконечное знойное лето.

Пещера имела всего только один выход. Через него и входили и выходили ее суровые обитатели; через него они получали воздух и свет; через него же вырывался наружу дым очага, на котором старательно и днем и ночью поддерживался огонь.

От зияющего отверстия, спускаясь вниз, нагромождены были друг на друга громадные камни, образовавшие нечто вроде лестницы.

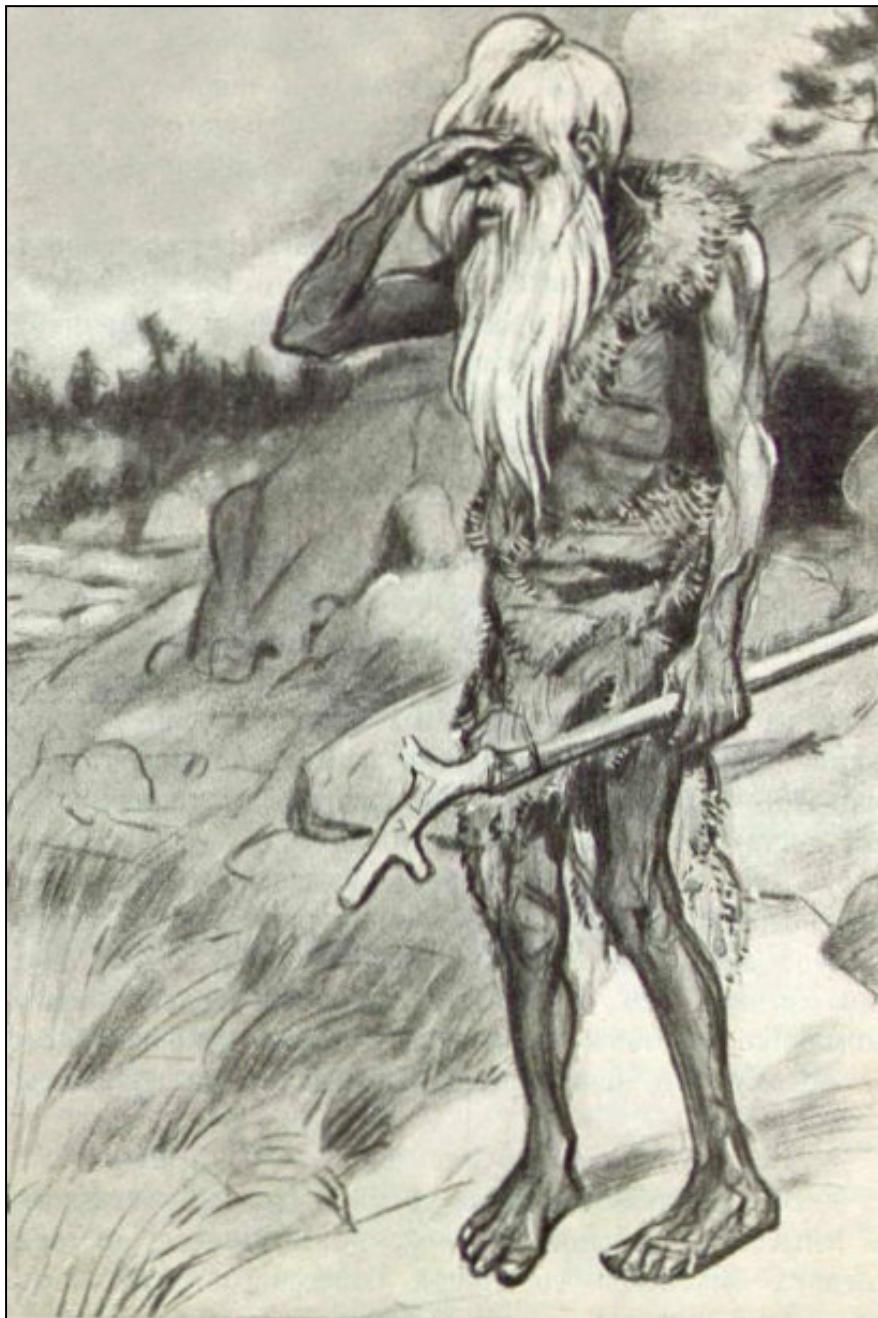
Прапородитель

На пороге пещеры появился высокий, сухой старик с темной, точно выдубленной кожей. Он был весь в морщинах. Его длинные седые волосы были приподняты и связаны пучком на верху головы. Мигающие красные веки были воспалены от едкого непрерывного дыма, наполняющего пещеру. Старик поднял руку и, прикрыв ладонью глаза над густыми нависшими бровями, вглядывался по направлению к реке.

Затем издал короткий, хриплый звук, похожий на крик испуганной хищной птицы:

— Крак!

Крак было имя ребенка со связкой камыша. Он получил это имя, потому что с самого детства проявил способность захватывать ночью заснувших в гнезде птиц, которых и приносил с торжеством в пещеру вместе с яйцами или птенцами. За такие успехи его награждали иногда за обедом изрядным куском сырого костного мозга — почетного, избранного блюда, обыкновенно приберегаемого для старейшин и отцов семейств.

В первобытные времена не было ни фамилии, ни тем более имен. Самое большее, что семьи и отдельных лиц различали по кличкам и прозвищам, имеющим какое-нибудь отношение к физическим качествам данной семьи или лица.

Крак, услыхав свое имя, которым он гордился, потому что оно напоминало ему о егоочных подвигах, вскочил и с невероятной быстротой подбежал к старику, захватив связку камыша.

Добежав до лестницы, он положил свою ношу и, подняв в знак почтения руки ко лбу, произнес:

— Я здесь, о Старейший! чего ты от меня желаешь?

— Дитя, — ответил стариик, — все наши ушли еще до зары в леса на охоту за северными оленями и широкорогими быками. Они вернутся только к вечеру, потому что — запомни это! — дождь размывает и стирает следы, топит и уносит запах, оставляемый животными во мхах, смывает шерсть, которую они оставляют на коре деревьев, и нашим придется много потрудиться, прежде чем они встретят добычу. Значит, весь этот день наш. Оставь твой тростник. У нас достаточно древков для стрел, зато скоро не будет каменных наконечников, а также хороших и острых каменных осколков, потому что наши резцы обточились, зазубрились и обломались.

— Что ж ты повелиишь мне делать, о Старейший?

— Вы с братьями пойдете со мной вдоль Белых Холмов. Мы запасемся кусками кремней, обвалившимися во время последних оттепелей со стенок берегового утеса. Там я открою тебе секрет их обтесывания. Уж пора, Крак! Ты вырос, в тебе довольно сил, и ты теперь достоин носить оружие, сделанное собственными руками. Обожди меня, я пойду за детьми.

— Слушаю и повинуюсь, — ответил Крак, преклоняясь перед стариком и сияя от сдержанной радости.

Стариик назвал Крака красивым, большим и сильным, наверное, чтобы возбудить в нем соревнование, потому что на самом деле Крак был мал, даже очень мал, и притом худ так же, как и его прародитель.

Лицо его было широко и покрыто красным загаром: надо лбом торчали жиidenькие рыжие волосы, жирные, страшно спутанные, засыпанные пеплом и всяkim сором. Он был очень некрасив, этот жалкий первобытный ребенок. Зато глаза его, глубоко запавшие, были полны жизни и блестели пробуждающимся умом.

Он нетерпеливо стремился поскорее двинуться в путь и ударял широкой ступней с большими пальцами о землю, а всей пятерней сильно тянул себя за губы, как и теперь еще делают африканские негры в минуты сильных душевных волнений.

Но вот прародитель появился и спустился по высоким каменным ступеням с быстротой, удивительной для его преклонных лет. За ним шла целая орда мальчуганов-дикарей. Все они, как и Крак, были чуть прикрыты от холода жалким плащами из звериных шкур.

Братья Крака

Самый старший из них — Гель. Ему уже пятнадцать лет. В ожидании достославного дня, когда охотники возьмут его с собой, он успел прославиться, как несравненный рыболов. Под руководством прародителя он научился вырезать из раковин острием кремневого осколка острые удочки, всегда убийственные для рыб. При помощи самодельного гарпиона, снабженного на конце обломком кости с тончайшими зубцами, он настигал в водяной глубине даже громадных лососей.

За ним шел Рюг-большеухий. О нем можно было бы сказать, что у него слух и нюх собаки, если бы в то время, когда жил Рюг, собака с ее качествами, так хорошо нам знакомыми, не была еще совершенно неизвестна.

Рюг по запаху узнавал, где в частром кустарнике созрели плоды и где показались из-под земли молодые грибы; он распознавал деревья с закрытыми глазами по шелесту их листьев. Оба мальчика гордо выступали вперед, а за ни-

ми с серьезным видом и молча следовали другие мальчи-
ганы.

Праородитель подал знак, что пора двинуться в путь, и
сам стал во главе детской группы, — словно нынешний
учитель, отправляющийся с учениками на прогулку.

Только маленькие спутники старика, — подробность, от-
личающая их группу от групп современных школьников,
отправляющихся на загородную прогулку, — несли все не-
что в роде мешков, грубо сплетенных из узких полосок дре-
весной коры, и держали в руке кто короткую палицу с тя-
желой головкой, кто копье с каменным наконечником, кто
нечто вроде головки молота из темного камня со следами
долгой полировки от трения в выбоине скалы, наполнен-
ной песком и водой.

Они шли тихо, ступая легко, бесшумно, так как твердо
помнили наказ Старейшего и своих отцов о необходимости
научиться к тому времени, когда придет и их черед ид-
ти в безмолвные леса на охоту, привлекать по возможнос-
ти меньше внимания дичи и незнакомых злых грабителей.

Матери подошли к выходу и с доброй улыбкой смотре-
ли им вслед.

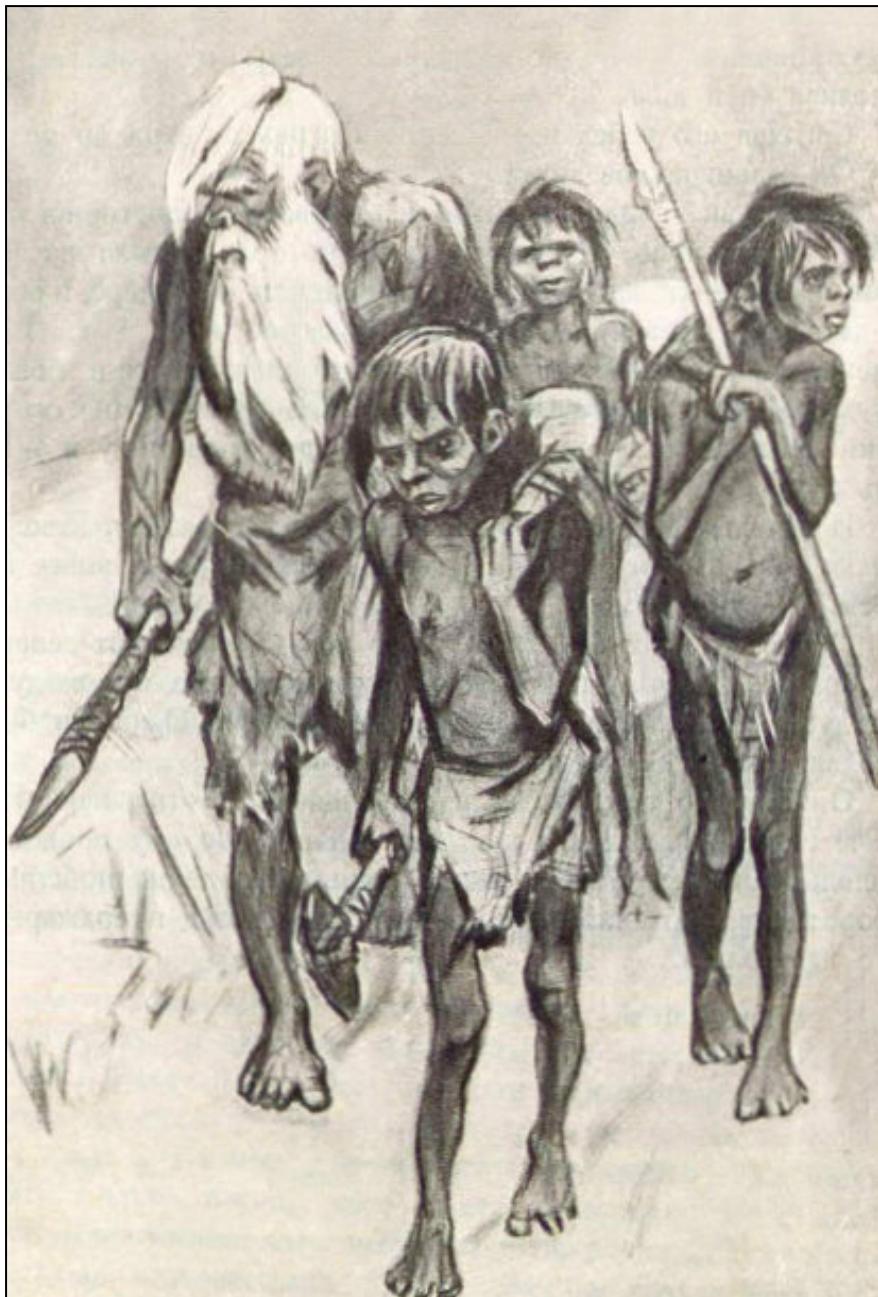
Кроме матерей, провожали мальчиков еще две девоч-
ки, стройные и высокие — Маб и Он. Они смотрели с зави-
стью вслед мальчикам.

Ожо — хранитель огня

А в самом дымном обиталище Крака и его семьи, ря-
дом с горящим огоньком, который слабо потрескивал в
центре огромной кучи пепла и потухших углей, стоял на ко-
ленях совсем крошечный представитель первобытного чело-
вечества.

Это был самый младший из мальчиков, по имени Ожо.

Тяжело у него на сердце; порой из его впалой грудки
вырывался тихий вздох: как жаль, что ему нельзя было пой-

ти со Старейшим. Но он сдерживал слезы и мужественно исполнял свои долг.

Сегодня его черед поддерживать огонь от зари до ночи.
Он — доверенное лицо!

Мальчуган гордился этим и старался с достоинством нести ту большую ответственность, которая выпала на его долю. Огонь — самая большая драгоценность в пещере, если он даст ему погаснуть, его ждет ужасное наказание. Вот почему, едва мальчик замечал, что пламя уменьшается и грозит потухнуть, как он начинал быстро подбрасывать на огонь ветки смолистого дерева, чтобы снова дать огню пищу и оживить его.

И если глазки Ожо порой наполнялись слезами, заволакивающими зрение, то эти слезы вызваны были вовсе не горем, а едким дымом.

Скоро он и думать перестал о том, что делают теперь его братья. Он был занят совсем другими думами и, пожалуй, эти думы еще больше удручили маленького Ожо: он был голоден, а ведь ему всего шесть лет!..

Он думал о том, что если старейшины и отцы вернутся нынче вечером из лесу с пустыми руками, то ему придется удовольствоваться вместо ужина одним или двумя побегами папоротника, сорванного много дней тому назад и поджаренного на угольях.

Глава II

ОДИН ИЗ ДНЕЙ ПЕРВОБЫТНЫХ ВРЕМЕН

Скудные находки

Если Ожо голоден, то и братья его были голодны не меньше его. Пожалуй, даже больше, благодаря ходьбе и ветру. Старейший всю дорогу шепотом и разными знаками объяснял им, как различать на берегу реки водяные растения, мясистые корни которых могут кое-как наполнить голодный желудок в зимнее время, когда нет мяса. И от этих уроков и рассказов у маленьких путников являлось страстное желание украдкой сорвать и проглотить те изредка попадающиеся дикие ягоды и плоды, которые каким-то чудом уцелели в кустарниках, нетронутые морозом.

Но им строго наказано еще с самого раннего детства приносить в пещеру все, что бы они ни нашли, будь то плоды или годные в пищу животные. Они привыкли, что только там, в пещере, после осмотра старшими, добыча делится между всеми, поэтому они пересиливали искушения голода и опускали в мешок все, что бы ни нашли по пути.

Увы! С тех пор, как они покинули пещеру, им удалось найти только восемь или десять маленьких сухих яблок, несколько тощих полузамерзших улиток да серую змейку, не толще человеческого пальца. Змейку нашел Крак. Она спала под камнем, который он перевернул. У Крака была привычка, куда бы он ни шел, всегда переворачивать все камни по дороге, которые были ему под силу.

Но если съестных припасов встречалось мало, то кусков кремня в форме больших желваков валялось пропасть у подошвы холмов. Мешок мальчуганов сильно потяжелел. Самые маленькие тащились, совсем согнувшись под своей ношей. Но они всеми силами старались скрыть усталость, так как знали, что старшие, привыкшие молча переносить страдания, встретят их жалобы презрением.

Дождь с мелким градом шел без перерыва все время. Крак шел, весь поглощенный мыслью, что скоро он станет, быть может, великим и славным охотником, полезным членом семьи и будет носить настоящее оружие, а не маленькую детскую палицу. Пот градом катился с него, да и не мудрено: он тащил два большущих кремневых желвака.

За ним шли, сдвинув брови, Гель и Рюг; их разбирала досада. Оба они ничего не нашли за всю дорогу, ничего не подбрали, точно насмех. Хоть бы рыбешку какую-нибудь нашли или гриб. А то только отыскали какого-то заморенного паука, такого же, как и они, голодного, который сидел в своей темной норе.

Остальные брели в беспорядке, еле волоча ноги и как-то съежившись и поникнув головой. Дождь давно сбежал с их растрепанных волос и струился по щекам.

Доисторический завтрак

После длинного перехода Старейший дал, наконец, знак для остановки.

Ему тотчас же повиновались.

— Вот там, под навесом скалы, около берегового утеса, есть хорошее сухое местечко для отдыха, — сказал он. — Садитесь! Будем есть! Откройте ваши мешки!

Кто лег, кто присел на корточки на песок, предоставив место под навесом, лучше всех защищенное от дождя, Старейшему.

Крак показал прародителю содержимое всех мешков и почтительно поднес ему маленькую змейку, которую нашел. Ему казалось, что уж этот-то лакомый кусок, о котором сам он и мечтать не смел, мог съесть только прародитель.

Но старик тихонько оттолкнул протянутую руку ребенка со словами:

— Это вам! Что до меня, я предпочитаю жевать корни, когда у меня нет жареного мяса. Я к этому давно привык: так делали и мои отцы. Посмотрите на мои зубы, — по ним

вы увидите, что я с самых ранних лет пережевывал либо сырое мясо, либо сырье волокнистые и клейкие растения. Во времена моей молодости, дети, огонь, прекрасный огонь, огонь-друг, который мы должны чтить, иногда совсем исчезал из наших стоянок под деревьями, на берегу рек, выступивших из берегов. Часто целыми месяцами, а то и годами отцы и я, лишенные огня, натруждали свои крепкие челюсти, перетирая в тесто сырую пищу, которую мы ели в том виде, в каком ее находили. Впрочем, довольно разговоров. Кушайте, дети. Пора!

И дети с жадностью набросились на скучный запас, который им раздал прародитель.

После этого жалкого, быстро уничтоженного завтрака, который очень немного утолил голод путешественников, старик приказал детям отдохнуть.

Они сейчас же поплотней прижались друг к другу, чтобы лучше согреться, и сразу заснули тяжелым сном.

Работа Старейшего

Что касается Крака, то надежда, что скоро с ним будут обращаться, как с настоящим взрослым юношем, совсем не дала ему сомкнуть глаз. Лежа, не шевелясь, в своем уголке, он украдкой, с глубокой любовью и даже с некоторым страхом наблюдал за стариком. Ведь прародитель столько пересвидал на своем веку, столько знал таинственных и чудных вещей.

А старик между тем, задумчиво пережевывая корень, внимательно, зорким и опытным глазом осматривал один за другим куски кремня, лежавшие около него.

Крак тщательно запоминал каждое его движение.

Он видел, как старик выбрал один из кремней, круглый и длинный, похожий на огурец, затем зажал его между ногами, подтянув их к себе.

Когда камень очутился стоймя в крепких зажимах этих странных природных тисков, старик взял обеими руками

другой, более объемистый, и ударил им несколько раз слегка и осторожно по закругленному острию кремня. Затем, сразу навалившись всей тяжестью тела на этот грубый молот, он двигал им по всем направлениям с такой силой, что жилы на его лбу вздулись и напряглись, а из боков кремневого куска летели длинные осколки различной ширины, похожие на продолговатые полумесяцы, с одного края толстые и шероховатые, с другого — тонкие и очень острые. Они падали и рассыпались по песку, словно лепестки большого увядшего цветка.

Эти осколки, цвета дикого меда, прозрачные, резали не хуже наших стальных ножей, только были непрочны. Их приходилось очень часто менять.

У Крака невольно вырвался крик удивления и восхищения.

Теперь он видел собственными глазами один из способов изготовления ножей и наконечников для копий и стрел.

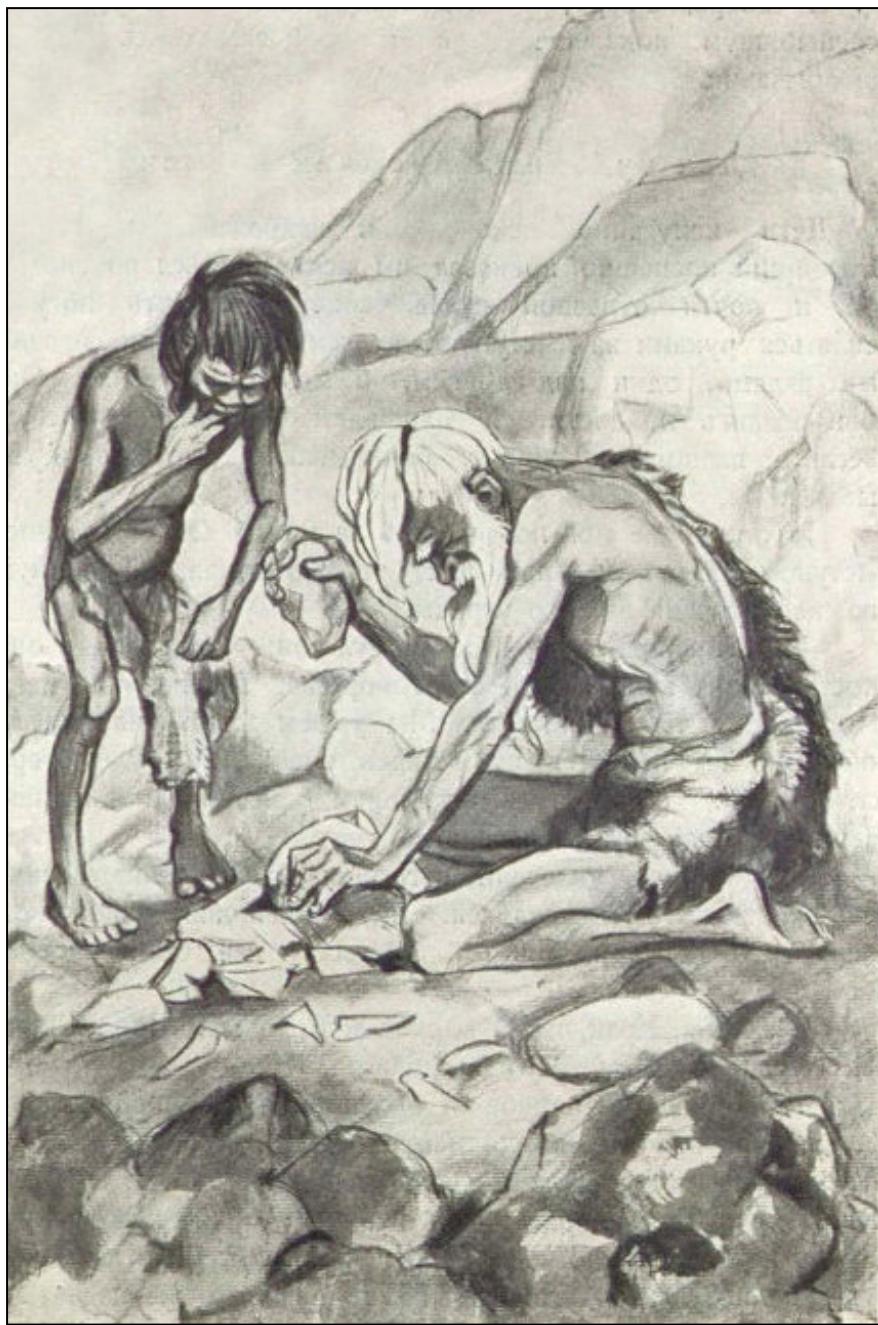
Старик не обратил никакого внимания на возглас ребенка. Собирая острые лезвия, только что им искусно сработанные, он вдруг насторожился и быстро повернул голову к реке. На лице его отразились сперва удивление, потом такой ужас, какого Крак еще никогда не видел на этом невозмутимом и гордом лице.

Страх невольно охватил Крака, несмотря на весь его молодой пыл и задор. Однако он попытался оставаться спокойным и тоже, как старик, насторожился, схватившись руночкой за палицу.

С севера, с верха реки доносился какой-то страшный, неясный шум, пока еще далекий; порой слышались ужасающие рычания.

Два чудовища прежних времен

Дети испуганно вскочили и задрожали от страха. Старейший поспешил приказать им вскарабкаться по скользкой и почти отвесной скале, советуя ставить ногу и цепляться ру-

ками за выступающие камни и кремни, врезанные рядами, один над другим, в меловых стенах. Они повиновались и, достигнув площадки на половине высоты, улеглись плашмя на живот, облизывая в кровь ободранные пальцы.

Но старики не мог последовать за ними. Он остался под выступом скалы. И Крак тоже упрямо отказался покинуть его, несмотря на все его угрозы.

— О прародитель! — воскликнул он. — Неведомая опасность грозит нам, как ты сам говоришь. Ты любишь меня. И я не хочу тебя покинуть. Мы умрем вместе или вместе победим. Ты непоколебим и силен, значит, ты будешь сражаться, а я... — если оттуда идут к нам дурные люди или дикие звери, — я прокушу им печень.

Пока Крак с увлечением говорил свою воинственную речь, грозный шум усилился. Было очевидно, что он приближался с каждой минутой к месту, где были ребенок и старики.

— У тебя, Крак, глаза зоркие и молодые. Посмотри на реку, туда к северу. Что видишь ты?

— Небо совсем черное от больших птиц. Они кружатся. Наверное, их злобные крики и пугают нас.

— А на воде ты ничего не видишь? Посмотри еще раз. Птицы кружатся над рекой, значит, они сопровождают какую-нибудь плывущую по реке добычу, выжиная, когда можно будет на нее накинуться безнаказанно. Но кто же издает это страшное рычание? Это не могут быть птицы. Дай, я подниму тебя, — взгляни еще раз.

Но и на руках у Старейшего Крак напрасно всматривался в даль.

— Что видите вы, мальчуганы, оттуда сверху? — крикнул старики детям, лежащим в безопасности на скале над его головой. — Говори ты, Рюг.

— Мы видим, — ответил мальчик, — далеко посреди воды на белом поле какую-то черную массу. Но что это, сказать не можем. Черная масса шевелится.

— Хорошо, Рюг. Не черный ли это широкорогий бык? Положим, — прибавил старики про себя, — зубры стали редки в наших местах, однако их еще можно встретить.

— Нет, это чудовище больше широкорогого быка, — воскликнул Рюг.

— О прародитель! — вскричал Гель, — теперь не одна, а две черных массы шевелятся, и белое поле местами — красного цвета.

— Я их вижу теперь! Я их вижу, о отец! — стремительно подхватил Крак, побледнев и дрожа всем телом. — Там два зверя, и оба необычайной величины. О отец! Они оба на льдине, которая больше всей нашей пещеры. Они не двигаются. О отец! Они сейчас проплынут перед нами. Вот, смотри! Мы погибли!

Старейший поставил Крака на землю и жадно впился глазами в даль.

И старый охотник увидал зрелище, которое наполнило душу его леденящим ужасом, несмотря на всю его храбрость и презрение к смерти. Крак и остальные дети невольно плали и дрожали от страха.

На пеняющихся волнах, шум которых сливался с оглушительным криком бесчисленного множества хищных птиц, неслась ледяная глыба чудовищной толщины и объема. Глыба несла, кружась на волнах, чудовищного слона-мамонта, непомерных размеров, с длинной гривой и развеивающимся хвостом. Задние ноги чудовища попали в трещину льда, словно в западню.

Чудовище стояло почти стоймя на своих задних ногах; изогнутые клыки были подняты кверху, а из хобота, торчавшего, словно мачта, бил к небу непрерывный кровавый фонтан. Все тело его было залито этой кровью, бившей также из пронзенного брюха, и зверь рычал и ревел в предсмертной агонии. А рядом лежал гигантский косматый носорог, пронзивший своим рогом брюхо мамонта, лежал недвижно и безмолвно, удушенный насмерть.

В тот момент, когда эта ужасная группа, несомая на окровавленной льдине, проплыvalа мимо Старейшего, гигантский слон свалился на труп своего побежденного врага, испустив последний предсмертный крик.

И земля потряслась от этого крика. Эхо долго-долго повторяло его, а хищные птицы, испуганные, пораженные

ужасом, на мгновение замерли и приостановили свое ожесточенное преследование.

Но затем с новой яростью бросились они на приступ ледяного плота, на котором покоилось теперь два гигантских трупа. Коршуны и орлы, наконец, спустились на добычу.

Глыба льда исчезла из виду, унося трупы страшных зверей. Стариk обтер рукой суроvое лицо, облитое потом, и позвал своих маленьких спутников.

Стучали зубами, еле волоча дрожащие ноги, не будучи в состоянии произнести ни звука, бедняжки спустились к старику, руку которого все еще судорожно сжимал Крак.

После пережитого волнения было, конечно, уж трудно перейти к задуманным работам. Урок выделки кремневых орудий был отложен, и все угрюмо и как-то неуверенно двинулись обратно к пещере.

Дети поминутно оборачивались и смотрели назад. Им все слышался шум летевших птиц, чудилось, что их настигает один из тех прожорливых зверей, которые сопровождали мертвого мамонта и носорога.

Но мало-помалу они успокоились, и Крак, улыбаясь, сказал на ухо Рюгу:

— Ожо был так печален, когда мы уходили сегодня утром. А вечером, пожалуй, порадуется, что ему привелось остаться сегодня хранителем огня, — по крайней мере, ему не пришлось пережить нашего ужасного страха.

Но Рюг покачал головой и возразил:

— Ожо смелый; быть может, он, наоборот, пожалеет, что не видал такой удивительной борьбы.

Глава III

ПОСТОЯННЫЙ ВРАГ

Голод

Дети без помехи вернулись домой до ночи.

После страшного приключения, — рассказ о котором заставил дрожать матерей и плакать маленьких сестер Маб и Он, — родимая пещера, жалкая и дымная, показалась детям райским уголком.

Здесь они чувствовали себя вполне счастливо, очутившись в безопасности. Рядом с ними были матери, вскормившие их своим молоком, кругом поднимались крепкие каменные стены, а великий и добрый друг-огонь нежно ласкал и обвевал их своей теплотой.

Но хотя огонь и побеждает холод и пугает диких зверей, он бессилен защитить обитателей пещеры от нападений другого смертельного врага, который их вечно подстерегает.

Этот постоянный враг, который всегда стоит настороже и страшно мстит, когда обитатели пещеры перестают с ним бороться либо по своей непредусмотрительности, либо по лености, — этот вечный враг всегда и во все времена был врагом жизни.

Имя этому неумолимому врагу, этому жадному тирану, который даже и в наши дни продолжает свои опустошительные набеги на землю и убивает людей тысячами, имя ему — голод.

Вот уже прошло четыре долгих дня с тех пор, как дети вернулись в пещеру, а охотники — деды и отцы — все еще были в отсутствии.

Не заблудились ли они в лесу, несмотря на свою опытность? Или, быть может, их охота была бесплодна, и в отчаянии они напрасно рыскают до сих пор по лесу? Никто не мог ответить на эти вопросы. Впрочем, и прародитель, и

матери, и дети привыкли к таким долгим отлучкам отцов. О них и не очень-то беспокоились бы, — так все были уверены в их силе и ловкости, в их военной хитрости и находчивости, — если бы в пещере был запас пищи.

У первобытных людей во время таких долгих и томительных ожиданий возвращения родных не сердце болело и надрывалось, а желудок.

Небольшой остаток от прошлой охоты, — полуиспортившийся кусок оленины, — был съеден еще в первые дни.

Из дичины, даже протухшей, ничего больше не осталось; приходилось приниматься за наиболее свежие шкуры из тех, что были отложены для одежды.

Суп давно прошедших времен

Вооружившись маленьким кусочком овального и почти плоского кремня, тонкие края которого, искусно и осторожно обитые с помощью другого, более твердого камня, имели вид скребка, женщины грубо соскабливали шерсть и отделяли жилки с тяжелых шкур. Затем они разрезали приготовленные таким образом кожи на небольшие куски. Эти куски, еще покрытые кое-где кровью, вымачивали в воде и затем варили до тех пор, пока они не превратились в густую клейкую массу, которая и была съедена с удовольствием.

Этот ужасный суп был, к тому же, сварен без горшка. Ведь первобытные охотники в течение долгих веков не знали глиняной посуды.

Первобытные люди кипятили воду, налив ее в искусно сплетенный мешок из древесной коры, который, само собой разумеется, нельзя было ставить на горячие уголья; но люди остроумно придумали бросать прямо в воду несколько раскаленных на огне камней. Вода таким образом согревалась, но становилась мутной и грязной от золы.

Что касается овощей, то в те времена они или совсем не существовали, или были неизвестны, в особенности в том

виде, в каком видим мы их теперь. Много усилий, целые века потребовались на то, чтобы благодаря различным усовершенствованным способам обработки научиться выращивать современные овощи.

Матери, забыв собственные страдания, с грустным озлоблением прислушивались к глухим стонам детей, свернувшихся в комочек на теплой золе, пока они приготавливали им эту клейкую животную кашицу.

Несколько найденных корней, с трудом вырванных из замерзшей земли, были быстро съедены.

Гель принес рыбу отвратительного вида, но ему удалось поймать только такую, проткнув ее острогой. Эта добыча, признанная великолепной, была тотчас же разделена и буквально проглочена, — рыбу даже не потрудились поджарить на угольях. Но рыба была небольшая, а голодных ртов было много. Каждому досталось только на один глоток.

Семейный очаг Крака

Тогда прародитель решил раздать всем какую-нибудь работу, чтобы хоть чем-нибудь отвлечь и занять внимание каждого, измученного невыносимыми страданиями.

Жилище родителей Крака имело вид обширного погреба, почти круглого и сводчатого, вырытого некогда волдами в толще мягкой горной породы. Эта пещера сообщалась отверстиями с другими, более мелкими пещерами. С каменного потолка повсюду свешивались сталактиты*, похожие на длинные белые рога. Вдоль стен пещеры, служившей главной комнатой, на грязной, покрытой нечистотами земле были навалены кучи сухих листьев и мха, при-

---

* Сталактиты или капельники — натечные конусообразные образования, опускающиеся наподобие ледяных сосулек с потолка некоторых пещер (Здесь и далее прим. из первоиздания).

крытые кое-где лохмотьями звериных шкур. Это постели семьи.

Посреди пещеры лежала глубокая и большая куча пепла и сальных потухших углей: с краю она была теплая, жар же находился только посередине: из нее вырывались небольшие языки пламени, на которые Крак, дежурный хранитель огня, беспрестанно подбрасывал хворост, вытягивая его из близлежащей связки.

К пеплу и углям очага примешивались всевозможные весьма непривлекательные объедки и грязные отбросы. Кости, расколотые в длину, из которых был вынут мозг после того, как их обгладали. Сосновые шишки, обуглившиеся раковины всех родов и видов. Круглые камни, пережеванная кора, рыбьи кости, зубы, куски кремня разной обделки и формы в большом количестве.

Эти обломки кремней были остатки обеденных «ножей» и других орудий, пришедших в негодность, — что случалось очень часто ввиду их непрочности и несовершенства. Они небрежно были брошены в отбросы.

Первобытные люди, сидевшие на корточках или на коленях вокруг очага, который служил им и кухней и столом, и не подозревали, что когда-нибудь остатки их обедов, их затупившихся или сломанных орудий, будут старательно собираться, покупаться чуть не на вес золота и выставляться в великолепных залах музеев, например, в Сен-Жерменском замке*.

Эти древние дикие не подозревали, конечно, что их следы, сохранившиеся в некоторых местах от разрушения, являются когда-нибудь неопровергимыми свидетелями их жалкой и скучной жизни.

Что касается обстановки пещеры, то ее, можно сказать, совсем не было. Из домашней утвари было несколько широких раковин от съедобных улиток, несколько плетеных мешков из коры или тростника, да, пожалуй, еще старин-

---

* Сен-Жерменский замок на реке Сене в Париже, роскошный замок времен Франциска.

ные чаши, которые переходили по наследству из семьи в семью и были не чем иным, как половинками кокосовых орехов.

Зато оружия было вволю, и оружия страшного, впрочем, очень грубо сделанного. В пещере был обильный запас как годных, так и негодных к употреблению копий, дротиков, стрел. Все стрелы были с острым каменным наконечником, прикрепленным с помощью или растительного клея, или древесной и горной смолы, или жил животных. Много было костяных кинжалов, отростков оленых рогов и самих рогов оленей и быков, палиц, зубчатых палок с насаженными на них клыками животных, каменных топоров без рукояток, кремневых резцов всякой величины, наконец, круглых камней для пращи*.

Ни животных, ни хлеба...

Но домашнего животного не было ни одного, ни у очага, ни среди детей. Ни собаки, ни кошки, ни курицы, — ничего. Дикие животные еще не были тогда приручены человеком для его удобства, для того, чтобы иметь всегда под рукой и без излишней затраты сил те запасы, какие мы получаем от нашего домашнего скота, и ту помощь при работе и охоте, какую мы имеем в лице собаки и лошади.

Лошадей зато много и охотно ели, — вернее, впрочем, не лошадей, а тех четвероногих, теперь исчезнувших с лица земли, которые были предками наших лошадей и осла.

Крак не видал и никогда не пробовал ни коровьего, ни козьего молока.

И никто в эту эпоху, о которой идет наш рассказ, не видал и не знал, что такое колос ржи или ячменя.

Никто, даже сам Старейший.

---

* Праща — первобытное метательное орудие; служит для метания камней при помощи веревки или ремня.

Быть может, он еще и встречал там и сям по равнинам во время былых странствований высокие, совершенно незнакомые ему растения, свежий колос которых он растирал руками, пробовал есть и нашел вкусным. Весьма возможно, что он сообщил о таком открытии и своим спутникам, и те тоже последовали его примеру.

Однако, понадобились века и века, прежде чем потомки его пришли, наконец, путем собственного опыта, подкрепленного отцовскими преданиями, к убеждению, что следует собрать и перенести семена этих высоких растений поближе к жилищам, посеять и собрать побольше этих зерен, приятных на вкус и питательных.

В жилище Крака не было ничего, даже в дни избытка и довольства, что напоминало бы хлеб или кашу из какого-нибудь хлебного растения.

Работа обитателей пещеры

Обитатели пещеры дошли до такого изнурения, что начали голодать уже обглоданные раньше и брошенные в золу кости. Более того, Старейший распорядился, чтобы Рюг-большеухий собрал и эти последние начисто обглоданные кости и истолок их в углублении камня. Когда эта темная мука была готова, Рюг, вооружившись каменным скребком, принялся соскребать горькую обуглившуюся кору с побегов папоротника, остатков запаса, сделанного маленьким Ожо.

Девочки, Маб и Он, стойко, без жалоб и стенаний переносившие голод, получили приказание сшить рваные меха, которые служили запасной одеждой семьи.

Одна из них прокалывала аккуратно дырочки в разорванных краях жирных шкур костяным шилом, а другая продевала в эти дырочки вместо нитки жилы и сухожилия животных с помощью довольно тонкой иглы, тоже костяной, совсем похожей на наши штопальные иглы. Эта трудная и медленная работа вполне поглотила их внимание и

заставила моментально забыть судороги, вызванные долгим голоданием.

Прочие дети, по совету Старейшего, поправляли оружие и учились применять к делу даже самые маленькие кремневые осколки, изготавляя из них наконечники стрел.

Ожо, несмотря на суровую погоду, был отправлен на поиски за желудями.

Работа вряд ли благодарная, потому что, когда земля покрывалась снегом, голодные кабаны тоже выходили на поиски желудей и являлись опасными конкурентами человека.

Но Ожо не боялся встречи с ними. Он так же ловко лазил по деревьям, как и его друг Крак, и сумел бы вмиг вскарабкаться на ветви в случае опасности.

Впрочем, время от времени Рюг-большеухий выходил приглядеть за ним.

Рюг взбирался по тропинке, которая поднималась зигзагами от пещеры к вершине холма, и издали ободрял маленького братишку, в то же время прислушиваясь к шуму, доносимому ветром.

Но уж раз двадцать прислушивался он, а все не слышал желанного шума шагов приближающегося отряда, может быть, заглушаемых мхом; и, покачав головой, печально возвращался в пещеру и снова принимался скоблить свои корни.

А день, между тем, близился к концу, и надежда увидеть сегодня охотников все слабела и слабела.

Тупое, мрачное отчаяние постепенно овладевало всеми.

Старейший, чтобы хоть как-нибудь смягчить такое оцепенение, приказал всем собираться и идти, пока не наступила ночь, на новые розыски в лес, на вершину холма, к югу от пещеры.

Быть может, под руководством его и матерей, дети скорее найдут что-нибудь лучшее, чем до сих пор. Скорей откроют что-либо съедобное, вроде древесного клея или зимних личинок, которые раньше, когда дети ходили одни, могли ускользнуть от их внимания либо по незнанию, либо по недостатку опыта в такого рода поисках.

Все безропотно повиновались и даже как будто с тайной надеждой в сердце.

Женщины взяли оружие в свои сильные, мускулистые руки, а дети захватили палки, и все ушли.

Только Крак один, гордясь оказанным ему доверием, остался у огня, который он должен был хранить вплоть до вечера.

Он поджидал возвращения маленького Ожо, занятого, несмотря на холод и снег, сбором полусгнивших желудей, которых не захотели подобрать даже рыскающие по лесу животные.

Глава IV

ДОЛГ И ГОЛОД

Найдено Ожо

Прошло довольно много времени с тех пор, как Крак одноко сидел на корточках перед очагом, усердно поддерживая огонь и занимаясь в то же время ловлей отвратительных паразитов, бегавших по его телу, когда шум быстрых, легких шагов послышался по камням и раковинам, усеивающим порог пещеры.

Крак повернул голову и увидел Ожо, запыхавшегося, с блестящими от радости глазами, который вбежал к нему, держа в руке за хвост нечто вроде большой черноватой крысы.

Это была пеструшка, предок тех самых пеструшек, что и теперь еще населяют равнину Сибири.

— Полюбуйся, это я ее убил, — кричал Ожо, — я один! Ах, я буду хорошим охотником!

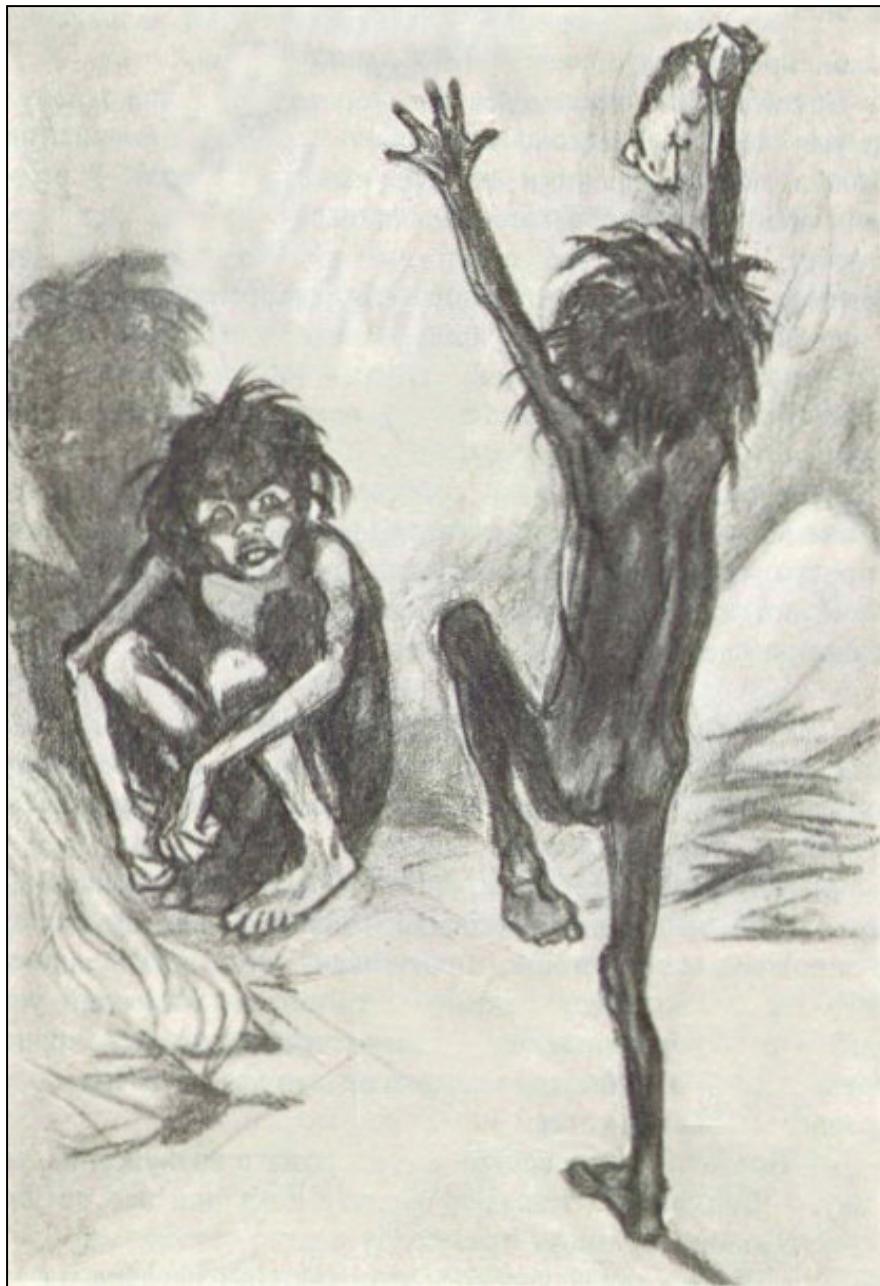
И он с живостью прибавил, бросая зверька к ногам брата и не замечая в своем торжестве, что тот был один:

— Идите за мной все! Сейчас же! Их много там, наверху. Они слишком скоро для меня бегают, но если мы пойдем все вместе, мы их захватим и поедим вволю сегодня вечером. Ну, живо!

— Не кричи так громко, малютка: разве не видишь, что все ушли в лес, — сказал Крак. — Остался только я один. Что ты, ослеп, что ли?

Ожо увидел, что брат говорил правду.

Это его совсем озадачило. Он ожидал общей радости, рассчитывал на восторженную благодарность своих старших братьев и даже на похвалу Старейшего. И вдруг, вместо такой прекрасной награды, выслушать холодные, почти насмешливые слова!

Искушение Крака

Однако Ожо быстро оправился и стал, торопясь и захлебываясь, но очень точно и увлекательно описывать охоту, которую сейчас можно было устроить и без всякого, собственно труда. Надо было только подняться на верхнюю равнину к опушке дубового леса. Крак понял, какую громадную важность имеет для семьи открытие Ожо, и быстро вскочил на ноги, охваченный волнением и великодушным порывом.

— Живей! — крикнул он. — В дорогу!

Крака, как и брата, охватила надежда принести в пещеру обильную пищу для всех, да еще в такой голодный день. Он схватил тяжелую палку и бросился вслед за братом.

Но вдруг он вспомнил об огне, который был поручен его заботам, и остановился в раздумье.

— Иди же! — крикнул Ожо, уже вышедший из пещеры. — Иди, а то поздно будет. Их была совсем маленькая стайка, когда они прыгали и бегали у Трех Мертвых Сосен. Мы их еще захватим там, если поспешим, потому что сюда я прибежал бегом.

— А огонь, Ожо? — воскликнул Крак. — Смотри, он только что весело потрескивал, а теперь уже потухает; ведь и он тоже голоден!

— Ну, так дай ему поесть, — ответил ребенок. — Дай ему побольше поесть. Мы ведь недолго будем в отсутствии. Он не успеет всего пожрать, как мы уже вернемся.

— Ты думаешь, Ожо?

— Ну конечно. Мы пойдем ведь только на прогалину Трех Мертвых Сосен. Мы быстро вернемся назад. Вдвоем мы набьем изрядный запас маленьких зверьков. А там, на верху, чтобы вознаградить себя за труды, мы напьемся их теплой крови, только вскроем им жилы ногтем.

Слушая убеждения маленького братишки, такие заманчивые для желудка, жестоко терзаемого голодом, бедный Крак стоял в нерешительности и раздумывал. Правда, если на огонь подбросить побольше ветвей, то он, быть мо-

жет, и не погаснет, тем более, что отсутствие их будет очень кратковременно. Кроме того, думалось ему, такое короткое нарушение обязанностей только одно и могло спасти его от другого преступления, тоже очень и очень важного на его взгляд. Он не имел права пренебречь неожиданно явившейся помощью, о которой сообщал Ожо.

Ребенок, побуждаемый собственным голодом и страданиями своей голодной семьи, которые он мог утолить так скоро и просто, — решился, наконец, выбрать, из двух зол меньшее.

И вот, подбросив немного дров на огонь, он в два-три прыжка нагнал Ожо.

Переселение пеструшек

Оба они скоро добрались до вершины холма. Оттуда, осмотревшись, мальчуганы направились к прогалине Трех Мертвых Сосен.

Место, указанное Ожо, можно было легко узнать по трем громадным одиноким сосновым деревьям, давным-давно высохшим, но продолжавшим стоять, протягивая свои ветки, лишенные коры, словно кости скелетов-гигантов. Мальчики увидали, что папоротники и высокая желтая трава у корней деревьев сильно и быстро колышутся: это казалось тем более странно, что ветра совсем не было.

— Вот они! — прошептал Ожо, дрожа и волнуясь, на ухо Краку. — Внимание!.. Нападем на них, пока они нас не увидели. Это они колышут траву.

Оба брата кинулись вперед с поднятыми палками и в несколько прыжков очутились среди животных, которые бесшумно двигались в траве. Они стали наносить удары направо и налево, думая только о том, как бы уложить побольше дичины.

Пока оба маленьких охотника увлекались кровожадным, весьма естественным для первобытных времен, безжалостным избиением несчастных зверьков, чьих потом-

ков мы знаем теперь под именем полевых крыс, житников и пеструшек, — вдали по соседним лесам стали раздаваться крики других зверей.

Одновременно над головой Ожо и Крака послышались оглушительное карканье и крики тысячи хищных птиц.

Запыхавшись, еле шевеля руками, оба брата приостановили на минуту свою разрушительную работу, чтобы прислушаться к крикам и визгам, которые раздавались со всех сторон.

Вглядываясь в ту сторону равнины, откуда доносился к ним непрерывный стон, все возраставший и возраставший, они заметили, что стая пеструшек, в середину которой они ворвались, приняла со времени их прибытия на место побоища необычайные размеры. Вместо прежней сотни, кругом были уже десятки тысяч. В какую бы сторону мальчики ни посмотрели теперь, они видели, как трава на громадном пространстве колышется и дрожит, словно волны зыбкого моря.

Крак и Ожо поняли, — так как им уже приходилось видеть, хотя издали, подобное зрелище, — что они попали в центр переселения полевых крыс, число которых достигает миллионов. Полярные степи, даже и в наше время, бывают иногда свидетелями подобных путешествий и переселений, совершаемых стаями житников и пеструшек, которых ничто не останавливает, никакое препятствие не может побудить к отступлению. Они переплывают реки и покрывают своими несметными полчищами громадные пространства.

Отступление маленьких охотников

Крак и Ожо были в положении очень критическом. Вслед за оживлением первых минут бойни последовали усталость и испуг. Мальчики поняли, но поздно, какую неосторожность они сделали, бросившись, очертя голову, в середину переселяющихся крыс, волны которых все прибывали и прибывали и окружали их теперь со всех сторон. Кры-

сы, сначала бросившиеся было бежать от них, теперь теснились к ним, копошились у самых ног, потому что шедшие в середине принуждены были податься вперед под напором громадных масс, напиравших на них со всех сторон.

И вскоре грызуны из осаждаемых превратились в осаждающих. Они храбро атаковали ноги маленьких охотников, которые попробовали бежать, прыгая туда и сюда. Но при первых же прыжках тысячи раз повторенный натиск этих маленьких мохнатых тел чуть не заставил детей потерять равновесие.

Они остановились, так как упасть — значило умереть на верно и умереть страшной смертью. Они были бы удушены и растерзаны полчищами крыс.

В этот ужасный момент Крак увидел мертвые сосны, к которым они, к счастью, приблизились во время своих попыток к бегству.

На старые деревья можно было легко взобраться по сучкам, образовавшим нечто вроде ступеней лестницы. К тому же, дети были очень проворны.

И оба маленьких охотника, несмотря на сильную усталость и жестокие укусы крыс, снова принялись наносить удары палками по густым сплоченным рядам животных и кое-как пробили себе среди них проход.

Им удалось добраться до подошвы сосен, и Крак, подхватив Ожо на спину, ловко вскарабкался по стволу.

Несколько сотен зверьков кинулись было на приступ дерева, избранного Краком, но их сейчас же столкнули, опрокинули и подхватили задние ряды, так что им поневоле пришлось отказаться от мщения.

Крак усадил Ожо на одном из самых крепких и высоких суков и, весь еще трепеща от ужаса, стал смотреть на равнину.

Далеко-далеко, куда только ни достигал взгляд, земля исчезала под молчаливым сплошным покровом черных и серых крыс.

Что касается высохшей травы, то от нее и следов не осталось. Первые стаи все пожрали.

Ужасное передвижение пеструшек не прекращалось и грозило затянуться далеко за ночь. Ожо, чуть живой от холода и страха, крепко прижимался к брату.

А Крак, увидя себя в безопасности, быстро вернул все свое самообладание и старался палкой отгонять птиц, которые, от усталости или чуя добычу, спускались на ветви мертвей сосны и на секунду сотнями рассаживались рядом с ними, оглушая детей криками.

Еще до наступления ночи над равниной спустился ледяной туман, и это послужило к счастью детей. Без этого спасительного тумана дети наверно были бы замечены на своем дереве громадным медведем, черный силуэт которого они увидали сквозь завесу тумана, освещенного последними лучами заходящего солнца.

Грозный зверь, застигнутый на пути безграничным потоком движущихся крыс, казался сам, несмотря на свою силицу, в большом затруднении, попав в середину этих маленьких существ. Он яростно прыгал, испуская жалобные рычания.

— Брат, — сказал Крак, — нам нельзя и думать вернуться сегодня вечером в пещеру. Я уж ничего не вижу, но слышу по-прежнему безостановочный, сильный и глухой шум. Это крысы идут без конца. Увы! мы должны остаться здесь до утра.

— Что ж, подождем до утра, — stoически ответил маленький Ожо. — У тебя на руках мне не холодно и не страшно, и я не голоден.

— Спи, — ответил Крак, — а я покараулю.

И, пока ребенок засыпал, Крак, со страшным отчаянием в сердце, думал об огне, — о нетерпеливом и прожорливом огне, который он покинул, бросив ему скучный запас пищи, и который теперь, наверное, погас по его вине, — погас до возвращения прародителя или отцов.

Глава V

ОГОНЬ ПОГАС

Встреча с охотниками

Пока Крак, разоритель гнезд, с маленьkim братом всту-
пили в гибельный и неосторожный бой с легионами пест-
рушек-переселенцев, в южном лесу происходила встреча
совершенно иного характера. Старейший повел женщин и
детей в лес; они пошли искать там гусениц, как это часто
делают еще и в наши дни дикари современной Австралии.
Гусеницы, правда, уже попятались на зиму в дуплах гнию-
щих деревьев.

Только что собрались они приступить к сбору сухих, ва-
лявшихся на земле, буковых плодов, и великий старец раз-
решил детям тут же, на месте жевать эти плоды, чтобы хо-
тя таким образом обмануть голод, все мучительнее и му-
чительнее терзавший их внутренности, как где-то далеко,
очень далеко, в туманной дали безлистных деревьев послы-
шался перемежающийся глухой топот босых ног по мхам.

Старейший приказал своим спутникам хранить глубокое
молчание, приложив палец к губам, а сам стал прислуши-
ваться, сначала с беспокойством; но вскоре лицо его прояс-
нилось.

Рюг-большеухий припал к земле и, зарывшись головой
в траву, тоже прислушивался.

- Ну, Рюг? — спросил старик.
- Идут люди, и много людей.
- Это наши, дитя. Успокойтесь.

Радостное восклицание невольно вырвалось у матерей
и детей.

— Прислушайтесь! — продолжал между тем старец. — Они
идут медленно и ступают тяжело. Значит, они несут какую-
нибудь ношу. Но что они несут? Быть может, раненого? Или

они тащат тяжелую дичину на плечах?.. Мы сейчас это узнаем.

Шум, между тем, приближался и с каждой минутой становился яснее.

Наконец, вдали показалась группа людей.

Зоркие глаза женщин быстро распознали знакомые черты мужей и братьев, о чем они сейчас же сообщили старшему начальнику.

Дети подпрыгнули от радости при этом известии.

Но Старейший сурово призвал их к порядку и приказал стоять смирно.

Затем он двинулся один навстречу прибывшим, потрясая чем-то вроде начальнического жезла, сделанного из оленьего рога. Ручка рога из слоновой кости была покрыта наивным полудетским рисунком.

Охотники приветствовали старика протяжным, диким и грубым, но дружественным криком.

Затем обе стороны обменялись короткими объяснениями.

Охотники принесли только несколько частей молодого северного оленя да половину лошади. Дичь становилась редка, — уж слишком за ней гонялись охотники соседних племен. Пришлось и им с чужестранцами сразиться. Только те с первых ударов бежали, потому что их было немногого, да и вооружение у них было плохое. Но как ни была плоха и тяжела охота, тем не менее, они вернулись, не потеряв никого из своих.

Впрочем, у многих на коже виднелись царапины и ссадины и пестрели запекшиеся кровяные рубцы. Другие прихрамывали и еле тащили ноги, опираясь на сломанный сук вместо костыля.

Матери, когда охотники приблизились настолько, что можно было расслушать их голоса, подняли детей на руки и молча склонились почтительно перед мужьями и братьями.

Старейшины и охотники, несмотря на усталость, ответили на такой безмолвный привет дружбы. В их широко от-

крытых глазах, устремленных на детей, промелькнуло мягкое, ласковое выражение.

Пир под открытым небом

Старейший первый поведал новоприбывшим о крайней нужде, в которой находились вот уже четыре дня обитатели пещеры.

Было решено тотчас же раздать голодным и охотникам небольшие порции свежего мяса, а затем уже идти в пещеру.

Остальное же мясо решили отложить до другого дня и испечь в золе.

Сейчас же разделили часть молодой оленины на порции, только далеко не равные: охотники захватили себе лучшие куски, а матери и дети покорно взяли те, которые были им оставлены, и сели с ними в сторонку, подальше от мужчин.

Затем по сигналу, данному Старейшим, все челюсти сразу принялись за работу, быстро разрывая и пережевывая кровавую пищу.

Что касается Старейшего, то он важно и с достоинством принял, — как должную дань своим годам и своему положению в племени, — содержимое оленьего желудка, которое было старательно вынуто и сохранено для него. Это было отвратительное пюре из полупереваренных трав, — пюре, которое, впрочем, и теперь еще считается самым почетным и изысканным блюдом у эскимосов*.

Старец старался есть медленно, смаакуя, как истый знаток, странное рагу, принесенное ему сыновьями. Но как только он замечал, что за ним не следят, он начинал совать в рот кусок за куском с наивной прожорливостью самого жадного из своих правнуков.

---

* Эскимосы — туземные обитатели Гренландии и вообще северных полярных стран, особенно у берегов Америки

Старейший был голоден, и в этот момент всецело отдался приятному ощущению наполнить, наконец, пустой желудок. Он забыл и думать, как, впрочем, и все остальные, о двух маленьких отсутствующих на этом пиру, то есть об Ожо-пролазе и Краке, хотя он его любил больше других детей.

Когда пища исчезла в желудках пирующих, начали подумывать о возвращении в пещеру. Охотники, сытые и усталые, так же как и их насытившиеся семьи, двинулись в поход, заранее предвкушая ту блаженную минуту, когда они улянутся отдохнуть и забудутся тяжелым сном на теплой золе или на шкурах под кровом старой каменной пещеры. Племя было обеспечено пищей на день или на два.

Что делали первобытные люди в часы досуга

А такие беззаботные дни редко выпадали на долю первобытных людем. Такие дни — высшая награда и величайшая радость, о какой они только могли мечтать, так как им приходилось вечно воевать то с животными, то со стихиями, чтобы поддержать и защитить свою жизнь и жизнь своих близких.

В такие дни полнейшего спокойствия, бездействия и полноты желудка в их изнуренные тела возвращались безмерно растрченные силы. Ум, — их младенческий ум, — пробуждался и начинал мало-помалу работать, припоминая, сравнивая и перебирая наблюдения и замечания, вынесенные из последних охотничьих путешествий. И вот, благодаря таким размышлением и внезапно блеснувшим в умах мыслям, придумывались новые охотничьи хитрости, совершенствовалось оружие, подыскивались новые слова для обозначения вещей, встреченных впервые в лесах.

Их бедный язык обогащался новыми выражениями.

Ослабевшие головы отдыхали от трудов, понесенных в часы сильных волнений, предаваясь спокойным, медленным и смутным мечтаниям, которые нередко вызывали ряд

опытов, попыток создать что-либо новое. В случае неудачи опыты терпеливо возобновлялись и часто вели к полезным изобретениям.

Иногда охотники, чтобы не забыть самим и заставить детей запомнить и схватить беглые черты воспоминаний о неведомых животных и странных растениях, которые им приходилось видеть в далеких лесах, пытались воспроизвести эти странные формы и характерные особенности в грубых, но верных рисунках. Они рисовали каменным острием на гладких костях или на плоских кусках камня.

Некоторые изощрялись в этих тонких работах и оказывались не только хорошими художниками, но и терпеливыми наблюдателями. Очевидно, встреченная вещь сильно поразила их воображение.

Возвращение в пещеру

Окончив ужин, охотники направились в свое убежище в скалах. Они шли медленно, тяжелым шагом, потому что желудок, при всей его крепости, с трудом переваривал принятую пищу.

Ночь уже наступила, когда они добрались домой.

К немалому удивлению, они не заметили красного света, всегда освещавшего круглое отверстие, заменявшее дверь.

Неожиданное исчезновение этого веселого приветливо-го света, который так ласково манил их к себе еще издали при возвращении с охоты, поразило всех ужасом.

Отряд остановился у подножия скалы, и старейшины стали совещаться.

«Что произошло здесь в мое отсутствие?» — думал Старейший и тихо сказал своим спутникам:

— Хранителем огня сегодня остался Крак. Предупредим его о нашем прибытии.

Один из охотников взял костяной свисток, висевший у него на шее, и пронзительно свистнул.

Но из пещеры не последовало никакого ответа.

— Значит, — прошептал Старейший, и сурое сердце его дрогнуло, — значит, Крак умер и Ожо тоже. На бедных малюток было, верно, сделано нападение. Мальчики, верно, убиты или уведены в плен какими-нибудь враждебными нам бродягами.

— Нет, — возразил один из старейшин, — этого быть не может: в окрестностях не появлялось никакого отряда чужеземных охотников. Крак и Ожо просто заснули, вот и все.

— Тогда поднимемся в пещеру без дальнейших разговоров, — суроно промолвил Старейший. — Захватим их сонными. Такая преступная небрежность, — если только тут есть небрежность. — заслуживает немедленного и страшного наказания.

— И смерти! смерти! — раздались свирепые голоса. — Смерти, если на горе нам огонь погас!

Тут только мысль о непоправимом исчезновении огня, их векового товарища, хранителя их сна, друга, предстала перед охотниками во всем своем ужасе. Сперва они об этом как-то не подумали, даже заметив отсутствие привычного красного света при входе в пещеру. Но теперь эта мысль всецело завладела ими и мучительно отзывалась в сердце каждого. Что им за дело до необъяснимого исчезновения двух детей, — ведь они не рабочие руки, а лишние рты.

Зато мысль об огне, огне-утешителе, который, бывало, так весело потрескивал в пещере, наполняла их сердца ужасом и отчаянием.

Если огонь погас, они будут должны тоже умереть. Они знали, чувствовали это. Даже во время похода отсутствие огня, хотя бы самое непродолжительное, бывало для них страшно мучительным. Если же правда, что они потеряли его навеки, тогда гибель неизбежна.

Никогда еще ни их предки, ни они сами не были в такой опасности.

Огонь, верный и жаркий огонь, жил в пещере вот уже много лет, занесенный сюда давным-давно неизвестно кем и неизвестно как.

Где добыть теперь снова огня при теперешней бескочечной зиме, когда луна и деревья, которые загорались в

былое время от молнии, падавшей с неба, как утверждают некоторые охотники, покрыты снегами и замерзшей грязью? Куда идти просить, как милости, горящую головню, когда ближайшие народы, склонившиеся по неведомым тайникам, были, быть может, и сами без огня или решили ни с кем не разделять этого неоценимого сокровища, раз оно попало к ним в руки?

— Вперед! — приказал Старейший, дрожа от испуга и горя.

Так как давно ходили слухи, со слов Геля и Рюга, что шайка громадных гиен, обыкновенно сдерживающаяся на почтительном расстоянии огнем, бродит каждый вечер перед пещерой, привлекаемая запахом разложившихся остатков, брошенных на кучу золы, то охотники поднимались по ступеням молча и осторожно, с рогатиной наготове.

Женщины и дети остались, между тем, внизу у подножия скал, безмолвные, унылые.

Но пещера была пуста, и со стен ее повеяло на пришедших ледяным холодом.

Охотники ощупью исследовали свое жилище: их трепещущие руки с безнадежной нежностью ощупывали золу на очаге.

Она была еще тепловата в центре кучи...

Но Гель, бросившийся на золу ничком, напрасно дул изо всей силы на то место, которое казалось ему самым теплым, — он не смог выдуть ни одной искорки.

Огонь потух, потух совершенно, а дети исчезли!..

Такую-то зловещую весть принес Гель матерям и детям, передав им приказание идти в пещеру, где их ждали охотники, совсем сраженные тяжестью страшной беды.

Ему повиновались.

И когда, наконец, собрались все, охваченные необъяснимым страхом, они не стали, да и не могли больше сдерживать громких и скорбных рыданий. Все легли или, вернее, повалились на землю, кто где стоял, словно навеки уничтоженные, стертые с лица земли.

Когда прошел первый взрыв горя, несчастные, по очереди, все от мала до велика, впали в тяжелый сон и сразу

потеряли сознание своего ужасного положения.

Только Старейший, Рюг-большеухий и Гель-рыболов еще бодрствовали во тьме.

Обоим последним было поручено, для охраны остальных, караулить порог пещеры вплоть до утренней зари.

Что касается Старейшего, то он напрасно рылся в далеких и смутных обрывках прошлого, пытаясь вспомнить все, что ему доводилось слышать в детстве от отцов и дедов насчет таинственной жизни и происхождения огня. Он пытался вспомнить способы, какими некоторые дикари будто бы умели разными таинственными способами снова возрождать огонь к жизни, когда его заливало наводнением или когда его пожирал недостаток пищи — топлива.

Глава VI

ОСУЖДЕНИЕ

Возвращение маленьких преступников

Когда серый рассвет медленно разогнал темноту, покрывавшую землю, Крак открыл глаза и немало удивился, увидав себя на дереве. Впрочем, он сейчас же все припомнил, взглянул на братишку, спавшего у него на руках, и быстро перевел глаза на равнину, расстилавшуюся под ними.

Все видимое пространство, вплоть до темной опушки леса, на его взгляд казалось пустынным. Земля была всюду однообразно желтая, нигде не виднелось ни былинки.

Крысы исчезли совершенно, а с ними исчезла и опасность, по крайней мере, в данный момент.

Крак растолкал брата, и оба мальчугана, совершенно окоченелые, быстро спустились на землю, покинув свою воздушную спальню.

Оба думали только о том, как бы теперь поскорей добраться до пещеры и явиться туда с богатым запасом дичи, чтобы хоть этим вымолить себе прощение за невольное долгое отсутствие.

Ожо смеялся и был беззаботен. Но Крак сознавал свою вину и сердце его билося от страха.

Они подобрали тех из убитых ими животных, которых не успели сожрать их кровожадные спутники, и быстрым шагом двинулись в путь.

Спускаясь по тропинке утеса. Крак, разогревшийся на ходу, чувствовал, однако, как кровь стынет в его жилах.

Рюг-большеухий первый услыхал и увидал с порога пещеры бедных маленьких выходцев с того света, которых он считал навеки погибшими.

Он предупредил Геля и спешно кинулся им навстречу.

В нескольких словах дети поведали ему о своем жалостном положении и рассказали, что понудило их провести

ночь на дереве.

— Да, конечно, — проворчал Рюг, довольно мягкий по природе, — вы думали оказать громадную услугу нам всем; да и что с вас спрашивать — вы дети. Конечно, все это, разумеется, было бы принято во внимание Старейшим; но вернулись отцы, и их гнев будет безжалостен. Они нашли пещеру брошенной и — непоправимое последствие забытых тобой обязанностей, Крак! — благородный огонь потухшим. Вы погибли! Вот что Рюг должен сказать вам, несчастные!

— О, Рюг! что с нами сделают?

— То, что делают с северными оленями и лошадьми, когда их окружат и поймают.

— Нас убьют?

— Таков закон.

Крак опустил голову на грудь. Ожо принял горько плачать.

Оба мальчугана уже знали, что такое смерть.

Тронутый Рюг посоветовал им бежать.

— Спрячьтесь в лесу, подальше отсюда, — говорил он, — идите по направлению к восходу и каждый день выступайте по стволам деревьев, которые будут вокруг вас, три удара подряд поутру, в полдень и вечером. Я услышу сигнал, открою ваше убежище и принесу вам съестных припасов и одежду, чтобы закрыться.

— Бежим!.. — сказал Ожо, пытаясь увлечь Крака.

— Стойте!.. — послышался вдруг совсем близко прерывающийся голос, в котором они сейчас же узнали голос Старейшего.

Рюг и дети, все трое захваченные врасплох, упали на колени, с мольбой протягивая руки.

— Гель предупредил меня о происходившем здесь, — сказал старец. — Я последовал за Рюгом. Придя вовремя, я все слышал. Я слышал, что вам советовал Рюг. Теперь уж поздно воспользоваться этим советом. Я вас поймал. Наказание справедливо и заслуженно, вы его не избежите. Вас ждут. Идемте!

— О Старейший! Сжался над нами!.. — молили дети.

— Ожо не виноват, отец, — прибавил Крак с горячно-

стью.

Но старик, не слушая его, продолжал, на этот раз с грустью в голосе:

— О, Крак! так-то ты оправдал мое доверие и мою надежду на тебя! Я любовался твоим мужеством, твоим послушанием, живым любознательным умом, твоей разумной памятью. Я сделал бы из тебя охотника, не знающего соперников А ты что натворил? Знаешь ли ты это? Ты совершил гнуснейшее из преступлений. Ты убил нашего благодетеля, — ты убил огонь! Огонь должен быть отомщен. Ты приговорил наших к смертельному холоду. Поэтому ты должен тоже умереть прежде них.

— О, отец, умилосердись! Я узнал...

— Да, я знаю, на что ты ссылаешься. Но об этих причинах не стоит упоминать рядом с таким преступлением. Огонь, наш дорогой и почтенный друг, огонь погас! Довольно слов и пустых разговоров. Следуйте за мной. А ты, Рюг, перестань умолять меня. Идите вперед шагом, преступные дети, пусть, по крайней мере, наши не увидят перед собой презренных трусов, которых даже не стоит выслушивать.

Тайны Фо-чужеземца

Несчастные дети, нежно поддерживаемые Рюгом, поднялись с замирающим сердцем по той самой тропинке, по которой вчера еще спустились так весело.

От томления и страха их бросило даже в пот; но когда они вступили в пещеру, то почувствовали, какой ужасный холод охватил их.

В пещере царило молчание.

Однако все племя было в сборе, и только глубокое отчаяние заставляло всех клонить голову к земле и сдавливало им горло. Это было ужасно!

Дети ожидали услышать страшные проклятия. Они подготовились выдержать их со всей стойкостью своих малень-

ких сердец, а вместо того... Это молчание и это отчаяние взрослых, царившие в пещере, показались им куда ужаснее самых яростных угроз.

Вокруг потухшего очага сидели старейшины, время от времени почтительно касаясь его рукой, как касаются тела друга, в смерть которого не хочется верить. За ними сидели на корточках, неподвижно, начальники племени, распустив волосы, бывало, связанные пучком на макушке; теперь волосы у них падали в беспорядке по плечам в знак глубокой печали.

Многие плакали.

Вид слез, катившихся по щекам воинов, растрогал, как совершенно неожиданное зрелище, бедного Крака. Он почувствовал, что погиб. Ожо, весь дрожа, искал глазами в глубине пещеры мать, вскормившую его своим молоком.

Но он не нашел ее в неподвижной группе женщин, стоявшей позади охотников.

Тогда он сжал руку брата и закрыл глаза.

— Вот дети, — сказал Старейший.

Два сдержаных рыдания раздались из группы женщин.

— Пусть говорят, мы слушаем, — пробормотал один из начальников, самый старший после прародителя.

Крак чистосердечно рассказал то, что уж рассказывал раньше Рюгу, и объяснил, почему им с братом было невозможно вернуться вовремя в пещеру, как они раньше предполагали. Он просил стариков принять во внимание их молодые годы, их слабость и неопытность.

— Огонь умер!.. — проворчал старейшина.

Крак, задыхаясь, прибавил, что он, перед тем как покинуть пещеру, надеясь спасти жизнь другим, принял все предосторожности, чтобы огонь не мог пострадать, а, наоборот, прожил бы во время их отсутствия.

— Огонь умер!.. — повторили начальники.

— И да будет он отомщен! — вскричали они сейчас же.

— Попспешим!

Крак и Ожо растерянно озирались кругом, а крики, призывы к смерти, между тем, все возрастили и возрастили.

Дети пытались найти какой-нибудь след жалости на ли-

цах старейшин и охотников, но все эти лица были или холодны, или яростны. Во всех взорах читалась непреклонная решимость.

Рюг и Гель отвернулись.

Старейший закрыл лицо своими могучими руками.

Самый старший из начальников после Старейшего встал, подошел к детям и, грубо схватив их за руки, крикнул громовым голосом:

— Старейшины постановили. Их приговор должен быть выполнен. Огонь умер. Изменники должны тоже умереть от моей руки... На колени, преступники! А вам, отцы, матери и дети нашего племени, да будет их судьба уроком.

Но когда он поднял над головой двух маленьких преступников тяжелый каменный топор, чтобы поразить их насмерть, Крак вырвался из рук его и упал на колени к ногам Старейшего.

— О, отец! отец! — воскликнул он каким-то странно звенящим голосом, который потряс все собрание. — Огонь умер, и я убил его; я заслуживаю смерти. Но ты... ведь ты знаешь столько тайн, ты был другом Фо-чужеземца, о, дорогой отец, ты можешь вернуть огню жизнь. Разве ты не можешь сделать того же, что делал Фо-чужеземец? Ответь мне, заклинаю тебя!

— Фо-чужеземец?.. Что хочет сказать этот ребенок, и что за имя упомянул он вдруг? — пробормотал с удивлением старец, казалось, разбуженный от какого-то сновидения. — Я забыл это имя.

— О, отец! Воспоминание о Фо-чужеземце, который уже там, где буду сейчас я, вдруг промелькнуло в моей голове. Я вспомнил, что он был твоим другом, и, значит, ты можешь сделать то же, что делал он.

— Но что же делал Фо-чужеземец? — быстро спросил Старейший. — Я не понимаю: что означают твои странные слова? Объяснись. Говори. А вы, сыны мои, — прибавил старик смущенным голосом, — дайте маленькую отсрочку этому преступнику.

Мрачное судилище своим молчанием дало как бы согласие на просьбу старого начальника.

Ребенок, собравшись с духом и крепко прижав руку к сердцу, словно затем, чтобы сдержать его сильное биение, начал свою речь, обращаясь к старцу:

— О, прародитель, ты разрешаешь мне говорить теперь, в такую минуту. Позволь же мне напомнить тебе о том, что только случайно ускользнуло из твоей памяти! Напомнить секрет Фо-чужеземца, о котором я и не думал все это время и который теперь, сам не знаю как, воскрес в моей голове. Да, вот только сейчас я припоминаю все, что мне рассказал Фо, когда я жил с ним в его пещере, ухаживая за ним во время его болезни и подавая ему питье, как то мне было приказано Старейшим.

— Что сообщил тебе Фо-чужеземец? Говори, мой мальчик, и пусть никто не осмелится перебить тебя.

Рассказ Крака

— Однажды, о Старейший, — начал свой рассказ Крак, когда я бродил по пещерам, находящимся неподалеку от нашей, я по привычке переворачивал все камни, чтобы поохотиться за животными, которые любят искать под ними убежище себе. Под одним камнем, особенно тяжелым, который я только с трудом сдвинул с места, я открыл совсем неизвестные и невиданные никогда предметы. Я вскрикнул от изумления. Фо-чужеземец услыхал мой крик. Он хотя с трудом, но подошел ко мне. «Это принадлежит мне, — сказал он, — никогда не смей говорить о том, что видел, или я убью тебя!» Потом он прибавил: «Когда для меня наступит время уйти в ту страну, откуда нет возврата, я оставлю эти вещи Старейшему, который приютил меня и наградил своей любовью. Но до тех пор пусть он ничего не знает. Молчи, ты в этом не раскаешься!»

— Что слышу я? — прервал старец. — Фо никогда не говорил мне ни о чем подобном, но продолжай...

— О, Старейший! Фо-чужеземец сказал мне еще: «Так как ты открыл мое сокровище, то узнай, для чего оно слу-

жит». Сказав это, он взял кусок кремня и ударил по нему маленьkim черным камнем, очень тяжелым. Он мне дал его в руку, чтобы я узнал его вес, и уверял, что камень этот упал однажды перед ним с неба с невероятным грохотом. Как только он ударил по кремню маленьkim тяжелым камнем, из кремня посыпались искры без числа. Фо-чужеземец высек эти искры на сухой мох и стал дуть. Показалось пламя. Он бросил на него несколько щепок, и огонь, тот самый огонь, который я убил, начал жить. Но Фо-чужеземец сейчас же затоптал его ногой, и огонь в минуту погас.

— О, Крак, уж не лжешь ли ты? Или ты, может, видел во сне эти неслыханные вещи?

— Нет, отец! После этого Фо-чужеземец совсем тихо прибавил, что может по желанию возродить к жизни и убить огонь. И что, в случае покражи или потери маленького черного камня, он все-таки сумеет подчинить себе огонь другим способом, и сейчас же доказал мне это. Он выбрал из вещей, которые я нашел, короткую, очень твердую палку с дырочкой посередине; потом сел, положил палку под ноги, очень крепко нажав на нее, вставил в дырку конец другой маленькой палочки и принялся чрезвычайно быстро вертеть ее в разные стороны между ладонями рук. Скоро из дырочки показались сначала дым, потом пламя, которое опять зажгло сухой мох... Вот что я узнал от Фо.

Пока ребенок говорил, на лицах его суровых слушателей отражались, как в зеркале, различные выражения удивления и напряженнейшего внимания. Даже Старейший на этот раз не в силах был сдержать свое волнение и сохранить невозмутимый вид.

Ребенок смолк. Старейший вздохнул и сказал, точно говоря сам с собой:

— О, Крак, сердце мое преисполнено радости и надежды. Фо-чужеземец умер, так и не открыв мне своих тайн, как думал ты. Но теперь, благодаря твоим словам, в темной бездне моей памяти точно просиял свет. Теперь я все понимаю. Прошлое встает передо мной. Тайны Фо, я так угадываю, были известны моим предкам. Мне говорили об этом в детстве. Я знал их. Но они ускользнули из моей од-

ряхлевшей памяти, и сегодня в ночь, несмотря на все мои усилия, я не мог вспомнить, в чем состояли эти тайны. Теперь, благодаря тебе, если ты сказал правду, и если мы найдем в пещере вещи, о которых ты говоришь, мы все будем спасены. Ведь огонь снова оживет, веселый и ласковый, и будет снова нам улыбаться и оберегать нас; — надейся же на нашу благодарность.

— Старейшины пещеры, — сказал старик, возвышая голос, — вы слышали слова ребенка? Наряду с его преступлением вы обсудите теперь значение несравненной услуги, которую он нам, конечно, оказывает благодаря своему изумительному открытию. Мы сейчас об этом переговорим.

— Пусть будет так. В самом деле, стоит узнать, может ли благодеяние уменьшить преступление? — сказал самый старший после прародителя. — Пусть эти дети под надзором Рюга выйдут из пещеры и подождут там нашего решения.

Когда Рюг, очень довольный в душе, уже готовился увести детей, Старейший снова обратился к Краку со следующими словами:

— Почему ты мне ни разу не говорил обо всем этом, дитя?

— О, Старейший, — ответил Крак, — прости, если я худо сделал, но ведь я обещал молчать. Я держал слово, данное Фо-чужеземцу. И потом, я думал, что вам, мой дорогой учитель, эти тайны давно известны! К тому же, дни проходили, сменяя друг друга, и я перестал об этом думать. Если бы я сейчас не вспомнил случайно о Фо, я так ничего не сказал бы, и это молчание стоило бы мне жизни.

— А что стало с вещами, употребление которых тебе показал Фо?

— Не знаю. Я ни разу больше не осмелился пойти в пещеру, где их нашел. Они, должно быть, и теперь там, если только чужеземец их не уничтожил.

— Хорошо, Крак, — ответил старец. — Хорошо, надейся. И ты, малютка Ожо, утри слезы и тоже надейся. Что касается тебя, Рюг, то удержи свой язык, я поручаю детей твоему наблюдению. Только, пожалуйста, без советов, подобных

тем, которые ты им только что давал. Понимаешь?

— Понимаю и повинуюсь.

И Старейший со страшным волнением, которое он напрасно старался скрыть, смотрел, как дети уходили из пещеры.

Огневые палки и огниво

Двумя палочками Фо-чужеземца и в наши дни очень многие дикари пользуются для добывания огня, когда очаг у них погаснет. Действительно, трение развивает теплоту, которая тем сильнее, чем трение продолжительнее и быстрее, — теперь это явление общезвестное. Если наблюдать спуск корабля с доков, то можно увидеть подтверждение этого факта собственными глазами, следя за килем корабля, когда он скользит по поддерживающим его доскам. Если бы он скользил таким образом долго, и если бы не принимали предосторожностей, поливая доски, они всыхнули бы, как спички. Хотя доски обильно поливаются водой, все-таки показывается густой дым, а между тем, трение киля о доски длится всего несколько секунд.

Громадные лесные пожары в жарких странах тоже часто бывают оттого, что внезапно воспламеняются сухие ветки, которые терлись одна о другую непрерывно и долго под напором сильного ветра.

Но в то время, когда жили Фо и Крак, результат выполненного искусственной рукой трения сухой и мягкой палки о палку твердую был известен только очень немногим лицам. И эти немногие лица окружали свой драгоценный секрет непроницаемой тайной, потому что благодаря ему они пользовались громадным влиянием над своими невежественными современниками.

Фо-чужеземец, вероятно, долго скрывал свои знания, чтобы когда-нибудь, при случае, блестяще воспользоваться ими. Но такого случая так и не представилось в пещере, где огонь, за которым постоянно наблюдали, горел беспрер-

рывно и днем, и ночью. Так как смерть не позволила ему открыть секрет Старейшему, его другу, то он и унес бы эту тайну с собой в могилу, не подними Крак, разоритель гнезд, совершенно случайно камня в пещере.

Черный и тяжелый камень, извлеченный при ударе искры из осколков кремня вроде нашего огнива, был, весьма вероятно, куском металла, тогда совершенно неизвестного, скорее всего железа. Кусок настоящего железа, действительно упавший с неба, как утверждал Фо, — это мог быть кусок чистого метеоритного железа, отделившегося при падении осколков болида, аэролита, словом, какой-нибудь падающей звезды, которая лопнула при прохождении через нашу атмосферу.

Такие осколки небесного железа находили во все времена и на всех точках земного шара; да и совсем недавно, именно в 1870 году, были найдены в громадном количестве такие куски в Гренландии.

Фо, наверно, заметил, пользуясь вначале своей тяжеловесной находкой, как прочным молотком для более тонкой обделки кремня, что этот солидный молоток извлекал из кремня искры длиннее и ярче, чем те, которые получались при ударе камня о камень. Вид этих больших искр быстро вызвал в наблюдательном уме Фо мысль воспользоваться ими для зажигания сухих листьев или мха...

При всем своем несовершенстве, это доисторическое огниво представляло, тем не менее, сокровище громадной ценности.

Оно должно было стать для племени, которому было открыто его употребление, семейным очагом, не боящимся никакой случайности и притом неугасимым. Это был очаг, который можно было зажечь, когда и где пожелаешь, то есть в некотором роде переносной очаг.

Старейший рассчитывал восхитить своих сыновей при помощи этого драгоценного огнива и вырвать у них, пользуясь их изумлением и радостью при возрождении огня, помилование обоим виновным.

Изгнаник пещеры

Пока старики с сыновьями осматривали пещеру, разыскивая сокровище Фо-чужеземца, виновные сидели молча на скале, в некотором расстоянии от входа, с удрученным видом и закрытыми глазами, ожидая приговора.

Рюг наблюдал за ними, не говоря ни слова; только его большие уши вместо того, чтобы быть неподвижными, вдруг начинали лихорадочно двигаться.

Совещание старейшин продолжалось долго.

Наконец, старики вышел из пещеры и направился к детям.

Но морщинистое чено его было совсем мрачно.

Отвечая на молчаливый вопрос, прочитанный им в тревожном взоре Рюга, он сказал:

— Огонь снова горит! Ожо может вернуться в жилище. Ему прощают, так как он еще ребенок. Ему еще нужна мать.

— О, благодарю! — весело вскричал маленький Ожо.

Но сейчас же прибавил с отчаянием в голосе:

— А он, о Старейший? Что же он?

Ожо повернулся к Краку, ласково гладя его по плечу.

— Краку дарована жизнь. Он останется жив. Но старейшины вынесли следующий непреложный приговор: кто хоть однажды изменяет своему долгну в такие годы, когда уже можно рассуждать, тот может и позднее снова подпасть такому же искущению. Племя не должно и не может более полагаться на Крака; поэтому Крак изгоняется из племени. Пусть он уходит.

— Увы! — вздохнул Рюг.

— Молчи, Рюг. Старейшины сказали еще: снабженный оружием, одеждой и съестными припасами, Крак должен до окончания дня уйти далеко отсюда в лес. Пусть он ищет в той стороне, где восходит солнце, новую семью... Это ему дозволено.

Речь его была прервана стоном Крака. Старики отвернулись, но потом опять продолжал:

— Гель и тебе, Рюг, поручено указать изгнанику дорогу к соседним племенам. Никто не хочет, чтобы он заблудился в лесу или сделался добычей зверей. Завтра на заре Гель и ты, Рюг, должны возвратиться в пещеру.

— О, учитель! Это ужасно! — пробормотал Рюг. — Крак так молод...

— Молчи, Рюг-большеухий. Откуда берется у тебя смелость оспаривать приговор старейшин? Даже мать Крака не осмелилась протестовать. Замолчи же, раб, иди сейчас же к твоим повелителям! Они ждут тебя, чтобы дать последние указания. И ты, Ожо, иди за ним. Ну! Убирайся!

Пока старик говорил так сурово, Рюг удалялся, опустив голову и не говоря ни слова, а за ним ковылял и спотыкался Ожо, ничего не видевший сквозь слезы.

— О, учитель! О, дорогой и уважаемый Учитель! — вскричал Крак, когда они ушли. — О, Старейший! Неужели я не увижу тебя больше? Никогда не увижу?..

— Никогда, Крак, никогда! Но не забывай моих уроков и советов, если ты хоть когда-нибудь любил меня, потому что ты мне был всегда дорог. Я все открыл тебе, чтобы сделать из тебя откровенного, ловкого, осторожного и догадливого мальчика, который сумеет с твердым сердцем встретить всякую случайность в жизни. Не надо больше слез! Перенеси несчастье... храбро. Мужчина не должен плакать! Прощай! Я все сказал.

Крак склонился над рукой, которую ему протянул старец, поцеловал ее нежно и затем выпустил.

Когда он поднял голову, Старейшего уже не было.

Бедный Крак, несмотря на последние советы исчезнувшего друга, упал ничком на камни и смочил их горючими слезами, думая о матери, о братьях и маленьких сестрах, — Маб и Он, обо всех, кого он должен навсегда покинуть.

Глава VII

ИЗГНАНИК

Первые шаги изгнанника

Наступила ночь.

Гель и Рюг проводили Крака-изгнанника, как им было приказано. А потом, при входе в лес, печально покинули его и вернулись обратно, наказав ему в последний раз перед уходом: во-первых, проводить каждую ночь на дереве, так как такого рода ночлег не может повлечь за собой ничего непредвиденного для ребенка; во-вторых, идти только при свете — утром в сторону солнца, днем, имея солнце позади себя.

Крак, любимец Старейшего, — приученный им с самого раннего детства к постоянному наблюдению за природой, — совсем не боялся заблудиться в лесу, хотя и был ребенком и находился вдали от родных.

Он думал о том, что силы его скоро иссякнут, что в случае борьбы со зверями или с людьми ему неоткуда ждать помощи, и что, при всей храбрости и уме, он должен неизбежно погибнуть, не отыскав других племен, к которым он теперь направлялся с тем, чтобы просить у них приюта.

Крак шел, погруженный в самые мрачные размышления и, чтобы успокоить лихорадку, вызванную волнением, жевал корни, которые его научил распознавать и ловко откапывать Старейший.

Он шел, устремив глаза вперед, в сумрачную даль, стараясь что-нибудь рассмотреть в сгущающейся тьме. На плечах он нес маленький запас провизии, а в руках крепко сжимал солидный нож с каменным наконечником. Кроме того, в куске кожи, служившей ему поясом, было зашито еще несколько кремневых ножей.

Когда окончательно стемнело и наступила ночь, он остановился у подошвы громадной ели, избранной им для

ночлега, и вскарабкался на нее с тем проворством, благодаря которому с самых ранних лет за ним утвердилось прозвище «разорителя гнезд».

Крак усился на одной из верхних ветвей, поел, потом, вздохнув, вспомнил об Ожо, который спал теперь в пещере рядом с матерью и, наконец, заснул.

Ночной посетитель

Но благодетельный сон продолжался недолго: мальчик вдруг почувствовал, как по его лицу и по рукам точно скользнул какой-то очень холодный ремень.

Крак вздрогнул сначала от необъяснимого прикосновения, но потом понял, что это змея, — сосед его по постели, — привлеченная теплотой его тела.

Только что Крак успокоился и опять заснул, как был снова разбужен непонятным шумом. На поляне, почти у самого дерева, на котором спал Крак, раздавалось какое-то пыхтение и сопение. Очевидно, пока Крак спал, на поляну прибыл какой-то ночной посетитель.

Крак никак не мог понять, кто это. Если это какой-нибудь зверь, то он должен издавать более понятные, свойственные ему звуки, кроме одного только пыхтения и сопения.

Мальчик очень боялся, что неизвестное животное почует его на дереве и захочет достать. А ведь неизвестно, кто это, так как ничего не видно. Ночной посетитель легко мог принадлежать к числу животных, для которых деревья вполне доступны.

На всякий случай, Крак вооружился самым крепким, самым острым из своих кремней и стал храбро выжидать.

Пока Крак выжидал, дерево, на котором он сидел, вдруг сильно заколыхалось, словно его тряхнуло хорошим порывом ветра.

Но ветра не было, кругом было тихо.

И Краку вдруг пришла ужасная мысль: а что, если под

деревом стоит гигантский медведь вроде того, какого он видел на равнине Мертвых Сосен в вечер переселения крыс, и пытается влезть на дерево?

Только рычания не было слышно, хотя дерево и продолжало вздрагивать под прерывистыми ударами, а голодный медведь, когда чует добычу, всегда рычит.

Дерево продолжало сильно качаться, кто-то возился у подножия дерева, по-прежнему с сильным сопением и пыхтением. Крак решил терпеливо ждать, что будет дальше, и дождаться близкого уже рассвета.

Возня под деревом не прекращалась. К сопению и пыхтению присоединились еще какие-то тихие жалобные звуки. Продолжалось это довольно долго, потом затихло.

Но Крак уже не мог спать, он боязливо ждал рассвета.

Таинственное существо

Но вот, наконец, показалась заря.

И что же увидал Крак, когда стал осторожно осматривать окрестности дерева?

Он увидел распростертым на земле большое животное, необыкновенно странного вида. Оно казалось безжизненным, и Крак без всякого опасения слез с дерева. Он стал с любопытством рассматривать его.

Это громадное животное, неизвестное Краку, — животное, о котором Старейший говорил очень мало, описывая ему обитателей лесов, — был не кто иной, как большой ящер. Один из чудовищных предков — уже редких и во времена Крака — причудливых и жалких существ, которые известны нам под названием «отряда неполнозубых или беззубых». Последние представители этого семейства в наше время называются «броненосцы» или «армадиллы». Они покрыты броней, как ракообразные; кроме того, имеются еще «муравьеды» с длинной остроконечной мордой, которые питаются муравьями, и «айи» или ленивицы, названные так за чрезвычайную медленность своих движений и за свой

особенный крик. Это все животные безобидные, несмотря на их безобразие и на чрезвычайно длинные когти; питаются они, главным образом, насекомыми, которых захватывают издалека при помощи непомерно длинного языка, покрытого клейким веществом.

На спине и на голове животного в густой черной шерсти сидели плотные и очень широкие чешуйки, расположенные, точно черепицы на крыше. Они образовывали нечто вроде крепкой и гибкой брони и служили единственным оборонительным оружием, когда животное, свернувшись в клубок, пыталось избежать, не подавая признаков жизни, нападений хищных зверей, снабженных острыми зубами.

Спустившись с дерева, Крак рассматривал неподвижный труп с большим волнением.

Он, маленький Крак, избежал, по-видимому, благодаря своему спокойствию, большой опасности. Хорошо, что он так тихо и терпеливо сидел на дереве и ждал света, ведь животное такое большое и страшное! Крак понял, что, по-видимому, животное с кем-то боролось, было ранено и пришло ночью на поляну умереть. Вокруг ящера была лужа крови.

Верные друзья изгнанника

Подняв громадные, острые когти ящера, Крак совершенно забыл о первейшем правиле предосторожности в лесах — о необходимости хранить молчание — и испустил громкий крик торжества, радуясь, что избежал, как ему казалось, большой опасности.

Три далеких крика ответили ему.

Крак, удивленный, почувствовал, как у него вдруг заколотилось сердце. Но, тут же вспомнив, что в лесу бывает эхо, которым они всегда забавлялись с братьями, быстро вернул себе прежнее хладнокровие, на минуту было его покинувшее, и засмеялся.

Однако, он решил быть осторожнее, как сделал бы на его месте всякий истый охотник. Он схватил копье и побежал к дереву, на котором провел ночь, прислонился к стволу и, насторожившись, быстро оглядел чащу, стараясь проникнуть взором в ее таинственную глубь.

Но вот опять, — хотя теперь он и рта не открывал, — до него донеслось три крика, на этот раз, как ему показалось, более близких.

Это уж никак не могло сойти за три раза повторенное эхо. Крики, очевидно, издавали люди.

И действительно, едва Крак успел сообразить, в чем дело, как в чаще раздался шум поспешных шагов, треск сухих листвьев под тяжелой ступней, шорох быстро раздвигаемых ветвей, и два молодых вооруженных человека вдруг очутились как раз против него.

— Крак!.. — вскричали эти люди, — вот и мы!

Ошеломленный Крак выпустил копье из руки, засмеялся и, так как не мог говорить от удивления и радости, то скорей прошептал, чем сказал:

— Гель!.. Рюг!..

— Да, брат, теперь мы тебя уж больше не покинем Старейший позволил нам идти с ним и отыскать тебя.

— Старейший?.. — растерянно прошептал ребенок.

— Да, это правда, — внезапно произнес за ним знакомый голос.

Крак обернулся, пораженный такой неожиданностью, и увидал в двух шагах от себя Старейшего с громадной волчьей шкурой на плечах, которую он носил, когда собирался в далекое путешествие. Он был вооружен, как для войны и охоты, а лицо его было изукрашено белыми полосами, сделанными мелом, как полагается начальнику племени.

В руках старик держал свой начальнический жезл из резного рога северного оленя.

Крак преклонил колено.

— О, отец! — сказал он. — Ты не покинул свое дитя в изгнании. Благодарю тебя!

— Помнишь, дитя, ты не оставил твоего старшего начальника тогда, на берегу реки, когда нас со всех сторон ок-

ружали дикие звери. Я вспомнил об этом. Я навсегда покинул пещеру. Видишь, я здесь. Только смерть может разлучить меня с тобой и с этими двумя доблестными и храбрыми сердцами, Гелем и Рюгом, которые умолили меня взять их с собой.

Сказав это, старец попросил у Крака объяснения кровавого зрелища, поразившего его с первого взгляда.

И, предшествуемый Гелем и Рюгом, он приблизился к ящеру, лежавшему на земле.

Крак рассказал им историю ночного посещения.

Рюг-большеухий слушал его с большим вниманием. Гель же вытаскивал между тем из лыковых плетушек, которыми были снабжены все четыре путника, пищу для утренней трапезы.

Крак быстро закончил рассказ, и все принялись за еду.

— Сегодня вечером, — сказал ему старик, — тебе уж не придется садиться, как птице, на ветку из страха перед дикими зверями, и мы поедим жареного мяса, потому что я унес с собой «черный камень», оставив «огненные палки» нашим в пещере. У них, таким образом, долго еще не погаснет очаг. Огонь, который мы зажжем для ужина, мы продержим всю ночь, и каждый вечер он будет нашим верным хранителем, пока мы будем по очереди спать на земле.

Покончив с завтраком, все двинулись в путь, в далекий неведомый мир, старик — твердым шагом, а дети — легко и весело.

Первый день счастливого соединения четырех друзей прошел мирно, без всяких приключений, если не считать охоты и поимки маленькой лисицы, кровь которой была выпита на одной из остановок.

Глава VII

В НЕВЕДОМЫЙ МИР

Обучение Крака

За первыми днями пути последовало еще много других дней, то мрачных, с дождем, то светлых от падающего белого снега; солнце показывалось редко. А Старейший с вунаками все продолжали идти в сторону восхода через леса, равнины, горы и долины.

Ни один день не проходил без того, чтобы Крак не получал от прародителя или от братьев какого-нибудь чрезвычайно полезного объяснения.

Он научился различать и узнавать журчание, дуновение, всякие звуки, крики, пение, свист, рычание — словом, все голоса земли, живых существ.

Природа была для него обширной школой, строгими учителями — нужда и лишения, а в крайних случаях — Старейший со своим долголетним опытом.

Крак научился разным хитростям и способам, какие употребляются при охоте на животных. Научился ставить каждому из них западню, узнал места на их теле, при поранении которых смерть наступала быстро и неизбежно.

В нем развились редкая ловкость и проворство. Силы его тоже росли вместе с сознанием.

Несмотря на свои очень молодые годы, он бегал, прыгал, лазил, плавал и нырял лучше своих братьев.

Отпечатки и следы животных, самые беглые признаки их прохода, например, легкие царапины самых маленьких котят на коре, никогда не ускользали от его острого взгляда.

Он умел подстеречь и схватить рыбу, как Гель, и слух у него теперь был не хуже, чем у Рюга, а благодаря сильно развитому обонянию он на громадном расстоянии предсказывал встречу с таким-то или таким-то животным.

Но он отнюдь не хвастался всеми этими знаниями, которые приобрел так быстро благодаря собственной охоте, всегдашней готовности, постоянным усилиям, неутомимому прилежанию и, наконец, усиленному вниманию, с каким он всегда относился к малейшим речам Старейшего.

Он остался все тем же скромным и терпеливым мальчиком. Он всегда относился с нежностью и восхищением к братьям, с уважением и благодарностью к словам своего учителя, хотя иногда личные наблюдения, основанные на недавнем опыте, приуждали его проверять, а иногда и отвергать некоторые устарелые мысли своего почтенного наставника, как ошибочные и недостаточно основательные.

Словом, Крак был добрый и милый доисторический мальчик.

По мере того, как путешествие затягивалось, погода становилась все хуже и суровее.

Рюг находит жилище

Была середина зимы.

Старец не раз уже подумывал о том, что было бы благоразумнее выждать наступления более теплых дней в каком-нибудь временном жилище.

Но хижина, выстроенная из ветвей и даже обложенная толстым слоем земли, не могла быть для них надежным убежищем, так как ее быстро пробили бы проливные дожди или свалили бы яростные порывы ветра.

Вот почему Старейший, не переставая надеяться на более мягкую погоду, продолжал шагать вперед, подыскивая в то же время какое-нибудь естественное углубление в скале, в котором они могли бы найти вполне безопасное убежище.

Но ровная местность, в которой находились путники, когда старый охотник решился, наконец, на время прекратить путь к востоку, была совершенно лишена скал с пе-

щерами и меловых холмов, которые так легко поддаются ломке.

Попробовали они было поместиться в глубокой яме, которую нашли однажды утром в лесу; она была вырыта не особенно глубоко и служила, по всей вероятности, обширным логовищем какого-нибудь исчезнувшего животного быльих времен и давным-давно была покинута.

Но в ту же ночь, когда они в ней спрятались, воды соседнего болота, внезапно вздувшись от холодного ливня, разлились по равнине и залили логовище, только что превращенное в человеческое жилье.

Путешественники чуть не утонули, захваченные водой во время сна.

Пришлось покинуть это негостеприимное убежище и бежать на возвышенность, спасаясь от разлившихся вод.

Однажды, когда наши охотники преследовали какую-то добычу, разбившись поодиночке, — что, собственно, во все не входило в их привычки ввиду того, что обходить зверя куда легче нескольким сразу, чем одному, — Рюг-большеухий увидел вдруг на вершине небольшого холмика, под деревьями, расщепившимися от времени и лишенными верхушек, странную правильную груду громадных камней, покосившихся мхом.

Он к ней подошел, обошел ее кругом и осмотрел снаружи с недоверчивым любопытством.

По обе стороны мрачного отверстия, напоминавшего ему вход в родимую пещеру, стояли поставленные на ребро плоские камни гораздо выше его роста, а на них лежали такие же плоские, широкие, массивные и длинные глыбы.

Эти глыбы и камни образовали, таким образом, стены и потолок замечательной прочности.

— Это уж наверное сделано людьми, — сказал сам себе Рюг.

И сейчас же прибавил:

— И люди будут тут жить, потому что нам такое именно убежище и нужно, право! Под эти камни не проникнут никакие дожди и снега.

Затем он снова обошел таинственную постройку и заме-

метил, что она была со всех сторон совершенно плотно закрыта, только с одной стороны находилось темное отверстие, загороженное сеткой из вьющихся растений. Зверям было невозможно проникнуть туда иначе, как через этот ход, который было легко защитить.

— Ну-с, — сказал себе Рюг, — теперь осмотрим внутренность этого каменного жилья.

Он осторожно раздвинул, насторожив свои большие уши, занавесь из лиан и терновника, висевшую перед отверстием, и отважился заглянуть в него.

— Там очень темно, — проговорил он, — но зато тихо. Войдем-ка туда.

И он вошел в глубокое подземелье, держа копье наготове. Подземелье это было, очевидно, устроено рукой человека, как совершенно верно заметил и сказал храбрый Рюг-большеуший.

В самом деле, Рюг открыл одну из самых древних постройек, воздвигнутых неизвестной расой. Постройки эти еще недавно носили название «друидических» памятников, хотя подобные памятники встречались в разных местах земли, куда друиды древней Галлии никогда и не проникали. Новейшая наука дала им название «мегалитических» памятников, что означает: «сделанные из больших камней».

Что касается целей, для которых они предназначались, то никто не может сказать об этом ничего достоверного. Служили ли они жилищем для живых представителей ка-

кого-нибудь племени? Употребляли ли их для могил, что кажется наиболее вероятным? Были ли они воздвигнуты в память великих военных подвигов, или в честь знаменитых вождей тех отдаленных времен? Вероятно, мы так никогда и не добудем об этом более точных сведений. Одно не подлежит сомнению, что мегалитические памятники, именно те, которые походят на колоссальные каменные столы, никогда не служили алтарями для кровавых человеческих жертв, как раньше ошибочно думали.

Геройский подвиг Рюга

Прошло едва несколько секунд с тех пор, как Рюг скрылся под камнями, как из пещеры раздался сначала неясный треск, потом несколько пронзительных криков, сильных ударов и человеческих восклицаний.

Затем в отверстии пещеры показался Рюг, запыхавшийся, забрызганный кровью, с обломком копья в руке; он глубоко вздохнул и бросился со всех ног бежать, не оборачиваясь, к тому месту, где должен был находиться Старейший.

А тот, между тем, вместе с двумя другими охотниками, уже вернувшимися, удивлялся слишком долгому отсутствию Рюга.

Подбежав к своим друзьям, Рюг вернее упал, чем сел у очага; он молчал и дрожал всем телом.

Старик и дети смотрели на него с удивлением.

— Что случилось, Рюг? — спросил Старейший. — Откуда эта кровь? Где твоя дичь? У тебя оружие сломано! Что произошло?

— Люди! Люди! — бормотал Рюг, мало-помалу начинавший дышать спокойнее.

— Люди! Где? — вскричали охотники.

— Да, люди, вот там, в подземелье. Они напали на меня в темноте. Я сражался, несмотря на мрак, наудачу, пока у меня было оружие в руках, а потом бежал. Надо было пре-

дупредить вас об опасности и помешать вам попасть к ним в засаду, что случилось со мной. Сколько я их убил! Сколько я их убил! О, страшно много убил! Но их осталось еще много, много!

Этот рассказ, прерываемый восклицаниями, произвел громадное впечатление на слушателей. Они были храбры, но и самые храбрые при вести о близкой битве становятся серьезными и задумываются.

— Вставайте и двинемся вперед, — сказал Старейший.
— К оружию! Идем навстречу врагу. Однако, странно, почему они тебя не преследовали.

Все сейчас же повиновались и под предводительством Рюга, к которому вернулось все его хладнокровие, мирные путешественники, превратившиеся в воинов, зашагали в строгом порядке к каменному дому, где, по рассказам Рюга, он чуть не встретил смерть.

По приказанию Старейшего Гель взял с очага длинную горящую головню и захватил ее с собой.

Они подошли ко входу в мрачное подземелье.

Гель бросил туда, как только мог дальше, свой горящий факел, и воины испустили крик вызова, потрясая оружием. Они ожидали, что враг, сидевший в засаде, сейчас же яростно кинется на них.

Но вместо этих людей, — перед которыми Рюг показал столько благородного героизма, хотя его и атаковали врасплох, — из пещеры вылетели какие-то большие черные и рыжие существа с огромными мохнатыми крыльями и оросили охотников кровяным дождем.

Одни из них быстро улетели, исчезнув между деревьев, другие, раненые, вероятно, более серьезно, падали на землю, испуская ужасные пронзительные крики.

Оказалось, что Рюг-большеухий принял в темноте за людей стаю огромных летучих мышей первобытных времен, породу, давно исчезнувшую.

Охотники осмотрели павших зверей, и хотя эти громадные животные показались им менее грозными, чем вооруженные люди, однако, они не посмеялись над ошибкой Рюга, потому что острые когти этих летучих мышей казались

им, да и в действительности были, страшными в случае борьбы.

Новое жилище и находка Крака

Покинув трупы, все вернулись к пещере. Крак влез в нее, поднял головню, которая еще горела, раздул огонь и запалил сухую траву, покрывавшую пол пещеры, после чего встал на порог и стал выжидать.

Когда дым рассеялся, весь отряд нырнул под каменный потолок, и Старейший заявил детям, что пещера кажется ему годной для жилья и вполне надежной защитой как от стихий, так и от диких зверей. Решено было провести в ней остаток зимы.

В тот же вечер они уже спали в крытой пещере, в тепле и под кровом. Краку выпала первому честь оберегать друзей и следить за огнем в первую ночь.

Зима прошла быстрее, чем ожидали охотники. Бесконечные морозы сменились теплыми дождями. Впрочем, в морозные дни охота на северных оленей была более удачна, потому что эти животные любят отыскивать под снегом лишай и мох, которыми они питаются.

Тихая речка протекала невдалеке от жилища охотников. И когда северные олени ушли к полуночным странам и стали реже встречаться, наши охотники начали делать облавы и бить по берегам реки кабанов, болотных птиц, выдр и множество других, более редких зверей. Одни из этих зверей были громадны, другие чуть-чуть больше кроликов. Все эти звери и зверьки валялись в грязи, ныряли и плавали, отыскивая рыбу и в особенности корни водяных растений. Большие, у которых нос заканчивался чем-то вроде короткого хобота, походили на нынешних тапиров*; ма-

---

* Тапиры — крупные (до 2,5 м длины) ночные животные с короткими стоячими ушами, вытянутым в хобот носом, очень коротким хвостом. Живут семьями в лесах близ вод в южных странах.

ленькие напоминали своими задними лапами с перепончатыми пальцами, как у уток, семью бобров-строителей.

Преследуя одно из этих животных, Крак нечаянно сделал чрезвычайно важное изобретение.

На берегу валялись большие упавшие деревья. Они были настолько большие, что стащить их целиком к пещере было не под силу мальчикам, хотя бы даже с помощью Старейшего. Рюг пытался расколоть их каменными большими топорами, но ничего из этого не вышло. Каменные топоры только скользили по твердому высохшему дереву. Рюг бросил возиться с ними, и мальчики частенько сиживали во время отдыха на крепких стволах.

Животное, за которым охотился Крак, вдруг спряталось в нору как раз под одним из стволов. Мальчуган сейчас же принял расширять и расчищать руками и древком копья нору, а потом, чтобы ускорить дело, позвал на помочь брата.

Крак и Рюг решили, что лучше всего будет отодвинуть дерево подальше, и тогда они несомненно поймают зверька.

Краку и Рюгу удалось откатить упавшее дерево немногим в сторону. Берег в этом месте был немного пологий, дерево покатилось и упало в реку, разбрасывая кругом целые фонтаны брызг.

Упав в воду, сухой и крепкий ствол не затонул, а, на против, тихо колыхаясь, поплыл по течению.

Гель как раз купался в реке; увидев падающее дерево, он бросился за ним вдогонку. Тащить большое тяжелое бревно было трудно, и Гель решил взобраться на бревно верхом, справедливо полагая, что с помощью ног он скорее прикалит к берегу.

Расчет Геля увенчался полным успехом. Он сначала поплавал по реке верхом на бревне, а потом благополучно причалил к берегу.

Между тем, мальчики поймали зверька, а затем им тоже захотелось купаться. Недолго думая, они бросились в реку вдогонку за Гелем. Но Гель на бревне плавал гораздо быстрее их. Краку и Рюгу стало завидно. Они решили уст-

роить для себя такое же приспособление.

С большим трудом оба мальчика скатили в реку еще два бревна, и вскоре на реке стала плавать целая флотилия. На берегу появился Старейший, привлеченный их веселыми криками и шумом; он присел на траву и любовался веселыми играми детей.

Мальчики весело понеслись вниз по течению, Старейший некоторое время шел вдоль берега вместе с ними, но потом конечно, быстрое течение унесло пловцов далеко вперед. Краку стало грустно без Старейшего. И он стал обдумывать, как бы так устроить, чтобы и Старейший поплыл вместе с ними.

Крак догнал Рюга, — подплыл к нему и схватил его за плечо:

— Рюг, а как же Старейший?

— Что Старейший?

— Надо сделать, чтобы и он поплыл.

— Крак, ты стал совсем дерзким мальчишкой! Старейший будет плавать верхом на бревне! И как только тебе могла прийти в голову такая мысль!

— Знаешь что? Свяжем стволы вместе лианами и посадим на них Старейшего, а сами будем только держаться за концы.

— Пожалуй.

Мальчики выскочили на берег, сорвали с деревьев крепкие лианы, связали ими стволы деревьев, и таким образом образовался небольшой плот.

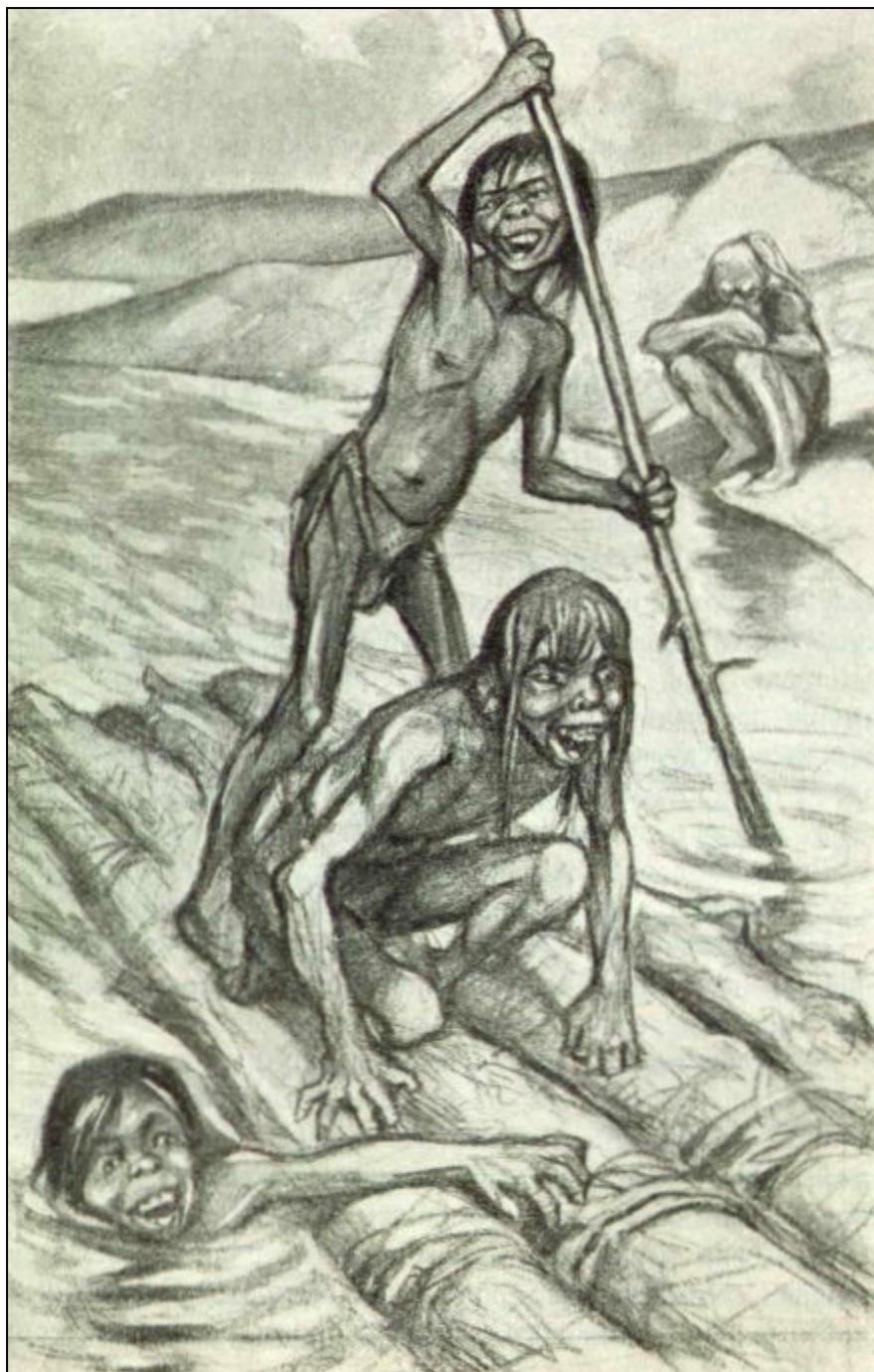
Старейший согласился исполнить просьбу детей и сел на плот, куда Крак уже успел набросать камышей, чтобы удобнее было сидеть. Тяжесть Старейшего, казалось, едва отягощала плот, даже, наоборот, сообщила ему больше устойчивости.

Увидев это, Старейший, пораженный внезапной мыслью, приказал Краку осторожно сесть на плот.

Крак повиновался.

Плот продолжал плавать.

По приказанию старика, к Краку присоединились Гель и Рюг. Плот принял легко и эту тяжесть.

Путешественники, правда, чувствовали себя на плоту не совсем удобно; тем не менее, это нечаянное открытие имело свои хорошие стороны и могло пригодиться.

Так как река текла приблизительно по направлению к восходу солнца, то Старейший объявил, что, во избежание излишнего утомления, они станут теперь, по крайней мере некоторое время, спускаться по реке на плоту.

План этот, восхитивший детей, был приведен в исполнение на другой же день.

Утром охотники занялись под руководством своего учителя срезкой и сушкой на огне длинных и крепких жердей, которые должны были служить для управления илотом.

Они нашли в лесу еще несколько упавших деревьев, спустили их также на воду, связали их лианами и таким образом построили довольно большой илот.

Погода стояла прекрасная, ветра не было, и река, хотя и быстрая, мирно текла в пустынных берегах.

Отплыли без боязни, хотя с некоторым, вполне естественным, волнением для первобытных мореплавателей, да еще таких неопытных, как наши. Плот, высвободившись из окружавшего его камыша, поплыл, красиво качаясь, по волнам между берегами, на которых под влиянием солнечных дней уже пробуждалась зелень.

Глава IX

ОЗЕРНЫЕ ЖИТЕЛИ

На борту плота

В конце концов, однако, такое плавание становилось и утомительным, и опасным, потому что надо было не только предупреждать и избегать встречи и столкновения с плывущими деревьями или животными, но и остерегаться, как бы плот не опрокинулся. Наши путники старались управлять им при помощи шестов, которыми они научились владеть с каждым днем все искуснее и искуснее. На шестой день, обогнув крутой поворот реки, храбрые пловцы увидали вдали обширную голубую равнину, окруженную туманными горами.

Река, по словам дальнозоркого Крака, как будто кончалась и терялась в этой равнине.

Но Старейший объяснил детям, что большая голубая равнина — не что иное, как обширное озеро, отражающее ясное небо. Рюг-большеухий сказал следующее:

— Я уж давно слышу какой-то шум; вот слышен он оттуда, с правого берега, из-за лесов. Сначала я его принял было за топот копыт бегущего стада северных оленей или лосей, теперь же мне точно слышится стук сталкивающихся камней. Считаю долгом сообщить вам это. Да вот прислушайся, Крак; ты, наверное, услышишь этот шум, так как по временам он заглушает ропот реки. Что это? Гигантские ли животные роют там берег, или мы скоро встретимся с тесальщиками кремней? Вот чего я еще не могу определить. Учитель, что ты об этом думаешь?

Крак, прислушавшись, заявил, что, по его мнению, этот отдаленный шум идет от камней, которые бросают кучами друг на друга.

— Лучше говорить шепотом, — сказал старик, — а ты, Гель, передай мне вот тот мешок, что у тебя под ногами.

Камнями, наверное, ворочают люди. Теперь полезно иметь под рукой оружие на случай, если придется сражаться, и захваченные мною подарки, благодаря которым, я надеюсь, эти незнакомые люди отнесутся к нам благосклонно.

Сказав это, стариk развязал жилу, стягивавшую мешок. Дети до сих пор не видали его содержимого.

Сокровища Старейшего

Подарки, о которых Старейший говорил не без гордости, были для того времени, несомненно, драгоценной редкостью,— они состояли из кусков черного янтаря, горного хрусталия, агата, мрамора ярких красок и желтого янтаря. Все куски были просверлены. Из них низались почетные ожерелья. Были тут и полосатые раковины, занесенные в эти края из очень далеких стран, кремни, наконечники для стрел, замечательно искусно сделанные, потом куски красного мела для разрисовки лица, наконец, перламутровые шила, удочки и иголки из слоновой кости.

Таковы были сокровища, собранные понемногу стариком за всю его долгую жизнь.

Дети, рассматривая их, широко раскрывали глаза от удивления.

Впрочем, удивляться им пришлось недолго: надо было опять приниматься за шесты, потому что плот, подхваченный более скорым течением, быстро приближался как раз к тому самому месту правого берега, которое сейчас еще было так далеко и откуда теперь шум бросаемых камней доносился с каждой минутой все сильнее и сильнее.

Стариk спрашивал себя, не слишком ли неосторожно с их стороны продолжать теперь спускаться вниз по течению, и не лучше ли им высадиться и укрыться под привычную сень береговых лесов, когда Крак, дотронувшись до его руки, прошептал:

— Учитель, нас увидали!.. Я вижу перед нами, посреди реки, на древесных ствалах, каких-то людей, которые де-

лают нам знаки.

— Что делать, теперь поздно скрываться, идем смело им навстречу, — ответил Старейший и, в свою очередь, принялся подавать им знаки руками: при этом он встал, поддерживаемый Гелем.

Через несколько секунд плот наших охотников окружили четыре пловучие громады, никогда не виданные ни Краком, ни Старейшим. То были лодки, действительно сделанные из древесных стволов, но только заостренных по обоим концам и выдолбленных внутри.

В этих лодках стояли люди и держали весла с круглыми лопастями.

«Эти люди знают больше меня, но вид у них миролюбивый, — сказал сам себе Старейший, бросив беглый, но восхищенный взгляд на вновь прибывших людей и на их лодки. — Быть может, они-то и дадут нам приют, и с ними закончится моя жизнь и протекут дни этих юных людей. Сначала, однако, постараемся, чтобы нас хорошо приняли».

Порешив таким образом, он обратился с миролюбивой речью к незнакомым людям, которые рассматривали их скорее с любопытством, чем враждебно, и, видимо, с удивлением показывали друг другу на странный для них плот наших путешественников.

Гребцы в лодках, вероятно, не поняли речи старика; но ясное выражение его лица, его спокойные движения руками, ласковые переливы голоса, несомненно, убедили их, что почтенный старик и его спутники, такие еще молодые, пришли к ним с дружескими намерениями, может быть, с торговыми целями, но во всяком случае мирными.

Лодки подъехали к плоту. Обе стороны раскланялись теперь и обменялись приветственными улыбками.

За немногими исключениями, люди на лодках совсем походили по своему вооружению и одежде на людей, приплывших на плоту: даже черты лица их не очень различались.

Пока длилась церемония первого свидания, лодки и плот продолжали спускаться вниз по реке по воле ветра и течения и скоро очутились почти что у входа в озеро, против от-

крытого песчаного берега, на котором наши путешественники увидали необычное как для Старейшего, так и для его внуков зрелище.

Доисторическая каменоломня

В некотором расстоянии от берега, по склонам и на вершине холма, сплошь состоящего из галек* и гравия**, двигались взад и вперед вереницы людей, из которых одни наполняли камнями кожаные мешки, другие сносили полные мешки к берегу и высыпали камни в лодки, совершившно такие же, как и те, что сопровождали плот.

Шум от этой работы и слышали Крак и Рюг.

Плот и лодки подошли к подошве холма и пристали к берегу.

Вмйдя на берег, Старейший и его спутники увидали на вершине холма, в широкой расселине, образовавшейся, очевидно, при добывании камней в продолжение длинного промежутка времени, внушительных размеров скелет громадного животного. Оно было, конечно, занесено сюда мертвым много-много веков назад, во время какого-нибудь наводнения, и погребено понемногу в стоячем положении под слоями гравия, который беспрерывно наносился сюда рекой в то время еще, когда воды ее разливались куда выше их теперешнего уровня.

На лазурно-голубом треугольнике неба, который виднелся сквозь эту расселину холма, чудовищный скелет вырисовывался удивительно отчетливо: казалось, его длинные побелевшие кости, не сдвинутые с места, держались какими-то невидимыми связками.

---

* Галька — овальные или круглые обломки горных пород величиной до куриного яйца.

** Крупный песок, зерна которого достигают величины небольшой горошины.

Громадные плоские рога с причудливыми очертаниями, усаженные остриями и зубьями, торчали по обе стороны могучего черепа, высоко поднимая свои разветвления. По-видимому, это был олень или даже, вернее, лось.

Старейший не раз в своей жизни охотился на лося и ел его, но никогда не видел такого громадного зверя, и вид чудовищных останков этого свидетеля прошедших времен поразил как его, так и его спутников.

Тем временем большинство рабочих на холме продолжали свой тяжелый и непонятный для наших путников труд. Те из них, которые, по-видимому, только давали приказания и руководили работами, подошли к четырем пришельцам.

По красивой осанке, но уверенному виду, по украшениям волос и ожерельям, наконец, по начальническим жезлам, Старейший сразу признал в незнакомцах вождей племени и протянул к ним руки с дарами.

Вожди милостиво улыбнулись, не теряя, однако, своего достоинства, и между стариком и этими предводителями собирателей голышей и галек начался длинный разговор при помощи знаков.

Старейший выразил желание, как от себя, так и от своих спутников, найти в жилищах людей этого племени радушный прием, какой подобает их достоинству и знаниям. Взамен они обещают разделить с ними их труды и охоты, словом, все занятия, и употребить все свои силы и опытность на помочь гостеприимным хозяевам. Он выразил также надежду быть принятыми со временем в число членов великой новой семьи, которую они, к своему счастью, встретили после длинного путешествия, сопряженного со столькими приключениями и лишениями.

Когда просьба была высказана и понята, вожди смерили взглядом Геля, Рюга и Крака. Наружность этих смелых и отважных мальчиков, по-видимому, произвела на них приятное впечатление. Им нужны были сильные и смышленные работники, чтобы закончить громадный труд, предпринятый ими недавно на берегу этого озера. И они согласились на просьбу Старейшего.

Гель, Рюг и Крак почтительно склонились перед ними и тотчас же принялись весело собирать гравий и гальку, не ведая еще пока, зачем и для чего они это делают, однако с не меньшей готовностью и ловкостью, чем остальные.

Что касается Старейшего, в котором вожди признали человека, равного себе по положению, то он сел рядом с предводителями и выпил одновременно с ними, в знак союза, речную воду, поданную ему в большой раковине.

Между тем, пироги* нагрузились доверху. Все сели в лодки, а путешественники опять заняли места на плоту и тоже поплыли вслед.

Жилища озерных людей

Вскоре они подплыли к месту, где река впадала в озеро. Величина и прелесть озера вызвали восторг Старейшего и мальчиков. Они приветствовали его криками восторженного удивления.

Но потом с не меньшим удивлением и восхищением любовались они одной из сторон озера. Там, на довольно большом расстоянии от берега, виднелось множество хижин, крытых тростником и обмазанных глиной. Хижины были выстроены на обширном помосте из древесных стволов, которые лежали на других таких же ствалах, погруженных вертикально в воду. Эти сваи поднимались на несколько футов над поверхностью озера.

Вода была так прозрачна, что наши путники могли видеть у подножия каждой сваи, на дне озера, громадные кучи галек и гравия.

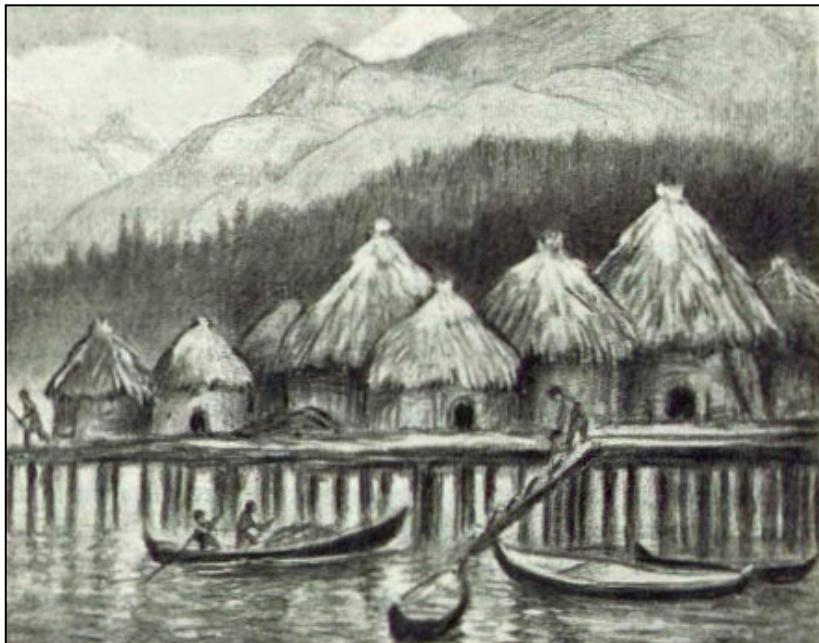
Тут только они поняли, зачем добывались камни на холме и перевозились сюда.

Вертикальные стволы деревьев, грубо обтесанные каменными топорами, не могли глубоко войти в каменистую поч-

---

* Пирога — длинная лодка, выдолбленная из целого дерева.

ву озера, а тогда еще никто не знал о «бабах», которыми теперь забивают сваи.

Для того, чтобы прочнее укрепить эти сваи в том отвесном положении, в каком их ставили искусные водолазы, им помогали работники в лодках, насыпая у подножия свай громадные кучи камней.

Это были водяные поселки, удивительные жилища людей-бобров с постоянно развивающимся умом. Многочисленные остатки таких жилищ существуют и по сие время. Они были недавно найдены в озерах Швейцарии и других европейских стран и получили теперь в науке название «озерных жилищ» или, вернее, «свайных построек».

С изумлением Старейший и трое юношей смотрели на дома на воде, где им было дозволено жить отныне.

— В этих тростниковых пещерах, — сказал Рюг, — можно отдохнуть спокойно. Здесь, кроме нападения птиц, змей да пожаров, и бояться-то нечего. А нападения диких зверей

только забавны.

Гель и Крак думали то же самое.

Только Крак, хоть и радовался, что, наконец, попал в прекрасную страну, к окружавшим его суровым, но гостеприимным людям, в глубине своего честного и верного маленького сердечка думал о том, как отрадно было бы увидеть теперь на платах, где стояли хижины этой неведомой деревни, строгое лицо матери и веселые гримаски сестер, Маб и Он.

Что-то они делали теперь? Уж не забыли ли они его?

Однако новизна всего виденного мало-помалу вытеснила из ума мальчугана это нежное сожаление и печальные вопросы.

Новые друзья

Когда лодки подошли у хижины к новому месту постройки, где собирались ставить сваи, он снова развеселился и готов был сейчас же доказать, что сумеет направить свое рвение, мужество и сметливость на пользу принявшей его новой семьи.

Между тем, на помостах снаружи хижины с любопытством теснились обитатели деревни, рассматривая плот с незнакомыми чужеземцами.

Они приняли новых пришельцев с благосклонным любопытством. Их оружие и одежда сделались предметом продолжительного изучения со стороны молодежи поселка.

Так как дружба между молодежью заключается скоро, то и между Краком и его братьями и озерными мальчиками их возраста, спустя несколько часов, установились такие отношения, как будто они всегда были знакомы.

Гель-рыболов тотчас же отдал себя в распоряжение работников, попеременно нырявших под воду и поддерживавших сваи в отвесном положении, пока их основание укрепляли камнями.

Гель чудесно нырял и мог оставаться под водой очень

долгое время.

Между тем, Рюг остался в лодках с теми, которые погружали сваи в воду, и очень быстро научился обтесывать и заострять концы древесных стволов с помощью длинного топора из шлифованного камня.

Старейший взглянул на новые для него орудия, с которыми, казалось, было так ловко управляться, нашел, что они значительно опередили те, которые были до сих пор в употреблении у обитателей пещеры, и еще раз порадовался, что встретил племя, гораздо более способное к борьбе за существование.

Он с радостью отметил это обстоятельство.

Вечером, когда их поместили в большой и хорошо закрытой хижине, предназначеннной им для жилья, Старейший поделился своими наблюдениями с мальчиками.

— Дети мои, — сказал он, — я рад, что мы встретили людей, которые — я признаюсь в этом без стыда — знают куда больше, чем старейшины пещеры и чем я сам. Подражайте им, работая с ними. Учитесь от них. Вы молоды и скоро научитесь владеть оружием и инструментами этих людей. Они изобрели такие хорошие вещи, потому что в этой мирной стране они были менее озабочены борьбой, чем мы, и имели больше времени и досуга. Когда-нибудь вы их догоните и даже, без всякого сомнения, перегоните. Что касается меня, то я сомневаюсь, чтобы в мои годы я мог научиться ловко владеть этими топорами с рукояткой, несмотря на то, что они мне очень нравятся, и этими тяжелыми палицами, снабженными зазубренными камнями, прикрепленными жилами.

— Учитель, — сказал Крак, — я наблюдал сегодня, что они делают, чтобы просверлить в топорах дыру для рукоятки из крепкого дерева. Один из здешних показал мне, что для этого берется костяная палка, песок и вода. Палку вращают безостановочно в топоре, отчего в конце концов на нем получается маленькая впадинка, которая становится все глубже и глубже, и, наконец, превращается в дырку. На эту работу надо, конечно, время и терпение.

Старейший похвалил Крака за наблюдательность.

Первая ночь на озере прошла очень спокойно, и в первый раз еще сон путешественников не прерывался тревожными криками ночных животных. Наоборот, их точно баюкал тихий плеск воды о сваи, подпирающие их теплую хижину.

Два четвероногих друга

На другой день, проснувшись бодрыми и веселыми, они вышли из своей хижины на помост или, вернее, на жидкые мостки, соединявшие деревню с берегом, и присоединились к жителям, уже занятым различными работами.

Женщины жарили рыбу и мясо на очагах из плоских камней, скрепленных илом, который и сам стал таким же твердым, как камень.

Вероятно, вид этого самого ила, обожженного огнем, и внушил позднее первобытным людям мысль лепить из него сосуды наподобие их плетушек из коры и затем обжигать эти сосуды на огне.

Старейший объяснил своим детям, что, благодаря камням и илу, свайный помост не может загореться. И он признался, что с самого прибытия в поселок его все время преследовала и мучила мысль о том, как легко эти деревянные хижины могут вспыхнуть и загореться. Но теперь, после того, как он увидал, что огонь в поселке не раскладывается случайно на земле, а только на крепком очаге из камней, он совсем успокоился.

Пока они разговаривали, дети-туземцы приложили к губам большие раковины и дули в них изо всех сил, извлекая хриплые звуки. На этот призыв работники, рассеянные по берегу и на пирогах, стали собираться к свайным хижинам. Настал час еды. Через несколько минут все собрались вокруг очага, и среди глубокого молчания началась раздача пищи.

Некоторое время слышалось только шумное чавканье да иногда, так как все обедавшие не ели, а обжирались, гром-

кая икота.

С наслаждением смакуя маленьких мясистых рыбок с красными точками на спине, вероятно, форелей, Крак вдруг заметил, скорей с изумлением, чем с испугом, недалеко от очага двух зверьков с острыми ушами, но гладким хвостом.

Эти зверьки, сидевшие в некотором расстоянии от едоков, бросали свирепые взгляды на мясо.

Крак, немного удивленный равнодушием своих сотоварищей к животным, которые, казалось, готовы были кинуться на них, встал, не говоря ни слова, схватил свою палицу и собрался храбро напасть на зверьков, но начальник племени, заметивший его стремительное движение, сделал ему знак положить оружие на место и снова приняться за еду.

Сам он сейчас же кинул несколько костей животным, которые жадно накинулись на эту скучную добычу и, ворча, оспаривали ее друг у друга, что вызвало смех среди детей.

Начальник объяснил Старейшему, удивленному не меньше Крака, что эти дикие зверьки бродили однажды во время сильных холодов вокруг их лагеря, когда они работали на берегу. Вероятно, их мучил голод. Когда в них бросили, чтобы отпугнуть их, остатками какой-то пищи, то они не только не убежали, а подошли поближе и пожрали ее. Так продолжалось несколько дней подряд, причем животные терпеливо следовали за работавшими каждый раз, когда люди переменяли стоянку.

— В конце концов, — добавил начальник, — животные, увидав, что их не преследуют и что они находят тепло и пищу вблизи работающих, так и не покидали нас больше. И вот уж много дней прошло с тех пор, а они всюду следуют за нашими людьми, и когда наши охотники преследуют северного оленя или какую-нибудь другую дичь, они бегут вперед и кружатся около добычи, подгоняя ее к охотникам. Нам показалось это полезным, и мы решили не убивать их. Словом, теперь они тоже принадлежат к жителям поселка, и на них никто не обращает внимания.

Старейший долго и с восхищением разглядывал животных, которых считали за друзей. Он и не подозревал, ко-

нечно, что впоследствии потомки этих зверей, прирученных так случайно, вследствие ухода и правильного питания, изменят более или менее свой теперешний вид, потеряют мало-помалу свой дикий нрав и свою склонность к самостоятельной охоте по лесам и превратятся в наших помощников и товарищей — в собак.

Крак открывает опасных врагов

Покончив с едой, все улеглись спать. Когда же пища переварилась, опять принялись за работу. Несколько охотников, за которыми потащились вслед и зверьки с острыми ушами, отправились в леса. С ними ушли также Гель, Рюг и Крак. Остальные снова принялись ставить сваи, а женщины и дети скоблили шкуры, натирали их песком, жиром и водой, чтобы выделать их как можно лучше и приготовить из них мягкие меха.

Старейший и начальник поселка, усевшись рядом у очага, за которым они взялись приглядеть, обтесывали наконечники для стрел, соперничая друг перед другом в ловко-

сти и умении. Приготовив наконечники, они сравнивали свою работу и дружески поздравляли друг друга.

А поздравлять было с чем: такого поразительного совершенства и законченности достигали эти два мастера по тесанию кремней!

Мы можем и сами убедиться в этом, — стоит только внимательнее рассмотреть в коллекциях музеев маленькие кусочки кремней, — работу их и их учеников, дошедшую до нас.

И мы не сумели бы лучше исполнить эту работу со всеми нашими теперешними инструментами, удобными и легкими.

В то время, как оба старика работали на помосте «свайной постройки», Крак, бредя по лесной чаще за своими товарищами, вдруг услыхал хорошо знакомый ему треск, как бы от раскусывания зубами ореха; треск шел с верхушки дерева.

Машинально поднял он голову, чтобы посмотреть, какой это грызун шелушит так неосторожно плоды, и сам в то же время присел в высокие сухие папоротники, чтобы скрыться от глаз животного.

Но каково же было его удивление, когда он увидал на верхушке дерева не грызуна, а ноги какого-то человеческого существа!

Крак замер неподвижно и, чуть дыша, спрятался еще глубже в траву, бесшумно, как змея, и стал выжидать, бросая взгляды на верхушку дерева через просветы в листве, которые, к счастью, его совсем скрывали.

Существо, щелкавшее орехи на дереве, продолжало, между тем, отыскивать другие плоды, что и мешало ему, очевидно, смотреть вниз и расслышать шелест травы, раздвигаемой Краком. Скоро, впрочем, человек этот, вероятно, не найдя того, чего искал, решил спуститься на землю.

Он выполнил это бесшумно и очень ловко; спустившись к подножию дерева, перевел дух и быстро скользнул в чащу.

Он так и не заметил и не почувствовал даже молодого охотника.

А тот успел-таки его рассмотреть. Ни по лицу, ни по одежде он не походил ни на одного из жителей поселка, с которыми Крак только что успел познакомиться.

Кто же был этот незнакомец?

Лицо у него было очень волосатое, а шею охватывало ожерелье из когтей медведя.

Крак, вздохнувший свободно после ухода человека с ожерельем, очень обрадовался, что отделался от него так просто. На первых порах он собрался бежать со всех ног к своим, но после минутного размышления решил храбро последовать за незнакомым охотником и посмотреть, куда он пойдет.

Руководимый обонянием и слухом, он сейчас же кинулся вслед за ним в лес и пополз чуть не по пятам за незнакомцем, во всяком случае так близко от него, что видел, как примятая им трава медленно поднималась по следам его ног.

Но вот запах тины и водяных растений, сначала едва слышный, потом более и более острый, возвестил Краку, что они, вероятно, подходят к берегу озера. И действительно, он не ошибся.

К шелесту листьев и ветвей скоро присоединился плеск воды на озере. Между деревьями и растениями падали полосы света, которые делались все ярче и ярче.

У опушки леса Крак остановился.

Он увидал, что незнакомец, ничуть не скрываясь, смело прошел по пустынному плоскому берегу и направился к чаще высокого тростника, окаймлявшего озеро. Пока он шел по берегу, над тростниками вдруг появились черноволосые головы.

Крак пересчитал или, вернее, поднял по пальцу на каждую видимую им голову — доисторические мальчики ведь не умели считать! — и увидал, что вновь прибывших было столько, сколько у него пальцев на двух руках, да еще один палец на ноге.

Крак очень хорошо рассмотрел незнакомцев, и у него не осталось ни малейшего сомнения, что никто из них не принадлежал к племени, живущему на воде.

Он решил поскорее предупредить своих сотоварищей о странном появлении здесь незнакомцев, прятавшихся по берегу озера: ведь это мог быть неприятель.

Крак пустился в обратный путь по лесу с уверенностью молодой собаки с тонким чутьем — и осторожностью старого лесного бродяги.

Он скоро присоединился к группе охотников, да и пора было, потому что Рюг и Гель уже беспокоились, не зная, чем объяснить исчезновение их маленького брата, и умоляли товарищей подождать хоть еще немного, чтобы Крак мог их разыскать.

Рюг настойчиво уверял, что мальчик скоро вернется.

— Уж поверьте мне, — говорил он, — я слышу его шаги, он недалеко отсюда.

Тем не менее, охотники были очень недовольны и уже ворчали, когда, наконец, появился Крак.

Они были так недовольны, что и появление запоздавшего не успокоило их. Однако новость, принесенная Краком, сразу подействовала на них.

Когда Крак описал незнакомцев, охотники озерного поселения, имевшие о соседних бродячих племенах более точные сведения, чем новые обитатели, тотчас же проявили все признаки живейшего волнения, гнева и страха.

Они поспешили разрубили на части пойманного оленя, взвалили куски мяса себе на плечи и, прибавив шагу, двинулись к поселку.

Собираясь сесть в лодки, они вдруг заметили, что двух пирог не хватало.

— Куда они девались?

На иле плоского берега были ясно видны борозды, оставленные каждой из пирог, когда их тащили из воды на берег, чтобы их не унесло волной. Так же хорошо был виден и след двух теперь исчезнувших пирог; но обратного следа нигде на влажной почве не замечалось. Очевидно, лодки не были спущены на воду обычным путем. Не было также никаких следов от ног, кроме тех, которые были оставлены охотниками еще при высадке на берег и которые они сразу признали за собственные следы.

Однако, останавливаться далее на предположениях относительно таинственного исчезновения двух пирог было некогда. Быстро спустили охотники остальные лодки на воду и, сильно взмахивая веслами, понеслись к поселению на воде.

Военный совет и битва

Приехав в озерный поселок и выйдя из лодки на помост, охотники немедленно направились к хижине вождей. Начальники вышли оттуда и собрались вокруг очага.

Крак был тотчас же позван на важное совещание.

Он повторил то, что уже раньше рассказал охотникам, дополняя слова для большей убедительности жестами.

Вожди выслушали его, насупив брови, потом уже приступили к обсуждению. Покончив с ним, они обернулись к Старейшему, который присутствовал на собрании, не принимая участия в совете. Прежде всего, они поздравили его, что он так хорошо воспитал ребенка, сейчас говорившего перед собранием, а затем поручили ему благодарить Крака от имени всех и начальника племени.

— Без него, — сказал, в свою очередь, этот последний, — и без его осторожного и отважного поступка на нас, несомненно, было бы сделано нечаянное нападение и, вероятно, очень скоро. Оно задумано партией наших злейших врагов, ордой ненасытных лесных бродяг, которые пришли неизвестно откуда и скитаются с некоторых пор по берегам озера, разыскивая какую-нибудь добычу. Теперь мы предупреждены. Опасность велика; но кто остерегается, тот силен. Мы были твердо убеждены, что эти бродяги покинули нашу страну, так как мы потеряли их след; но теперь мы убедились, что они и не думали удаляться, а дерзко вернулись на берега озера и снова замышляют нашу гибель. Мы сумеем выждать и встретить их так, как подобает, если они опять осмелятся явиться сюда, как уже пытались раз ночно на плотах.

Старейший простер свой начальнический жезл над головой Крака, склонился перед ним и ласково положил ему руку на плечо.

Крак, удостоенный такой чести перед всеми, даже прослезился от радости.

Пока шли эти разговоры, настала ночь. Все наскоро поели с разрешения вождя. Затем, по приказу вождя, самые сильные охотники отправились вынимать горизонтальные древесные стволы, вогнанные с силой между верхушками свай при входе на длинные мостки, соединяющие поселок с берегом озера; мостки эти были выстроены для удобства женщин и детей, а также тех из жителей, которые захотели бы перейти на землю во время отсутствия пирог. Женщинам и детям было приказано скрыться в хижинах, обращенных к середине озера. Впрочем, никто из них не лег спать. Работы производились, по возможности, без шума.

Воины вооружились и были расставлены на местах начальниками. Пустыми остались центральный помост, где огонь, как всегда, мирно тлел под пеплом, и вход на мостки. Часть воинов получила приказание спуститься в пироги и залечь в них. Пироги эти разместились, по обыкновению, вдоль свай, перед мостками. Их только прикрыли сверху тростником, сорванным с крыши.

Затем все стали ждать.

Рюг, о необыкновенном слухе которого было рассказано его новым друзьям, был назначен на почетный пост. Он должен был, улегшись у огня, на свету, прислушиваться к ночным звукам, предупредить вождей о прибытии неприятеля и представиться спящим глубоким сном в момент высадки, — словом, сыграть роль часового, которого одолел сон.

Рюгу было также приказано, — как только он увидит, что воины, стоящие на страже в самом поселке, кинутся неожиданно всей массой на неприятеля, — отнюдь не вмешиваться в битву, а спешно подкинуть на огонь камыш и валежник и внезапно осветить все поле битвы: камыш был нарочно облит для этого смолой и жиром и сложен около очага.

Все приказания вождей были выполнены с точностью. Среди ночи Рюг вдруг поднял руку перед очагом, не говоря ни слова.

— Они идут, — прошептал вождь, поняв движение Рюга, — внимание! Смотрите, — прибавил он на ухо Старейшему, — они нарочно выждали наступления самых холодных часов, потому что думают, что в эти часы сон всего крепче и наши часовые могут задремать.

Кругом царили полнейшая темнота и глубокое молчание. Только где-то там, на далеких берегах, изредка раздавался жалобный крик болотной птицы.

Рюг вторично поднял руку и лег.

— Вот они!.. — сказал вождь.

До напряженного слуха воинов действительно стал долетать время от времени, среди мерного и тихого говора волн, какой-то осторожный и необычный плеск, точно вода разбивалась о плывущие по ее поверхности предметы.

Скоро этот плеск стал слышен еще внятнее.

Критический момент приближался.

Рюг хралел.

Его мирный, но звонкий храл, наверно, подбодрял врага, еще невидимого в темноте, и приглашал его подвигаться безбоязненно вперед. Неприятель уже заранее радовался, заметив, что часовой мирно спит: теперь он видел его вполне отчетливо при свете сторожевого огня распространенным на земле; он спал, вместо того, чтобы встретить врага на ногах и с копьем в руке.

Так как до сих пор до слуха не долетало ничего похожего на стук весел о воду, то вождь заключил из этого, что пироги, украденные незнакомцами, или плот, на котором они сидели, буксировался сменявшими друг друга искусными пловцами.

Так и было на самом деле.

Эти пловцы подвели пироги вплотную к сваям с той стороны, где стояли лодки, в которых лежали воины, скрытые под связками тростника.

Нападающие полезли один за другим на край помоста, производя так же мало шума, как водяные крысы.

Скоро над столбами показались головы. При свете огня в их широко открытых глазах видно было свирепое выражение.

Один за другим они взлезли на помост. С большинства струилась вода. Тот, который шел во главе, показал своим товарищам на уснувшего Рюга, внезапно потряс многозначительно копьем и двинулся к спящему.

Но Рюг не спал. Во время своего притворного сна он мало-помалу приблизил к очагу головни, облитые смолой, которые, нагревшись, должны были моментально вспыхнуть.

Когда вождь этих неведомых пришельцев, подняв копье, приготовился пронзить Рюга насеквоздь, смелый юноша сделал беспечное движение человека, переворачивающегося во сне на своей постели, отчего тело его переместилось и головни вспыхнули, быстро втолкнутые в огонь его ловкой рукой.

Внезапное пламя ослепило чужого вождя, который на мгновение остановился с поднятой рукой.

Этот короткий миг невольного замешательства был для него роковым, когда его копье вонзилось в пустое место. Со всех концов помоста бросились воины поселка и окружили высадившихся дикарей. Крак, вооруженный кинжалом, вмиг вырос перед неприятельским вождем и вонзил ему кинжал в грудь. Человек упал. Крак молча прикончил его.

И с товарищами неприятельского вождя было поступлено не лучше. Удары дубин и палиц сыпались на обезумевший отряд, словно удары цепа по снопам хлеба.

А огонь, между тем, пылал ярко, как маяк, и Рюг, среди ужасной битвы, спокойно и с сознанием долга без устали подбрасывал на очаг все новые и новые охапки. Когда какой-нибудь враг слишком близко подходил к храброму мальчику, то он, верный своему долгу, ограничивался тем, что совал в лицо неосторожному горящую головню.

Незнакомцы сначала не думали уступать и сражались с каким-то диким героизмом. Падавшие под ударами вниз на помост кусали своих противников за пятки.

Однако они скоро поняли, что им не победить воинов,

число которых постоянно возобновлялось, тогда как их отряд уменьшался с каждой минутой, и быстро отступили к мосткам. Найдя их отрезанными, они повернули к лодкам и пирогам, рассчитывая броситься в них и уплыть под покровом ночи.

Но едва они дошли до края помоста, как их встретили воины, которые, стоя в своих пирогах, огласили воздух грозным воинственным кличем.

Нападающие, испуганные этим внезапным появлением новых врагов, поняли, что они погибли.

Кто еще не был ранен, бросился в озеро, но за ними тотчас кинулись вдогонку Гель-рыболов и другие, последовавшие его примеру. Некоторые, хотя и раненые, продолжали сражаться, всячески оскорбляя победителей.

Но скоро и они пали, подавленные численностью, пали рядом с теми из жителей поселка, которые, мертвые или насмерть израненные, лежали уже на окровавленных бревнах озерной деревни.

Неожиданный пожар

Когда сражавшиеся, освободившись от врагов, уже отдохнули и пили, не отрываясь, холодную свежую воду, Рюг вдруг стал громко звать испуганных женщин и детей, которые издали присутствовали при битве, и требовал, чтобы они тащили поскорей шкуры и мочили их в воде.

Вождь и Старейший, с замечательным хладнокровием подававшие все время, пока шла битва, оружие своим обезоруженным товарищам, осведомились о причине таких поспешных требований и криков Рюга.

— По-моему, — ответил большеухий мальчик, — бесполезно сжигать весь наш запас топлива. Теперь требуется затушить то, что было зажжено. Тем более, что и пол у нас начинает загораться.

Действительно, поселку угрожала новая страшная опасность — пожар.

К счастью, благодаря неусыпной бдительности Рюга, женщины, вовремя послушавшиеся приказаний хранителя огня, притащили груды мокрых шкур, которые и были поспешно разложены по полу и на очаге; охотники тоже пришли на помочь и таскали сосуды из коры, полные воды.

Огонь был быстро затушен.

Тогда занялись ранеными.

Трупы врагов были брошены в озеро.

Только вождь, раньше чем столкнуть в воду тело человека с волосатым лицом, которого убил Крак, сорвал с убитого его ожерелье из когтей медведя и надел его на шею ребенка со словами:

— Ты вполне его заслужил, и я дарю тебе это ожерелье в знак уважения и благодарности от имени всего моего народа.

Старейший взял руку Крака, положил ее на свое сердце, трепетавшее от волнения, и сказал:

— Теперь ты воин, сын мой, и я доволен тобою!..

Наконец, на заре появился и Гель-рыболов; он плыл так же ловко, как рыба в воде. Все лицо у него, от виска до подбородка, было рассечено, что не мешало ему улыбаться.

Спрашенный Старейшим, Гель сурохо ответил:

— Я вместе с несколькими товарищами кончил под водой то, что вы начали на помосте. А чтобы помешать тому, кто мне нанес эту рану, узнать меня по ней когда-нибудь впоследствии, я выколол ему глаза.

Прощальное слово Старейшего

За этой ужасной ночью последовал длинный ряд спокойных и мирных дней, и маленький поселок на сваях надолго стал снова убежищем труда и счастья.

Быстро миновал ряд тихих и мирных годов, в течение которых Крак много раз выдвигался из среды товарищей своими прекрасными и добрыми качествами.

В нем развивались, наравне с доблестью, предусмотрительность и знания.

Осыпанный лестными отличиями, он тем не менее сохранил свою прежнюю скромность. Вот почему, несмотря на его молодость, никакие доказательства дружбы, снисхождения и доверия, получаемые им отовсюду, ни в ком не возбуждали зависти.

Напротив, его ставили в пример младшим членам семьи, и те старались подражать ему.

Всякий чувствовал в нем будущего вождя, неоцененного руководителя, опытного советника, бесстрашного защитника.

Гель и Рюг, которых он почти догнал ростом, охотно признавали во всем его первенство и в то же время продолжали любить его по-прежнему.

Общее уважение, которым пользовался Крак, уверенность Старейшего, что его дорогой ученик достигнет когда-нибудь высшего положения в племени, немного смягчили то горькое сожаление, которое по временам охватывало старца при мысли, что ему не суждено судьбой увидеть собственными глазами резной жезл вождя в руках Крака.

Однажды, почувствовав приближение конца, старец тайно поручил Гелю и Рюгу передать Краку в тот час, когда он получит право власти, и когда его, Старейшего, уже не будет в живых, древний знак отличия его власти — резной жезл из кости северного оленя, которым он честно и гордо владел почти сто лет.

Покончив с этой заботой, Старейший предался на волю судьбы, завернулся в свою волчью шкуру и со спокойным величием стал ждать конца.

В день смерти вожди окружили его ложе, и он сказал им, указывая на Крака, который старался сохранить твердость духа, стоя между Гелем и Рюгом:

— Люди настоящего, слушайте, что скажет вам человек прошедшего: благодарю вас за ваше гостеприимство и оставляю вам вот это дитя. Оно должно руководить впоследствии вашим народом и направлять его к хорошему и к

лучшему в борьбе за существование. Это человек будущего! Прощайте!

Произнеся эти слова, Старейший скончался.

Глава X

СЛЕПОЙ ВОЖАТЫЙ

Похороны Старейшего

На другой день после смерти Старейшего вожди свайного поселения собрались на чрезвычайный совет. На совете этом было решено, что останки старца не будут спущены на дно озера и засыпаны грудой гравия, как это было в обычном случае после смерти рядового члена племени, а будут торжественно скончаны в земле, среди леса, как того требует житейская мудрость покойного.

Труп был обернут, вместе с оружием и одеждами, в дрессную кору и опущен в пирогу.

Краку было поручено переправить эту похоронную лодку к берегу.

Вожди же и воины должны были сопровождать ее на других пирогах.

Постановление вождей было приведено в исполнение на следующий же день, на рассвете.

Когда люди подошли к берегу, юноши племени, устроив носилки из ветвей, положили на них останки Старейшего, после чего процессия двинулась в путь. Первыми понесли похоронные носилки ГельиРюг: за ними печально шел Крак в сопровождении вождей.

В последних рядах шагали люди, тащившие мясо, коренья и рыбу, предназначенные для похоронного пира. Другие несли пузыри, наполненные водой на случай, если им не встретится ручья по дороге.

После продолжительного и трудного перехода по лесу, шествие пришло в узкую долину, куда, кроме вождя, еще никто не проникал.

Вождь избрал именно эту уединенную долину, чтобы Старейший мог в мире предаться здесь своему последнему сну. Он вполне заслужил этот отдых после такого долгого

существования, преисполненного постоянных беспокойств и непрестанной борьбы.

По приказу вождя, в долине была вырыта яма, и в нее положены останки престарелого чужеземного воина.

Затем, вплоть до самого вечера, все присутствующие набрасывали землю на могилу.

К ночи земляной холм достиг почти двадцати футов в вышину.

Это большая насыпь из земли, камней и дерна должна была не только указывать будущим прохожим место, где был погребен человек, достойный памяти своих близких, но и защищать его останки от покушений кровожадных зверей и разрушительной силы стихий.

Когда курган (так зовут теперь эти могильные насыпи из земли и щебня, воздвигнутые над местом погребения) был готов, принялись зажигать костер и готовить пищу.

И молча, лишь изредка вспоминая прекрасные качества товарища, ушедшего теперь от них навеки, собравшиеся спрвили похоронные поминки. Обычай этот продолжался из века в век, теряя, однако, с течением времени свой первоначальный строгий и простой характер, а наконец и свое значение.

Первые тризны были очень непродолжительны и далеко не отличались обилием пищи, а, так сказать, вполне естественно вызывались собраниями в местах, обыкновенно пустынных, большого количества людей, пришедших издалека и часто с пустым желудком.

Измученные ходьбой и работой по погребению, присутствующие восстанавливали свои силы на месте погребения.

В большинстве случаев, усталость и позднее время вынуждали их проводить даже ночь на месте погребения.

То же самое сделали в этот вечер после похорон Старишего и обитатели свайного поселка.

С рассветом они уже были на ногах и готовились приступить к последней особенной работе, чтобы еще более торжественно почтить память умершего. Вождь повелел своим воинам набрать поблизости камней и поставить их стоймя вокруг кургана.

К полудню в долине образовался громадный круг из камней всевозможной величины. Курган составлял центр этого круга.

Такие «круги камней», оставшиеся от давно прошедших времен, или «кромлехи», настолько чтились потомками, что и теперь еще, по прошествии многих тысяч лет, в странах северной Европы встречается немало следов таких памятников.

Когда каменный круг был закончен, вождь подошел к трем братьям и попросил их сказать воинам, что они довольны их работой.

Дети, прежде всего, поблагодарили самого вождя за его заботы, а затем уже обратились к воинам с несколькими короткими фразами, которые вполне ясно передавали их чувства.

Пока они говорили, воины, потрясая копьями, принялись медленно кружиться вокруг уже погасавших костров и испускать время от времени громкие крики, постепенно замиравшие в воздухе.

Когда этот странный марш был окончен, все собирались вокруг вождей, ожидая сигнала к выступлению.

Похороны кончились, теперь надо было двинуться обратно к озеру.

Незнакомцы большой равнины

Крак и его братья шли молча, лишь изредка бросая печальные взгляды на исчезающие в туманном горизонте леса и холмы, — те леса, среди которых они оставили могильный курган Старейшего; остальные воины весело подвигались вперед, равнодушно беседуя о своих делах.

Они ни о чем другом не думали, кроме будущих охот и радостного возвращения в родные хижины, к своей семье.

С наступлением ночи, когда отряд вышел из леса на открытую равнину, передовые воины или разведчики вдруг натолкнулись на нечто такое, что их не испугало, но край-

не удивило.

Они увидали три человеческих существа: юношу и двух молоденьких женщин, сидевших на корточках рядом с человеком много старше их, казалось, мертвым или готовившимся к смерти. Троє незнакомцев, по-видимому, были вконец изнурены усталостью и всякими лишениями.

В нескольких шагах от старика, в луже крови валялся труп медведя.

Разведчики испустили тревожный крик, чтобы предупредить шедших сзади, и воины, предводительствуемые вождем, живо очутились около четырех несчастных.

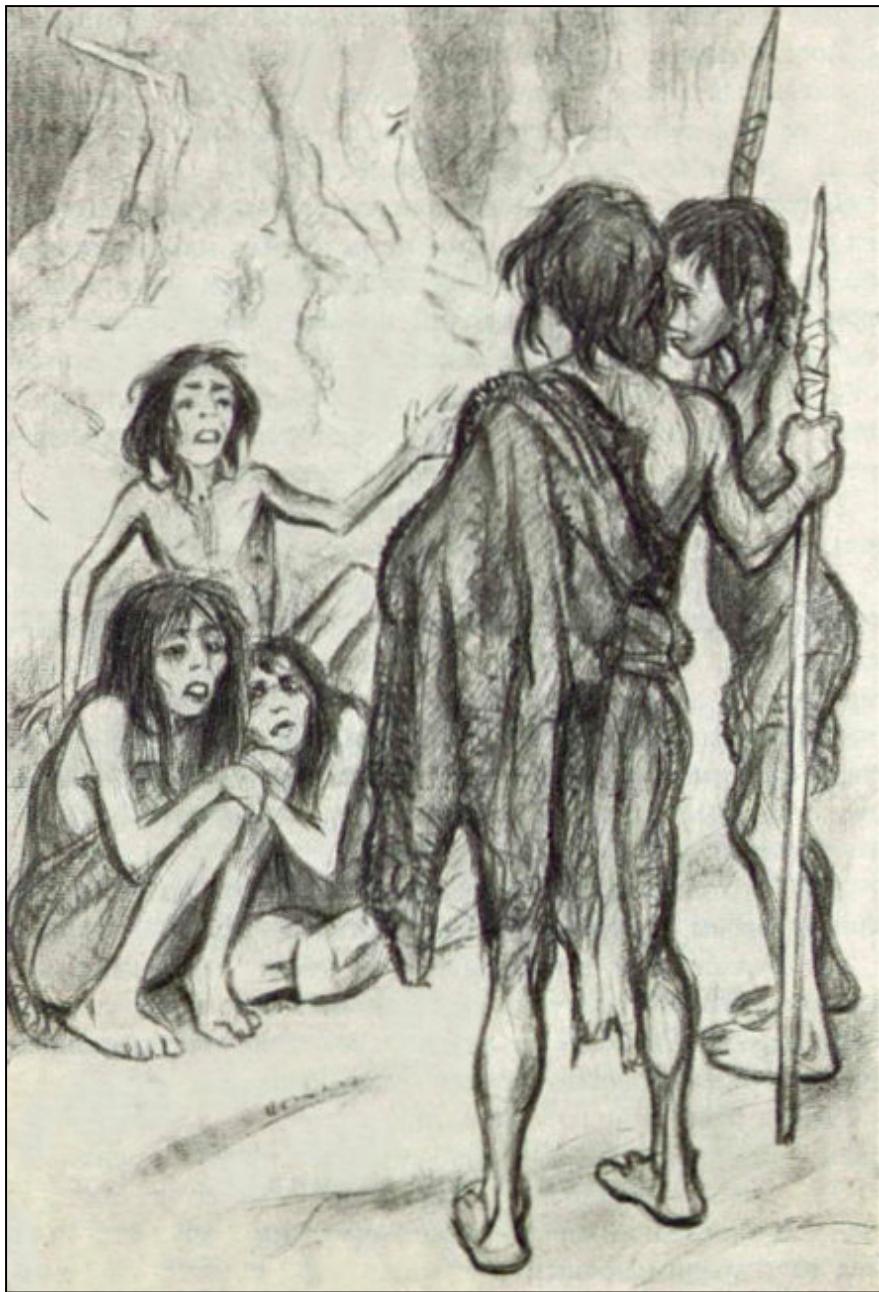
Тем временем, обе молодые женщины и молодой человек встали, шатаясь, и взглядом и знаками умоляли подошедших о пощаде, сопровождая свои движения словами, которых озерные жители не понимали, но смысл которых был для них вполне ясен.

Только Крак, слушая незнакомцев, вдруг страшно вздрогнул и посмотрел на Рюга и Геля, лица которых отражали в эту минуту такую же внутреннюю тревогу и волнение.

И вот почему.

Хотя они уже в течение многих лет не говорили, даже в разговорах между собой, на том языке, на котором изъяснялись когда-то в родной пещере, потому что решили усвоить и очень быстро изучили несложный язык обитателей свайного поселка, тем не менее, они не забыли совершенно слов, слышанных и повторяемых ими в детстве. И теперь они очень изумились и взволновались, потому что незнакомцы говорили на их родном языке.

Спустившиеся сумерки мешали разглядеть черты и одежду этих горемык, так неожиданно встреченных на равнине, и трое братьев одновременно подумали, что перед ними, весьма вероятно, беглецы или выходцы из племени, очень близкого и, может быть, даже соседнего с обитателями пещеры на берегу реки. Они сообщили свою догадку вождю, который нашел их предположение очень основательным и приказал им немедля расспросить злополучных путников.

Пока они беседовали, воины разложили костры и поспешили напоить и накормить чужеземцев.

Измученные жаждой, те жадно пили, но от еды отказались.

Попытались также пропустить хоть несколько капель живительной влаги в сжатые губы старика, лежавшего на земле рядом с другими, но напрасно: он был мертв.

Затем Крак стал расспрашивать несчастных, внимательно изучая в то же время при свете огня их худые, костлявые лица, покрытые грязью и расцарапанные колючками от долгого скитания в густой чаще лесов.

Обе молодые женщины лежали неподвижно и молча, видимо, совсем изнуренные; отвечал только молодой человек.

Он рассказывал, что пришли они очень издалека, и что они, наверное, последние из оставшихся в живых от сильной и многочисленной когда-то семьи, которую беспрестанные нападения враждебного племени мало-помалу совсем довели до крайне бедственного положения.

Рассказ чужеземца

— В последний раз, — прибавил юный чужеземец, — вслед за большим ночным сражением, страшно ожесточенным, те из наших воинов, которые были еще не ранены, как я, например, после долгого и отчаянного боя, решили, не видя другого исхода, искать убежища в лесу и увели с собой женщин и детей, но многие из наших были захвачены во время бегства, убиты или уведены в плен. И только вот этим обеим женщинам да старику, от которого теперь остался только холодный труп, и мне самому удалось избежать ожесточенного преследования наших врагов. Удалось благодаря тому, что мы шли, не останавливаясь день и ночь. Мы пошли тише только тогда, когда решили, что находимся вне опасности. Тогда мы стали идти не на удачу, как раньше, а по направлению, которое было извест-

но нашему старому товарищу по несчастью и которое он нам указывал. Порой он точно терял всякую бодрость и умолял нас продолжать путь одним, а его оставить на произвол судьбы.

— Чем же вызывалась такая странная просьба? — спросил Крак.

— Ему думалось, что в такие опасные минуты он страшно мешает нам, потому что он был слеп.

— Слеп?

— Да, слеп. Он ничего не видел. Он был чужой нашему племени; мы встретили его в одну из наших разведок по лесу. Он бродил в лесной чащбе, умирая от голода. Откуда он — никто не знал; наши вожди, однако, его подобрали и приняли к себе.

— Приняли слепого! К чему он был годен? — вскричал удивленный Крак. — Это было неумно со стороны ваших вождей.

— Наши старики не так думали, — ответил молодой человек. — Они приняли слепого чужеземца, потому что он обещал им, если они сохранят ему жизнь, отблагодарить их со временем за такое благодеяние. Он обещал указать позднее нашему племени дорогу в неизвестную, чудную страну, где тепло и много дичи, нежных кореньев, вкусных плодов, и всюду струятся светлые ключи; в страну, говорил он, где жизнь течет легко и мирно, где люди живут в хижинах, построенных посреди обширных водных пространств.

— Так этот слепой видел наше озеро! — подумал удивленный Крак.

— И вот с той поры воин стал жить и кормиться у нас, ожидая, когда наши старейшие, предвидевшие скорую погибель племени, согласятся, наконец, на переселение в другую страну, чего они, к несчастью, не сделали. «Он нам полезен своими рассказами», — уверял самый старый из наших начальников. И в самом деле, чужеземец знал и учил нас многим новым вещам. Казалось, он видел памятью и опытом то, чего не видел глазами, настолько все его указания были точны.

— Значит, он сумел стать всем полезным, и вы были правы, оставив ему жизнь и предложив приют у себя, — серьезно сказал Крак.

Молодой чужеземец продолжал свой рассказ:

— Но мы не бросили слепого воина, хотя он и заклинал нас об этом, и я кормил его тем, что добывал на охоте. Зато он был нам добрым советчиком и опытным вожатым. Мы поминутно рассказывали ему о том, что видели вокруг себя, о небе и земле, о деревьях и растениях, — словом обо всем, что встречали на своем пути. Он указывал нам затем, какого направления нам следовало держаться и в какую сторону следовало идти.

Путь был длинный. Однажды вечером слепой воин, чувствуя, как силы его падают со дня на день и боясь, что он умрет, прежде чем доведет нас до страны, о которой нам беспрестанно рассказывал, дал нам множество разнообразных указаний о дороге, по которой мы должны идти, и о способах, какими мы можем ее найти. Затем он стал говорить нам о народе, с которым мы неизбежно встретимся и, вероятно, скоро, если последуем его советам. «Они наверно дадут вам приют, потому что вы придете к ним просителями, а не врагами», — сказал он и затем прибавил: «Когда-то я тайно бродил по их владениям: я был, конечно, не один, и на глаза мои еще не спускалась тогда эта вечная ночь. В течение многих дней я наблюдал издалека за этими людьми, к которым я веду вас теперь. Они мирно ловили рыбу на берегах озер, переплывая по ним на древесных стволах, искусно выдолбленных внутри. И вид этих людей зажег в моем уме и уме моих товарищей нанасытное желание овладеть их прекрасными жилищами на воде, а также чудным оружием и великолепными лодками, благодаря которым эти люди могли так спокойно спать и иметь всегда обильную пищу. Мы несколько раз пытались победить их, но все наши попытки оставались бесплодными. Осторожность этих счастливых людей всегда разрушала наши планы.

Наконец, однажды ночью представился случай захватить их врасплох спящими, и мы решили сделать нападе-

ние на сам поселок, но, — увы!» — простонал наш вожатый, рассказывая эту историю своего прошлого, — «мы были разбиты в эту ночь окончательно. Большинство моих товарищей погибли во время боя. Некоторые, и я в том числе, избегли смерти, бросившись в темные воды озера...

— Куда за ними кинулись вдогонку победители, — подхватил Крак, с жаром перебив молодого чужеземца. — Ваш вожатый должен был и это открыть вам, — прибавил он с усмешкой торжества, — и только один из беглецов, схваченный под водой одним из наших, вышел из воды живым. Как он спасся, я не знаю, но у него были выколоты оба глаза!

— О вождь! Вы правы, — ответил молодой чужеземец, — такова была действительно судьба этого воина. По вашим словам я догадываюсь теперь, что я, одинокий, безоружный и бессильный, попал нежданно именно к тем самым людям, о которых он мне говорил. Вы принадлежите к тому племени, на которое он некогда так несправедливо напал. О вождь! — продолжал молодой человек твердым голосом и протягивая руки, — делайте со мной, что хотите, но пощадите эти невинные создания. Я ваш пленный, врача же вашего уж нет в живых. Слепой и слабый, он все же доблестно пал в борьбе с медведем, который захватил его во сне, пока мы ушли искать свежей воды. Я убил медведя, но воин умер. Он был храбрец и звали его «Безглазым». Я сын вождя, и меня зовут Ожо.

Найденный брат

Крик изумления вырвался одновременно из трех уст.

— Ожо!.. — повторили вместе три голоса. — Ожо!..

— Да, Ожо; это незначительное имя, но я надеюсь прославить его.

— Это он!.. Это наш брат!.. — тихо промолвили Гель и Рюг, сжимая руки Крака и дрожа от радостного волнения.

— Я то же думаю, — пробормотал Крак, — и едва говорю

от волнения, но, — прибавил он, верный своим неизменным привычкам осторожности, — воздержимся пока. Многие могут носить то же имя, и имя это, для нас столь дорогое, легко может принадлежать врагу. Имейте же терпение!

И он громко спросил, обращаясь к чужеземцу:

- А эти женщины, кто они?
- Эти женщины мои сестры, дочери вождя.
- Их зовут?
- Маб и Он.

Едва эти слова сорвались с уст незнакомца, как он почувствовал, что его с разных сторон обнимают какие-то сильные руки, а в ушах в то же время раздаются нежные слова, — целый поток нежных слов. За этим взрывом братских чувств последовали объяснения.

Не стоит описывать изумления Ожо, узнавшего своих братьев, — оно само собой понятно.

Что касается Маб и Он, то им казалось, что они видят во сне, будто маленький Крак превратился в такого прекрасного молодого воина.

Вырвавшись из ласковых объятий, Крак пошел к вождю, который прилег у костра, пока он разговаривал с молодым незнакомцем. Крак рассказал ему о только что сделанном поразительном открытии и почтительно попросил у него помилования Ожо и сестер.

— Правда, их привел сюда один из наших бывших врагов, но теперь он мертв. Ожо — ловкий, осторожный, преданный и честный юноша. О вождь, он постарается, как и я, денно и нощно служить племени, которое примет его к себе. Я отвечаю за него.

— В таком случае, друг Крак, я должен опять поблагодарить тебя, — сказал вождь, — потому что, приводя к нам своего брата, ты обогащаешь наше племя. Пусть будет по-твоему. Завтра я покажу нашим молодого воина.

Ночь прошла спокойно. Воины спали, где попало, на обширной равнине, но Крак, Гель-рыболов и Рюг-большехуй, сидя нежно около брата и сестер, рассказывали им о своей жизни. А Ожо снова пересказывал, на этот раз со всеми подробностями, о постепенном упадке и кровавом кон-

це последних обитателей пещеры, в которой они родились.

— Но еще задолго до битвы, которая стала для них роковой, — сказал Ожо, заканчивая свой рассказ уже на заре, — старейшины простили тебе, Крак, смерть огня и часто с горькими сожалениями оплакивали твою вероятную гибель...

Несколько часов спустя дети пещеры, снова соединившиеся, на этот раз навсегда, подошли к берегам озера.

• • • • •

Я кончаю, мой дорогой Жан.

Наш друг Крак уже не маленький мальчик.

Я думаю, что нам пора предоставить Крака, уже взрослого человека, а не маленького мальчика, дальнейшей доисторической судьбе, ограничиваясь лишь воспоминанием о нем.

Ты видишь теперь, мой дорогой мальчик, что наша современная жизнь с ее техникой гораздо интереснее, разнообразнее, легче и лучше жизни тех далеких времен. Ты видишь также, что учиться и работать доисторическим мальчикам и девочкам приходилось гораздо больше, чем школьникам нашего времени. Потому не говори никогда, как ты любишь это часто повторять: «Ах, как жаль, что я не живу в эти интересные времена!» Поверь, что ум и гений человечества с каждым столетием делают жизнь людей и лучше и легче.

ПРИМЕЧАНИЯ

Орфография и пунктуация публикуемых в сборнике текстов приближены к современным нормам. Безоговорочно исправлены очевидные опечатки и отдельные устаревшие обороты. В оформлении обложки использована работа Ч. Найта.

И. Любич-Кошурев. Век драконов

Впервые как отдельное изд.: М.: изд. А. Д. Ступина, 1914 (Библиотечка Ступина).

И. А. Любич-Кошурев (1872-1934/37) — беллетрист, очеркист, детский писатель. Уроженец Фатежа, путь в литературу начал в Москве в 1890-х гг. как журналист и юморист. Сотрудничал в журн. *Развлечение*, *Будильник*, *Муравей*, *Детское чтение*, *Детский мир* и пр. Автор историч. повестей, рассказов о русско-японской войне и событиях 1905 г., повестей, рассказов, сказок и познавательных произведений для детей.

Л. Редфилд-Питти. Дина и динозавры

Русская переработка П. Арбатова впервые как отдельное изд.: М.-Л., ГИЗ, 1930.

Л. Редфилд-Питти (1900-1965) — американская писательница, автор популярных в 1930-х гг. — начале 1940-х гг. романов. Дочь окружного прокурора Чикаго и жена натуралиста, журналиста и писателя Д. Каллосса Питти, в соавторстве с кот. написала ряд книг.

А. Линкольн. Удивительные приключения Ига и Тига

Русский пер. с английского впервые в детском приложении к журн. *Живописное обозрение*, ноябрь-декабрь 1904.

Биографическими сведениями об авторе и месте первой публикации мы не располагаем.

Л. Фич-Перкинс. Смельчаки

Впервые как: *The Cave Twins* (Boston, 1916). Русский пер. О. Горбуновой-Посадовой публикуется по третьему изд.: М.: Посредник, 1928. Репродуцированная обл. выполнена Н. С. Трошиным.

Л. Фич-Перкинс (1865-1937) — американская художница, писательница. Училась в бостонской Школе искусств, работала в области журнальной иллюстрации. С. 1906 г. публиковала серию кн. для детей *Близнецы*; объединяет эти произведения лишь то, что во всех фигурируют дети-близнецы.

Э. д'Эрвильи. Приключения доисторического мальчика

Впервые как: *Aventures d'un petit garçon préhistorique en France*. [Paris], 1888.

Э. д'Эрвильи (1839-1911) — французский журналист, писатель, поэт и драматург; был близок к В. Гюго. Начал карьеру как рисовальщик в железнодорожной компании, до 1865 г. был чиновником управления мостов и дорог. С 1860-х гг. публиковался в многочисленных периодических изданиях, часто под псевдонимами, вел колонку в газ. *Le Rappel*. Как поэт примыкал к парнасцам. Автор ряда сб. стихов, множества романов и одноактных пьес, произведений для детей и пр.

Приключения доисторического мальчика — одно из самых популярных на русском языке произведений о первобытном мире. С 1898 г. повесть в пер. А. Мезьер и С. Круковской издавалась на русском языке не менее 50 раз; большинство переизданий начиная со второй половины XX в. представляют собой все тот же пересказ Б. Энгельгардта. Наиболее полный русский пер. под редакцией С. Михайловой-Штерн, который мы приводим здесь, вышел в 1928 (обл. 1929) г. в московском изд-ве Г. Ф. Мириманова и был снабжен пре-

восходными иллюстрациями М. Езучевского и В. Ватагина, отредактированными А. Бакушинским; насколько нам известно, перевод этот ранее не переиздавался.

Оглавление

И. Любич-Кошурев. Век драконов	7
Л. Редфилд-Питти. Дина и динозавры	33
А. Линкольн. Удивительные приключения Ига и Тига	55
Л. Фитч-Перкинс. Смелъчаки: Дети каменного века	101
Э. д'Эрвильи. Приключения доисторического мальчика	175
П р и м е ч а н и я	286

POLARIS

ПУТЕШЕСТВИЯ . ПРИКЛЮЧЕНИЯ . ФАНТАСТИКА

Настоящая публикация преследует исключительно культурно-образовательные цели и не предназначена для какого-либо коммерческого воспроизведения и распространения, извлечения прибыли и т.п.

SALAMANDRA P.V.V.